

Александр Чернявский

ГЕРОИ МОЕГО ВРЕМЕНИ

Красноярск, 2008

В новой книге известного красноярского журналиста и политического аналитика собраны интервью и статьи, написанные в последние годы. Павел Федирко и Александр Хлопонин, Александр Лебедь и Александр Усс, философы и писатели, силовики и политтехнологи – все вместе они дают зримый портрет новейшей истории Красноярского края и России.

Материалы публиковались в газетах «Аргументы и факты на Енисее», «Вечерний Красноярск», «Комсомольская правда – Красноярск» и на сайте информационного агентства «Пресс-Лайн» в 2000–2007 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

От журналиста до писателя.....	5
--------------------------------	---

Часть I От Долгих до Хлопонина

Владимир Долгих	13
Павел Федирко	19
Олег Шенин	25
Аркадий Вепрев	30
Валерий Зубов	36
Александр Лебедь	41
Александр Хлопонин.....	55

Часть II Свои и чужие

Александр Усс.....	80
Петр Пимашков.....	87
Анатолий Быков.....	95
Алексей Клешко и «Наши».....	101
Олег Пащенко.....	105
Вячеслав Новиков.....	108
Юрий Абакумов.....	115
Всеволод Севастьянов.....	122
Лебедь минус его команда.....	127
Николай Вернер.....	132
Людмила Селиванова.....	145
Евгений Цветков.....	160
Владимир Полущин.....	167

Часть III На капитанском мостике

Владимир Потанин.....	175
Анатолий Чубайс.....	181
Сергей Шойгу	186
Вячеслав Володин.....	193

Сергей Сокол.....	198
Сергей Субботин.....	205
Александр Горовой.....	218

Часть IV Фабрика мысли

Александр Дутин.....	225
Павел Ключков.....	230
Петр Щедровицкий.....	236
Владимир Княгинин.....	241
Юрий Москвич.....	247
Алексей Ситников.....	254
Ефим Островский.....	261

Часть V На льдине

Тихая оккупация.....	269
...+ исламизация всей страны?.....	275
Уроки православия.....	278
Великие шахматные пешки.....	281
Здесь и сейчас?!.....	284
Борис Пушкарёв.....	287
Елена Ахмыловская.....	294
Сергей Ломанов.....	301
Александр Бердников.....	309
Галина Шленская.....	315
Тоска по авторитетам.....	322
Алексей Мецерыков.....	325
«До боли нам ясен долгий путь...».....	334
Заметки о творчестве Валентина Распутина.....	337

ОТ ЖУРНАЛИСТА ДО ПИСАТЕЛЯ

Первое, что необходимо сказать, представляя сборник статей, очерков, интервью нашего известного земляка Александра Чернявского: все участники его новой книги с едва ли не лермонтовским названием «Герои моего времени» – личности. Кто среди РАЗНЫХ персонажей этой книжки герой положительный, а кто («немного») отрицательный, судить, конечно же, нам – читателям. Но то, что все они состоявшиеся люди, добившиеся определённых успехов на своём жизненном пути, – это факт. А много говорить о роли личностей в истории как бы и ни к чему. Все об этом прекрасно знают.

Кто углублённо интересуется политикой, также знает о многочисленных биографических справочниках, которыми из года в год потчуют нас столичные и местные издательства. «Федеральная и региональная элита России», «Кто есть кто в политике и экономике», «Кто есть кто в Красноярске и Красноярском крае», «Элита Красноярского края», «Звёзды над Енисеем» – это лишь отдельные биосборники. Они, несомненно, нужны и важны, поскольку представляют определённую ценность и для специалистов, и для всех интересующихся. Отдельно, но всё же рядышком можно поставить и мемуарную литературу первых лиц Красноярского края прошлых лет: «Историю жизни» Аркадия Вепрева, например, или – книги Александра Лебеда и Валерия Зубова. Достаточно писали о «героях нашего времени» и другие авторы. Среди которых можно упомянуть книгу Евгения Стригина об Александре Лебеде да художественно-личный взгляд Эдуарда Лимонова на того же Анатолия Быкова, допустим. Или, наверняка, упомянутые А. Чернявским «Сопряжения Алексея Клешко», фрагмент которых он приводит в представляемой книге.

Однако до сего дня те или иные повествования о нашем крае в жанре «от первого лица», безусловно, не были панорамными. Разножанровый сборник Александра Чернявского во многом заполняет именно этот пробел в современной истории Красноярского края.

«Героев моего времени» автор-составитель абсолютно верно, по моему мнению, разделил на пять поступательных частей – дополняющих, развивающих, резюмирующих и, в итоге – переплетённых одна с другой в единую канву книги. Часть «От Долгих до Хлопонина»: Александр Чернявский беседует с людьми, которые последовательно руководили нашим краем с 1969 года по сегодняшний день. Часть вторая во многом продолжает предыдущую: автор предоставляет слово Петру Пимашкову, Александру Уссу, Вячеславу Новикову, о которых также нельзя говорить как о «вторых лицах» краевого или даже федерального масштаба. А «Свои и чужие» напоминают читателю времена разрушительного противостояния разнородной команды А. И. Лебеда и некоторых представителей краевой элиты. Такие были времена.

Часть третью «На капитанском мостике» открывает интервью с главой «Интерроса» Владимиром Потаниным, проведённое автором книги в 2001 году, но во многом предсказавшее развитие политэкономических событий на будущее – наше сегодняшнее настоящее. Здесь же знаменитый министр МЧС Сергей Шойгу, а также краевые силовики Сергей Субботин и Александр Горовой.

«Фабрика мысли». В четвёртой части Александр Чернявский беседует с ведущими отечественными мыслителями современности, чьи имена хорошо известны не только специалистам. Александр Дугин, Пётр Щедровицкий, Алексей Ситников, Ефим Островский... Наверняка, читателю будут небезынтересны не только «общефилософские» взгляды этих людей на развитие наше-

го края, нашей страны и всего мирового сообщества. К примеру, воспоминания «создателя первого президента и отдельных губернаторов прошлого века» Алексея Ситникова, которого с десяток лет назад называли в отечественных СМИ не иначе как российским Жаком Сегелой, несомненно, станут откровением для многих читателей. (Как, наверняка, явятся откровением из этого же «пиарного кластера» и воспоминания губернатора Красноярского края Валерия Зубова см. часть первую «От Долгих до Хлопонина»). Если внимательно и неспешно прочесть «Фабрику мысли», то нельзя не заметить, что она во многом скрепляет три предыдущие части, где, кстати говоря, надёжными стяжками стали и статьи самого автора, написанные в жанрах «политической аналитики» и «политического портрета». На мой читательский взгляд, то, что говорили, недоговорили или о чём вообще не упоминали, по разным причинам, собеседники А. Чернявского, он ненавязчиво, но достаточно точно, если не сказать – жёстко, систематизирует в этих работах, открывающих те или иные беседы или подводящих промежуточные итоги какого-либо временного отрезка.

Читая-перечитывая четыре первые части, сколь угодно восхищайся уникальностью собранного материала и широким творческим диапазоном автора, собеседниками которого становились не только известные политики, но и наши прославленные спортсмены, деятели культуры, науки. Можно только представить объём работы, итогом которой и стала эта книга. Нельзя не сказать и о том, что Чернявский НЕ МЕШАЛ высказываться своим собеседникам (я говорю сейчас не только о жанровых фрагментах интервью), чем грешат многие журналисты нашего времени, порою суетясь и заискивая перед «звёздными мира сего», увы, выказывая тем самым «кондовый провинциализм». Однако наш автор

остался ВЕДУЩИМ всех этих бесед. УВАЖАЯ при этом ВСЕХ своих собеседников. Предполагаю: в том числе и это позволило А. А. Чернявскому в мартовском опросе экспертного информканала «Федерал-Пресс» в ежемесячном рейтинге PR-активности важнейших персон политики и экономики Красноярского края не просто стать равным среди равных, но даже опередить отдельных своих собеседников – А. П. Быкова и В. М. Зубова.

Часть пятая «На льдине» стала откровением прежде всего для меня – первого читателя книги Александра Чернявского. Поскольку свою гражданскую позицию, своё ЛИЧНОЕ отношение к тем или иным историческим процессам и следствиям-последствиям всех этих процессов автор отстоял как раз «На льдине». Именно в пятой, заключительной части «Героев» («его времени») Александр Чернявский открывает ещё одну грань своего творчества. В рамках одной, даже такой содержательной книги происходит явный рост журналиста, пускай и одного из ведущих журналистов Красноярья, патриота, всей душой любящего и переживающего за судьбу родного края, до – писателя-публициста. (А если говорить о финальном очерке «На льдине» – о жизни и творчестве великого русского писателя Валентина Григорьевича Распутина или о беседе с профессором Г. М. Шлёнской о Викторе Петровиче Астафьеве, – то можно сказать и о литературоведческих искрах А. А. Чернявского.) Можно долго рассуждать о гражданственности-патриотизме публицистики Александра Чернявского. Читатели-патриоты, наверняка, примут и «Уроки православия», и «Тихую оккупацию», и «Великие шахматные пешки», и другие яркие публицистические работы нашего автора. Однако хотелось бы обратить особое внимание вдумчивого читателя на эссе «Тоска по авторитетам». Что это, как не красный штрих-пунктир ко многим и многим материалам из книги Александра Александровича Чернявского «Герои моего времени»?

Невелик сегодняшний тираж этой книги, выход которой словно приурочен к майскому сорокалетию самого Сан Саныча, с чем мы его горячо и сердечно поздравляем. Но не надо быть гиперпророком, чтобы предсказать: «Герои моего времени» обречены на успех, и, наверняка, книгу сию переиздадут гораздо большим тиражом. Быть может, проведя через отдельные авторские досоставления или даже небольшие сокращения. Но это уже из области явного рецензирования, от чего попытался уйти ваш покорный слуга, стараясь лишь наиболее полно представить эту действительно примечательную книгу, на которую ещё напишут рецензии; наверняка, мы увидим-услышим массу ссылок на неё и читательских откликов в наших славных СМИ. То, что востребовано читающим, мыслящим обществом, – не востребованным остаться не может! Если перефразировать, вне всякого сомнения, главного героя этой книги В. Г. Распутина: «Востребованность – это когда некуда деваться».

Остаётся пожелать Александру Чернявскому дальнейших успехов на его журналистском, писательском поприще.

Алексей Мещеряков, председатель краевого отделения Союза писателей России, секретарь правления СП России.

Май 2008 года.

ОТ ДОЛГИХ ДО ХЛОПОНИНА

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ОДИН ДЕНЬ

В конце мая 2002 года по заданию редактора я отправился в Москву. Предстояло решить не самую простую задачу: за один день взять интервью сразу у трех людей, руководивших Красноярским краем (тогда еще вместе с Хакасией) в общей сложности около двадцати лет. Предварительные договоренности были достигнуты еще в Красноярске, но в столице начались неприятные сюрпризы.

Сначала возникли форс-мажорные обстоятельства у Долгих. Как раз в день моего приезда в Москву умер бывший член Политбюро Капитонов, и Владимиру Ивановичу, как председателю городского совета ветеранов Москвы, пришлось заниматься организацией похорон. Настроение у него было не ахти, однако все-таки после долгих уговоров он согласился уделить мне «30 минут». Этого, конечно, было мало для полноценного интервью, и потому пришлось применить маленькие журналистские хитрости. В итоге мы проговорили с Долгих в его офисе, который по своему старомодному убранству выглядел в буржуазно-космополитичной Москве как нетронутый островок социализма, около двух часов. Характерный эпизод произошел в конце интервью. Для материала нужна была фотография. Перед тем, как я сделал снимок, Владимир Иванович встал из-за стола, подошел к сейфу, откуда бережно вынул золотую медаль Героя Социалистического Труда, которую с гордостью прицепил на свой пиджак...

С Федирко тоже было непросто. Павел Стефанович был сильно загружен работой в Совете Федерации, в котором заседания шли друг за другом. Небольшой просвет обнаружился только после обеда. Сразу же

после встречи с Долгих пришлось мчаться на Большую Дмитровку. Кабинет Федирко откровенно удивил: бывший всесильный первый секретарь крайкома ютился в маленьком помещении вместе со своей немолодой помощницей.

Зато с «гэкачепистом» Шениным, с которым мы встретились через час после завершения интервью с Федирко, обошлось без цейтнота. Хотя некоторые напряжения возникли при поиске его местонахождения. Шенин обитал в каком-то огромном здании недалеко от станции метро «Китай-город». Олег Семенович встретил радушно с конфетами и чаем. Разговор затянулся до вечера.

Не все из этих бесед пошло в интервью, но, думается, и того, что есть вполне достаточно для понимания некоторых силовых линий эпохи великих строек.

2004

Владимир Долгих:

«МЫ МНОГОЕ СДЕЛАЛИ ДЛЯ СТРАНЫ...»

Красноярский край многим обязан Владимиру Долгих. Он возглавлял край сравнительно недолго – всего три года (1969-1972), но и этого времени хватило, чтобы наш регион превратился в одного из индустриальных лидеров СССР. Таланты Долгих были оценены по достоинству: перейдя на работу в ЦК КПСС, он 16 лет курировал всю промышленность второй мировой державы. Несмотря на свои 78 лет, Долгих на пенсию не собирается. Он возглавляет городской совет ветеранов Москвы, принимает активное участие в работе красноярского землячества.

– Из Сибири вы уехали ровно тридцать лет назад. По нашему краю не скучаете?

– С Красноярским краем у меня связано очень многое. Здесь прошли мое детство, комсомольская юность, отсюда я призывался в армию в 1941 году... Как личность, как профессионал я сформировался именно в Сибири. Начинал с аффинажного завода (ныне «Красцветмет»). Путь прошел обычный для того времени: от начальника смены до главного инженера. В те годы на базе нашего завода был построен первый в СССР цех полупроводников. В развитии отечественной электронной и космической промышленности этот завод сыграл важнейшую роль.

ПАРТИЯ СКАЗАЛА «НАДО»

– Вы оставили заметный след не только в Красноярске. Норильский комбинат для вас тоже не пустой звук...

– На Север меня отправила партийная организация завода. Комбинат я возглавлял восемь лет. Предприятие тогда переживало кризис. Богатые руды закончились, работать на бедных было невыгодно, капитальные вложения требовались очень большие плюс социальные проблемы. Ведь нужно учитывать, что с 1954 года эков на комбинате заменили вольнонаемные работники. Я неоднократно тогда встречался с руководителями страны, в частности, с Алексеем Николаевичем Косыгиным. В феврале 1964 года я побывал у Хрущева. После моего доклада на президиуме ЦК КПСС было принято историческое решение ЦК и Совета Министров о развитии комбината на базе богатых руд Талнахского месторождения. К началу семидесятых годов наш комбинат превратился в ведущее предприятие всей цветной металлургии не только Советского Союза, но и всего мира. База тогда была заложена настолько солидная, что даже катаклизмы последнего десятилетия не смогли ее разрушить. Думаю, как минимум еще несколько десятков лет комбинат будет оставаться в лидерах мировой цветной металлургии. Я считаю, что это было главным делом моей жизни в области производства. Не каждому человеку посчастливилось, как мне, оказаться в центре столь грандиозных событий.

– В конце шестидесятых годов вы возглавили крайком КПСС. Не тяжело было вам – чистому производственнику – переходить на партийные рельсы?

– На самом деле, очень большой «скрип» тогда раздавался на весь Норильский регион. Для меня такой поворот судьбы оказался крайне неожиданным. Сначала я себя даже не представлял в этой партийной ипостаси. Я считался чистым технократом. Таким людям, как я, производственникам, жизнь виделась несколько по-другому, чем тем, кто карьеру начинал с комсомола. Но тогда была

своя система. Она была обременена целым рядом ущербных вещей, тем не менее по-своему эта система была эффективной. Стержнем системы была партия. Партия тогда полностью распоряжалась кадрами. У меня состоялся очень непростой разговор с Брежневым и Капитоновым. Я пытался убедить их, что у меня для такой работы нет необходимого опыта. Брежнев сказал мне, что не боги горшки обжигают. Ссылался на свой собственный пример. Были и другие аргументы... Короче, я согласился.

– И не пожалели об этом?

– В те годы партия занималась не только проведением митингов и идеологической работой. Партия вела хозяйство. Плохо или хорошо, но мы многое сделали для страны. Мы выдвинули тогда идею комплексного развития производительных сил Красноярского края. Нам удалось доказать ее целесообразность и в правительстве, и в Политбюро ЦК КПСС. Край очень мощный в энергетическом отношении и по природным ресурсам. Но все эти богатства можно получить только при комплексном развитии региона. С начала семидесятых годов край фактически двадцать лет развивался в русле этой «комплексной» идеи.

МИФ О ЗАСТОЕ

– Вы были секретарем ЦК КПСС в эпоху, которую позже стали именовать застоем. А как вы оцениваете этот период нашей истории?

– Одна из главных особенностей той эпохи заключается в том, что мы видели перспективу. Плановая система позволяла реализовывать масштабные экономические проекты, потому что была возможность гибко распоряжаться ресурсами. Сейчас эту эпоху рисуют в основном в негативных красках. Говорят, что в магази-

нах ничего не было. Неправда. Например, в первый год моей работы в крайкоме в Абакане случилось сильное наводнение. Прошелся я тогда по местным магазинам: там не было только дешевых папирос. Все остальное было. Одно время мы сталкивались с перепроизводством масла. Были даже проекты хранить его излишки во льдах на Новой Земле. Сейчас по-другому. За последние десять лет в России ничего крупного не открыто и не построено. Брежнева нынче модно критиковать, но ведь никто не будет отрицать, что именно в его время была создана экономика, которая сейчас успешно эксплуатируется новыми хозяевами. Новые поколения пока ничего серьезного не создали. Да и то, что мы им в наследство оставили, в нормальном состоянии не поддерживается. О чем говорить, если сейчас ключевые энергетические предприятия изношены на 70-80%!..

– Вы скептически относитесь к нынешней экономической политике?

– А ее как таковой нет. Сейчас руководители больше занимаются бумажными делами и говорильней. Единственный выход для России сегодня – ставка на научно-технический прогресс. Только при развитии этого направления мы можем скомпенсировать суровые природные факторы. Но, увы, сейчас мы в этой области сильно отстали от передовых стран. Наши лучшие умы работают на Западе, а мы остаемся ни с чем.

ПРИЧИНЫ КРАХА

– Если все было так хорошо, почему же страна рухнула буквально в одночасье?

– Вопрос очень сложный. История должна «отстояться», чтобы освободиться от эмоциональных оценок и обеспечить действительно объективный анализ. Сей-

час слишком много оценок с политиканским душком. К объективным причинам я отношу в первую очередь ошибки самой партии. Партия стала превращаться в бюрократическую структуру. Не в пользу КПСС сыграло и стремление к массовости. В нее стали попадать случайные люди. В восьмидесятых годах партия нуждалась в чистке. Партия, в конце концов, слишком много на себя взяла, занимаясь буквально всеми вопросами. КПСС потеряла способность к дискуссиям и свободному обсуждению важных вопросов. Я вспоминаю один характерный случай. В Енисейске появился грамотный проповедник. Он вышел с предложением в горком партии провести диспут на тему религии и атеизма с любыми участниками. Так ведь не нашлось людей, которые рискнули бы вступить в этот спор! Застоя в экономике не было – был застой в кадрах. Негативную роль сыграло и то, что военное лобби в Политбюро забежало вперед в области наращивания вооружений. Перекос в сторону ВПК был не слишком оправдан. Субъективный фактор – личность Горбачева. Вначале все его реформы носили поверхностный характер. Но уже вскоре пошли изменения, которые негативно ударили по всей экономике. А в нашей стране нельзя идти революционным путем. Все реформы должны носить эволюционный характер. Были совершены трагические для страны ошибки.

– Неужели нельзя было воспрепятствовать событиям, приведшим к развалу страны?

– Думаю, что все-таки им можно было воспрепятствовать. Мы недооценили силы, которые затеяли перестройку. Фактически она превратилась в антисоветскую деятельность. Мы-то верили Генсеку, который говорил об усилении роли партии. Горбачев нас обманул. Приверженцы социалистического пути оказались в переломный момент истории за бортом борьбы.

РЕЦЕПТ СПАСЕНИЯ?

– Вы руководили краем, в который входили Хакасия, Таймыр и Эвенкия. Сейчас ситуация несколько иная... Красноярский край пребывает в глубоком политическом и экономическом кризисе.

– Я всегда выступал против сепаратизма. Край нельзя разрушать. Тем более это может быть опасным прецедентом для всей страны. Ведь многие региональные царьки мечтают о самостоятельности. Край очутился в тяжелом положении. Почти все отрасли экономики, кроме цветной металлургии, влачат жалкое существование. Ни о какой комплексности уже речи не идет. Как их реанимировать? Требуется объединение усилий. На мой взгляд, в крае обязательно нужно правительство, чтобы губернатор был свободен от принятия оперативных решений по экономике. К сожалению, в свое время Александр Лебедь не принял этих предложений. Экономiku он переложил на плечи своих заместителей, многие из которых просто элементарно не знали специфику региона. Речь шла лишь об использовании финансовых потоков, а не о развитии экономики. Все это привело к тяжелому положению. Будущему губернатору предстоит проделать титаническую работу по объединению усилий красноярской деловой элиты.

– Владимир Иванович, как вам удается в 78 лет сохранять столь высокий жизненный тонус?

– Бог его знает. Думаю, играет свою роль генетический потенциал и здоровый образ жизни. Например, теннисом я прекратил заниматься лишь лет пять назад. Зарядку делаю постоянно. Наше поколение трудно сломать. Мы привыкли работать. Отдыхать не умеем.

Павел Федирко:

**«НИКТО НЕ СМЕЛ СКАЗАТЬ
МНЕ НЕПРАВДУ ...»**

Эпоха Федирко. Уже сейчас историки и простые красноярцы так называют те пятнадцать лет (1972-1987 гг.), когда краем руководил Павел Стефанович. Многие из старшего поколения с благодарностью вспоминают это время, считая его своеобразным «золотым веком» нашего региона. И основания для такой ностальгии есть. При Федирко край радикально преобразился. Красноречивая цифра: за пятнадцать лет объем производства увеличился в три раза. Такие темпы развития не снились даже «азиатским тиграм» (Японии, Корее, Сингапуру и Гонконгу). Федирко до сих пор участвует в реальной политике – он член Совета Федерации от Красноярского края.

ЭКОНОМИКА И ДУХОВНОСТЬ

– Люди, которые с вами работали, утверждают, что вы были руководителем от Бога, хоть иногда и чересчур жестким. Вы согласны с этим мнением?

– Руководителями не рождаются, а становятся. Моя биография в какой-то степени может проиллюстрировать это утверждение. В крае я работал с 1954 года. После института попал в Норильск, работал и на комбинате, и в комсомоле, и в советских органах. Потом меня перевели в Игарку. Там как раз случился крупнейший пожар. На нем «погорел» тогдашний первый секретарь горкома, и меня прислали на его место. Занимался восстановлением города. После Игарки участвовал в создании ядерно-

го щита страны. Потом взяли в крайком партии, в отдел оборонной промышленности. Кидали меня в основном на трудные участки.

– Вы прямо какой-то антикризисный управляющий, говоря современным языком...

– Так уж сложилось. С 1972-го я возглавил крайком КПСС. Это время было настолько бурным, что я себя просто не помню. Тогда реализовывались крупномасштабные программы, первая из которых была принята в начале семидесятых годов при моем предшественнике – Владимире Ивановиче Долгих. Ценность этих программ в том, что в их реализацию были вовлечены все. То время проскочило как один час.

– А семью вы часто видели в те годы?

– На личную жизнь времени не оставалось. В субботу, как правило, всегда на работе. Надо отдать жене должное – она к моей загруженности относилась с пониманием. Даже к моим маленьким хитростям. В воскресенье говорю: «Собирайся – едем за город отдыхать». Выезжаем в Емельяновский район, где строился аэропорт. Говорю водителю: «Остановись». Осматриваю строящуюся дорогу или взлетную полосу. Жена говорит: «Ага, прогулялись!» Зато в понедельник спрашиваю подчиненных: «Как дела движутся, какие проблемы?» И никто не смел сказать мне неправду, потому что знали: я в курсе дела. Приучил я руководителей к верным докладам. Это к вопросу о моей жесткости. Но я спрашивал за дело, а не из-за природной злобредности.

– Помнится, все семидесятые годы появился лозунг: «Превратим наш край в край высокой культуры!». И ведь на самом деле именно при вас в Красноярске появились и новые театры, и БКЗ, и нынешний музей на Стрелке...

– Добавьте сюда возвращение в край Виктора Астафьева, которого я считаю великим, хотя и неоднознач-

ным человеком. Добавьте симфонический оркестр Ивана Шпиллера... Дело в том, что я никогда не отделял экономику от духовной жизни. Некоторые меня за это критиковали, дескать, зачем нужно было строить театры и концертные залы? Но если бы мы не поднимали культуру, то никогда бы в край не привлекли квалифицированных специалистов! В этой жизни все взаимосвязано.

БЕЗ КАДРОВ – ТРУБА

– С уходом с поста первого секретаря крайкома вы с краем не расстались. Сейчас вы сенатор, и вам, наверняка, небезразлично, что регион, которому вы отдали столько сил и времени, пребывает нынче в глубокой яме. Как из нее выбраться?

– Сделать это будет сложно. Но не все безнадежно. Крайнюю точку падения, на мой взгляд, мы уже прошли. Но подъем пока осуществляется медленно и слабо. Скажу банальную, но верную вещь: чтобы рвануть вперед, нужно просто начать работать. Надо собирать руководителей, разбираться с каждым поодиночке, формулировать перед ними понятные задачи, определять программу действий. Не стоит замыкаться только на цветной металлургии – нужно немедленно браться за другие отрасли. Например, все забыли о легкой промышленности, лесной отрасли, химии. В наше время это были крупные источники дохода. В советское время цветная металлургия давала 30% поступлений. Сейчас же – вдвое больше. Явный перекося. Для предприятий, «лежащих на боку», нужно находить не каких-то непонятных антикризисных управляющих, а тех, кто на самом деле понимает в производстве.

– А такие люди есть? Ведь очевидно, что качество нынешних управленцев снизилось по сравнению с вашими временами.

– Конечно, все упирается в кадровую политику. Я имею в виду даже не политическую составляющую этого понятия, а организационную. Кадры не должны прыгать по ступеням служебной карьеры, а идти к вершине планомерно. Представители моего поколения именно так учились азам управления. Готовить людей надо, они ведь с неба не упадут. Здесь цена ошибки очень высока. Когда я пришел в крайком, то знал практически все отрасли экономики, потому что меня жизнь этому учила. Иногда больно учила. Сегодня же зачастую человека просто берут и назначают на направление, в котором он ничего не смыслит. Даже если он приходит на завод не карманы набивать, а с искренним стремлением что-то сделать, то процесс его обучения обходится слишком дорого. Беда эта не только краевая, а общероссийская.

– **Сегодня в крае многие уповают на Москву. Дескать, слетаем в Минфин, попросим денег, и все будет нормально. Вам не кажется, что мы зря себя тепшим иллюзиями?**

– Регионы сегодня все в большом загоне, потому что политика со стороны федерального правительства построена на выкачивании ресурсов из регионов. Ведь край не так плохо работает, как может сегодня показаться со стороны. По России мы занимаем одно из первых мест по объемам производства. Рейтинг края достаточно высок по многим показателям. По собственным доходам мы на десятом месте сейчас. А по дефициту бюджета – на 67-м месте. Грустный парадокс. Край много отдает федеральному центру, практически ничего не получая обратно. Такого грабежа никто не выдержит.

АМБИЦИИ ПРОТИВ ЛОГИКИ

– Вы руководили краем, в который входили Хакасия, Таймыр, Эвенкия. Сейчас же все разбежались по своим автономным и республиканским коммуналкам. Вы верите, что край когда-нибудь сольется в единое целое?

– Край себя гораздо лучше чувствовал, когда был единым целым. Ведь мы строили народнохозяйственный комплекс таким образом, чтобы край как административная единица был самодостаточным. Вся технологическая цепочка была логичной именно в рамках края. Мы делали все, чтобы заполнить недостающие ниши. Так, например, появился Ачинский нефтеперерабатывающий завод, аэропорт «Емельяново» и много других предприятий. Вообще, в этом вопросе много лукавства. Почему-то все забыли, что если бы не край, то Норильск самостоятельно не смог бы построить Надеждинский завод. Я знаю, о чем говорю, потому что сам там чуть ли не каждую неделю бывал. Сколько мы туда людей мобилизовали, строительных организаций, материалов и ресурсов!.. Это был единый и монолитный организм. Мы легко находили общий язык с северянами, потому что я сам провел немало лет в Норильске и хорошо знал людей. И для Хакасии целую программу создали. Построили и Саянский алюминиевый и Абаканский вагоноремонтный заводы, и Саяно-Шушенскую ГЭС, и аэропорты, и дороги. Именно мы создали все то, на чем зиждется сейчас фундамент хакасской экономики. Да и в Эвенкии в те годы значительно больше делалось, потому что это все было свое.

– И все же – способны ли нынешние руководители субъектов РФ преодолеть амбиции и вернуться к прежней общекраевой модели?

– Сегодня, к сожалению, сделано все для того, чтобы шло разъединение, причем не только в управлении, но и в экономическом взаимодействии. Для того чтобы все привести в норму, нужно поменять законодательство и создать условия для совместной работы. А все эти разговоры о том, что, дескать, пусть край сначала свою экономику поднимет, а уже потом мы посмотрим – объединяться или нет, не имеют под собой оснований.

ДЛЯ ПОСТА НУЖЕН КАПИТАЛ

– Павел Стефанович, представим все же гипотетическую ситуацию: кроме вас, никто не способен поднять край. Как бы вы тогда поступили?

– Возможно, решить проблемы в нынешней ситуации мне было бы и легче, чем кому-нибудь другому, но возраст у меня, увы, уже не тот. И еще – сегодня на такие посты идут с каким-то капиталом, а я сейчас живу на зарплату госслужащего. Так и передайте читателям «АиФ на Енисее».

2002

Олег Шенин:

«НАШЕ ВРЕМЯ БЫЛО БОЕВОЕ!»

Олег Шенин был непосредственным участником драматичных событий, происходивших в стране в конце восьмидесятых – начале девяностых годов прошлого столетия. Именно тогда закладывался вектор сегодняшнего развития России. Вскоре после прихода к власти Горбачева Шенин возглавил Красноярский крайком партии, а в 1990 году стал секретарем ЦК КПСС. После августа 1991 года нашего земляка зачислили в ряды самых активных «путчистов» и даже посадили в «Матросскую тишину». Но следствие закончилось ничем, и последние годы Олег Семенович по-прежнему активно занимается политикой.

– Не каждому дана такая бурная жизнь, как ваша, Олег Семенович. Ведь вы в какой-то степени творили историю страны...

– На самом деле моя карьера в советские времена развивалась планомерно. Я долгое время работал в строительстве, возглавлял трест в Ачинске, возводил глиноземный комбинат. В семидесятых годах меня рекомендовали на пост первого секретаря Ачинского горкома партии. Не скажу, что я был от этого в восторге. Ведь партийная работа для меня была совершенно новым направлением. Но тогда времена были такие, что особо не поспоришь: раз предложили, надо соглашаться.

– И после этого вы с партийной стези уже не сворачивали?

– После Ачинска я работал в Хакасии, один год провёл в Афганистане, затем переехал в Красноярск. В те

годы партийная работа была тесно связана с хозяйственной. Красноярский край был большой строительной площадкой. В крайкоме я занимался строительством и административными органами, в частности, курировал строительство экскаваторного завода и Саяно-Шушенской ГЭС, Ачинского НПЗ, Саянского алюминиевого завода.

НА ОСОБОМ СЧЕТУ

– В 1987 году вы сменили легендарного Павла Федирко на посту руководителя края. Чем запомнились вам эти годы?

– Край всегда был на особом счету. Например, по объему капитального строительства мы уступали только Москве и Тюменской области, по объему промышленного – были на седьмом. Мы в те времена давали колоссальную прибыль и огромные деньги в союзный бюджет. Тогда это был один из главных доноров страны. Естественно, одной из главных моих задач было все это сохранить и приумножить. Мне за тот период работы не стыдно, хотя уже тогда в стране начались разрушительные процессы. Заварилась большая смута. Новоявленные предприниматели быстро сколачивали капитал, с помощью которого ломали Советскую власть и партию, а в конечном счете и всю страну. Но мы не сдавались. Вообще время было боевое.

– А в крае эти процессы как проявлялись?

– В крае мы положение удерживали. Когда в 1990 году я уезжал в Москву (меня избрали секретарем ЦК КПСС), то регион оставался в порядке. Я не реже раза в неделю специально проезжал по магазинам, бывал на рынке, поэтому реально представлял ситуацию. Цены у нас были намного ниже московских. Мясо на рынке у нас стоило тогда око-

до 6 рублей, в кооперативных магазинах было 17-18 сортов колбасы. Экономика края работала без серьезных сбоев, и стройки мы не замораживали. Тогда даже в голову никому не могла прийти мысль заморозить строительство здания КАТЭКНИИУтля, как это произошло в девяностые годы.

– Почему же за считанные годы все рухнуло?

– На Западе развалить Советский Союз хотели всегда. Многие этому тогда не верили, но жизнь подтвердила, что это не было сказкой, придуманной советской пропагандой. Этого, кстати, никогда бы не удалось сделать нашим противникам, если бы не предательство внутри страны. Причем началось все непосредственно с главы государства – Михаила Горбачева и его ближайших соратников: Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина и других, которые работали на развал страны. Тогдашняя верхушка стремилась поменять власть на собственность. И ей это удалось. Были придуманы специальные фонды с красивыми названиями, которые на самом деле служили ширмой для пятой колонны Запада. Я сам в эти годы в узком кругу прогнозировал, что дело идет к развалу СССР. На меня смотрели, как на сумасшедшего – моим собеседникам такой сценарий казался абсолютно невозможным. Прямо скажу: партия оказалась к этому предательству не готова. Горбачев имел возможность зажимать тех, кто открыто предупреждал, к каким катастрофическим последствиям приведет так называемая перестройка. Убирали настоящих патриотов, которые прошли еще сталинскую школу.

ГУЛАГ: ЕЩЬ СКОЛЬКО ВЛЕЗЕТ

– Может, просто люди боялись выступать против Горбачева, потому что был риск потерять статус и привилегии?

– Наверное, и это тоже влияло. Люди надеялись за счет лояльности Горбачеву остаться на плаву, а в итоге потеряли все. Потеряли страну и утробили народ.

– В КПСС ведь были не только Горбачев и Яковлев, была и группа консерваторов, в которую входили вы. Почему же вы все-таки проиграли? Почему, например, не удалось победить ГКЧП?

– Никто не хотел брать на себя ответственность. Были только заявления и декларации, а действий – ноль. А ельцинская команда действовала напористо и четко, прекрасно понимая, что она от этого будет иметь.

– Известно, что вы весьма положительно оцениваете сталинский период нашей истории. А как же ГУЛаг?

– 50% населения России сейчас не едят того, что ели в ГУЛаге. Когда мне было всего 22 года, я отсидел полтора года в лагере за нарушение правил техники безопасности, так что могу говорить об этом со знанием дела. Все в лагере работали, получали деньги. Питание тоже было хорошее. Идешь, бывало, в столовую: справа стоит бочка килограммов на 250 тихоокеанской сельди, а слева стояла такая же бочка с горбушей. Сколько в тебя влезет, столько бери и ешь. Сейчас так в пионерском лагере не кормят.

– Повезло вам...

РАЗРУШИТЕЛИ И ОЛИГАРХИ

– Что вы думаете о тех, кто руководил краем после вас?

– Их деятельность носила в основном разрушительный характер. Мне кажется, губернаторы могли сохранить многое в собственности края. Тем более такие примеры в России были. Нужно было удержать в своих ру-

ках и недра, и стратегические отрасли. Ну а то, что край из донорского превратился в дотационный, говорит о многом. Это или нужно было специально постараться, или просто не соображать, чем управляешь. Обидно и то, что край перестал существовать как административная единица. Юридическая неразбериха привела к тому, что край уже и краем-то полноценным не назовешь. Нет ни Таймыра, ни Эвенкии, ни Хакасии.

– Ну, наверное, не во всем виновата красноярская элита. Федеральный центр тоже в этом направлении постарался, уведя серьезные налоги из региона.

– А чему здесь удивляться? Чем слабее регион, тем Москве выгодней. Процесс становится более управляемым.

– Многие говорят, что сейчас краем управляет не губернатор, а олигархи. Эту ситуацию как-то можно изменить?

– Я убежден, что этот процесс еще можно повернуть в другую сторону. Ведь народ реформы не одобряет. Ему власть настолько обрыдла, что он уже ее не приемлет. Протестная волна все равно растет, просто СМИ это не показывают. Во многом эту волну гасит нынешнее руководство КПРФ. Если бы компартия была способна повести за собой народ, то уже сейчас многое в стране изменилось бы.

– Есть ли в вашей биографии решения, о которых вы впоследствии пожалели?

– Я очень сожалею, что так бездарно прошли события августа 1991 года. Все можно было тогда повернуть по-другому и сохранить и Советскую власть, и социализм, и СССР. Я об этом буду всегда сожалеть.

Аркадий Вепрев:

«МЫ БЫЛИ ЗАЛОЖНИКАМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ»

В отличие от многих политиков, получивших известность на волне перестройки, Аркадий Вепрев был хорошо известен всей стране еще в социалистическую эпоху. Возглавляемый им совхоз «Назаровский» был образцом не только для красноярцев, но и для всего СССР. Урожаи, собираемые в этом хозяйстве, удивляли даже иностранцев. Бывало, за день Вепреву приходилось принимать по 6-8 делегаций. В 1989 году он пошел в большую политику – был избран в Верховный Совет СССР. После августовских событий 1991 года Борис Ельцин назначил его губернатором Красноярского края. Губернаторство Вепрева пришлось на самые смутные годы новейшей истории России.

ГОВОРИЛЬНЯ НА ОЛИМПЕ

– Почему вы решили пойти в большую политику? Ведь в вашем совхозе дела шли лучше некуда.

– Да, я пошел в Верховный Совет СССР, но и там от земли не ушел, возглавив комитет по аграрной политике и продовольствию. Так что изменились только масштабы. Я и до того, как дал согласие баллотироваться в депутаты, был знаком с весьма влиятельными людьми из ЦК КПСС, в том числе с Горбачевым. Но мне захотелось посмотреть вблизи, как относятся к крестьянину на олимпе тогдашней политической системы. Был и личный интерес – хотелось поехать по стране, посмотреть,

какие есть реальные возможности у нашего сельского хозяйства и ответить на один важный для меня вопрос: способны мы сами себя прокормить?

– Удалось сделать что-то реальное для сельского хозяйства?

– Я возглавлял комитет около двух лет. За этот период, конечно, что-то реальное сделать было сложно. Годы были уж очень смутные. В стране было царство говорильни. Все дрались за власть, и это было заметно даже нам – не особенно искушенным в политических интригах людям.

СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО

– В 1991 году вы стали губернатором. Почему назначили именно вас?

– Я был неплохо знаком с Ельциным, и это сыграло свою роль. Сразу скажу: я не хотел быть губернатором. Я предлагал на этот пост Валерия Сергиенко. Не знаю, почему его кандидатура не прошла. Ко мне приезжали Вячеслав Новиков и Юрий Москвич, которые долго меня «сватали» в это кресло. Я отказывался, ссылаясь на неважное здоровье, но в конечном счете они меня уговорили. Я собирался уйти с этого поста, как только на горизонте появилась бы фигура, способная взять бразды правления регионом в свои руки.

– Вы управляли краем в сложнейшее время, когда вся страна встала на дыбы и мало кто понимал, куда ж мы идем. Какие наиболее яркие впечатления от этого периода?

– В Москве тогда очень боялись социального возмущения, поэтому перед руководителями регионов ставилась задача всеми способами обеспечить выплату зарплат. Забастовок у нас тогда не было, но пикеты перед

«серым домом» собирались. Еще запомнилась бурная приватизация. Из администрации президента мне звонили каждый день и постоянно спрашивали, когда же мы закончим приватизацию. Я пытался сопротивляться, так как был уверен, что такой серьезнейший процесс не может быть проведен за один год. В спешке легко было наломать дров.

– **Что в итоге и получилось...**

– Я приводил им в пример западный опыт, в частности английский, когда процесс приватизации угольных шахт был растянут на многие годы. И это в стране, где капитализм существовал уже несколько столетий. Мне говорили: «Если будешь сопротивляться, то мы тебя уберем». Я отвечал: «Убирайте, я за кресло не держусь, но в вашей аванюре участвовать не хочу». Еще одной из серьезнейших проблем было резкое падение спроса на продукцию, которую производили на наших предприятиях, входивших в ВПК. Их директора постоянно ходили ко мне и просили денег на зарплату. Психология осталась прежняя: если чего-то не хватает, то иди к власти и проси. А откуда у меня деньги? Казна-то была пуста. Конечно, кое-чем помогал, но это были крохи. Социализм уже ушел, а новая система только создавалась.

– **Как вы думаете, можно ли было удержать тогда под контролем края Норильский комбинат, КраЗ и другие стратегические предприятия?**

– Их приватизация состоялась уже после того, как я ушел в отставку, хотя над этой серьезнейшей проблемой я, конечно, размышлял. Думаю, что вряд ли нам дали бы оставить эти ключевые предприятия в краевой собственности. Настолько был серьезен нажим из Москвы. Регионы тогда не могли идти против федерального центра.

– **Ну а как же Татарстан с Башкирией? Они-то свои права отстаивали.**

– Все помнят знаменитую фразу Ельцина о суверенитете, который он обещал национальным республикам. В итоге Шаймиев и Рахимов, шантажируя федеральный центр угрозой отделения, сумели оставить в своей собственности почти все. В Красноярском крае ситуация была иная. Региональная элита была слишком слаба, чтобы противостоять федеральному центру. Самостоятельная политика была обречена. Заблуждавшихся поправили бы очень просто.

– **Уволили бы?**

– Да.

РАЗУМНЫЙ БАЛАНС

– **Вы были назначены губернатором сверху. Следующие губернаторы уже избирались народом. Что все-таки лучше – выборы или назначение глав исполнительной власти?**

– Я думаю, что выборы – это ошибка. Мы не дозрели еще до этого. Уверен: губернаторов надо назначать. Только так можно удержать вертикаль власти. Когда тот или иной человек приходит к власти на четыре года, то он в первую очередь начинает заботиться о следующих выборах. Ему приходится думать не о том, как эффективно построить работу, а как угодить населению. А все делать в угоду избирателю – это не совсем правильно. Бывают моменты, когда надо мужественно принимать непопулярные решения. Должен быть разумный баланс.

– **Получается, вы против демократии? Ведь выборы считаются одним из ее главных признаков.**

– Я не против демократии. Просто мы для выборов еще не готовы по своему экономическому уровню и духовному состоянию.

– **Когда же «дозреем»?**

– Когда нормально жить будем. Сроков назвать я вам не могу.

– **Что для вас означает понятие «нормально жить»?**

– Это когда люди будут получать ту зарплату, которая позволит им без проблем удовлетворять все здоровые человеческие потребности. А для этого надо выстраивать разумную экономическую политику, которая не будет основываться только на продаже сырья за границу.

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

– **Нынешняя красноярская элита зарождалась на ваших глазах. По вашему мнению, она сумела достойно ответить на вызовы времени?**

– Ответить на ваш вопрос довольно сложно. Возьмем Валерия Зубова, который в политику пришел при мне. Когда он стал губернатором, ему пришлось столкнуться с теми же проблемами, с которыми боролся и я. Экономика не просто не развивалась – она катилась в пропасть. Мы успешно проедали то, что было накоплено в предыдущие десятилетия. Зубову долгое время пришлось в основном затыкать дырки. Нормальная работа пошла только в последние два года его правления. А в первой половине девяностых нужно было где-то находить деньги для бюджетников. Откуда же их брать, если экономика не работает? Я и Зубов были заложниками обстоятельств.

– **Как вы оцениваете губернаторство Александра Лебеда?**

– Как личность это был очень сильный и яркий человек. Другого мнения здесь быть не может. Но первое время, когда он пришел к власти в крае, чувствовалось,

что он был не на своем месте. Все же трудно из хорошего генерала-десантника сразу стать эффективным руководителем региона. Но, думаю, если бы Лебедев избрали на второй срок, то из него вышел бы очень неплохой губернатор.

– В чем причина кризиса, обрушившегося на Красноярский край?

– В уравниловке. Все регионы сейчас стараются сделать одинаковыми. Это напоминает мне советские времена, когда у нашего богатого совхоза принимали молоко по более низкой цене, чем у соседей, и таким образом дотировали их за счет нас. Еще одна из причин – разброд в красноярской верхушке. Последние годы ЗС постоянно пытались вставить палки в колеса исполнительной власти. Правда, сейчас вроде бы ситуация изменилась, но, боюсь, только на время – пока у нас нет губернатора.

– Всем уже надоела свара в высших эшелонах красноярской власти. Можно ли как-то консолидировать местную элиту? Или это из области утопии?

– В свое время я был первым советским сенатором, который выступал перед американским сенатом. Я много общался с заокеанскими коллегами, и меня поразило, насколько они болели за свою страну. Несмотря на политические различия, они никогда не принимают решения, которые противоречат интересам Америки. Если мы последуем их примеру, тогда все эти конфликты сами собой уйдут на второй план, а на первом месте будут интересы края.

2002

Валерий Зубов:

«ЭФФЕКТ ДРАЙВА»

Вздыбленная Россия начала девяностых годов двадцатого столетия была колоссальным полем для экспериментов. И, казалось бы, новоиспеченному губернатору сам бог велел окунуться в них с головой. Еще бы – ведь во власть он ворвался как раз на реформаторской всесокрушающей волне! Однако Валерию Зубову хватило мудрости избрать курс стратегически взвешенных решений. Вряд ли у него получилось бы провести корабль, не налетая на коварные рифы тех туманных лет, если бы рядом с ним не было команды единомышленников.

В администрации Зубов стал первым среди равных. В принципе, нельзя сказать, что новый губернатор пришел на пустое место. Уже во время предвыборной кампании-93 он стал ядром, вокруг которого собрались люди, игравшие до середины 1998 года ключевую роль в жизни региона. У них было немного управленческого опыта, но был драйв, который отсутствовал у их коммунистических предшественников. Была жажда творчества. Естественно, были ошибки (и крупные), но были и бесспорные достижения.

На этом драйве в зубовскую эпоху в краевую элиту ворвались новые люди, сменилось целое поколение управленцев. Можно долго спорить об их адекватности и эффективности, но вряд ли кто-то поставит под сомнение тот факт, что именно приход Зубова расчистил этой генерации место под солнцем. Некоторые из них потом стали его оппонентами (жизнь все же сложная штука), другие продолжают работать рядом с ним до сих пор.

Иных уж нет, а те далече... Многие пошли своим собственным путем и сейчас работают в Москве и в других городах России. Некоторые из той плеяды сейчас не на последних ролях в администрации Александра Хлопонина. Но эпоха Зубова закончилась в 1998 году. Экс-губернатор вспоминает по прошествии семи лет после тех драматичных событий.

– Как вы сегодня оценили бы те губернаторские выборы – пожалуй, самые захватывающие из всех региональных выборов?

– Только формально они были региональными. По сути, выборы-98 в Красноярском крае – это, без сомнения, была федерально-олигархическая драка.

Впереди уже маячила смена президента, а значит, с большей степенью вероятности – смена политической элиты и начало покушений на перераспределение национальных ресурсов.

В прекрасном старом особнячке, где в советское время располагался горком комсомола, тепло вспоминаемый мной по стройотрядовским будням, в новое время располагалась штаб-квартира «Менатеп». Там прошло тайное совещание по выборам-98. Под председательством т. Митиной, заместителя руководителя президентской администрации, состоялось обсуждение, при каких условиях мне, действующему губернатору, должна быть оказана финансовая и организационная поддержка со стороны большого бизнеса. Присутствовали представители всех олигархов. Суть проста: каждый заявил точно очерченный круг своих имущественных претензий: ГЭС, угольные разрезы, алюминий... Дошло до того, что представитель Инкомбанка в сердцах сказал: «Я не пойму, мы собрались обсудить, как сработать на Зубова или как он должен сработать на нас?»

Основными сценаристами и режиссерами выступили Березовский и Гусинский. Причем «человеческого» в их интересе к нашим выборам было не меньше, чем экономического и политического!

Две мои личные встречи с Березовским и одна с Гусинским (при свидетелях) продемонстрировали, что помимо стратегического политического результата для них очень важно было свести счеты с Потаниным за проигрыш при дележке «Связьинвеста». Гусинский прямо в лоб сделал предложение помочь обанкротить «Норникель». Моя «финансовая» аргументация (о моральной и юридической сторонах дела никто не заикался), что это будет катастрофа, так как социальная сфера комбината свалится на бюджет края, в результате банкротства раздавит этот бюджет, просто «пролетела мимо ушей».

Естественно, мы ни о чем не договорились. В информационной поддержке на выборах мне отказали. Последние слова Гусинского: «Ты сам выбрал свой путь».

Сегодня я могу ответить: «Это правильно, когда каждый выбирает свой путь. И ты тоже. Я сегодня не жалею. А ты?»

Восхитительность ситуации заключалась в том, что, с одной стороны, проект «Лебедь» запускался неформальной «семьей», а формально администрация президента делала вид, что мобилизует ресурсы на противодействие этому проекту. Ей-богу, что-то шизофреническое было в сложившейся системе управления страной.

Факт бесспорный: в этот момент олигархи управляли страной. Но делали это при прямом попустительстве администрации президента. Поведи себя администрация по-другому, и все сразу двинулось бы в другую сторону. Что впоследствии и произошло. А в то время от давления мог спасти только тот факт, что администрация и олигархи не были друзьями-товарищами.

Политическая составляющая заключалась в подготовке площадки для следующего президента. Очевидно, план заключался в том, чтобы создать выгодную «переговорную площадку», то есть основу для торговли: мы вам формальное президентство, вы нам больше собственности и реального влияния.

Почему Красноярский край? Первоначально в качестве полигона рассматривался не Красноярский край, а Иркутская область. Но в декабре 1997 года прошли выборы Законодательного Собрания края, на которых довольно много голосов набрал блок «Честь и Родина». Этот блок стал частью комбинации, целью которого было не допустить коммунистов к доминированию в краевом парламенте. Они должны были отобрать голоса у противников власти. Их выборами занимался штаб Александра Усса. И та же самая команда пиарщиков. И задачу решили – коммунисты не получили большинства. Правда, параллельно решили и вторую задачу: Лебеда раскрутили в крае. Очевидно, это и склонило сценаристов от Березовского двинуться на благодатную почву. Тактически Березовский всегда действовал блестяще. Стратегически все плохо кончалось. Сначала для его подельников, а в конце концов и для него самого.

– Вы не выиграли, потому что это было предопределено или слабо поработали?

– Всегда надо основную причину искать внутри, в себе, а не вовне, не в ком-то.

Конечно, был общий фон: неплатежи в течение двух лет, которые измотали людей; объективно сложные отношения севера и юга края (Норильский промрайон дал моему оппоненту 90% голосов), международная известность соперника, низкий уровень действующей власти в целом, да мало ли еще чего можно притянуть? Самую

большую ошибку совершили сами: мы повели себя (без всяких оснований!) как провинциалы. Дали себя развести. Вполне нормальные люди испугались. Решили, что можем не принимать во внимание новые жесткие избирательные технологии. Абсолютно неправильно оценили необходимые финансовые ресурсы. Я повел себя излишне деликатно по отношению к работникам «большой администрации» (включая глав районов), которые заняли отстраненную позицию. Продолжал заниматься текущей работой, а надо было только выборами...

Самый тяжкий грех в управлении – провинциализм. И самая тяжкая расплата – за него.

– Осталось твердое ощущение, что в значительной степени неудача связана с предательством сподвижников.

– Выборы – это всегда Юрьев день. Все имеют право выбора. И кто-то сделал его не в мою пользу. Многие обожглись на таком решении. Но я, по большому счету, претензий иметь не хочу и не имею права. Хотя бы потому, что число людей, на которых я могу положиться, сейчас, после тех выборов, неизмеримо возросло. В человеческом плане я вышел из выборов «с положительным балансом».

(Из книги «Валерий Зубов: «Сила не в умении ходить строем...» в соавторстве с Виктором Мельником.)

2005

Александр Лебедь

ТРЕТИЙ ЗОВ ТРУБЫ

Александр Лебедь был одним из немногих людей, про которых можно с полным правом сказать: человек судьбы. В его жизни не было ничего мелкого и случайного. И смерть его тоже не была случайной. В какой-то степени катастрофа в Ермаковском районе подвела черту под эпохой, одним из символов которой и был генерал Лебедь.

Очевидно, что феерический взлет генерал-лейтенанта ВДВ к вершинам российской политики мог состояться только в смутную ельцинскую эпоху, когда в одночасье делались невероятные карьеры. Но даже на пестром фоне той эпохи Александр Иванович выделялся. Парадоксально, но факт: Лебедь так и не стал частью системы власти, которая создавалась в девяностые годы в России. Не случайно в свое время Чубайс заявил, что только один Березовский (еще тот внесистемщик!) знает, как работать с Лебедем. И в этой внесистемности, похоже, и надо искать ключ к пониманию многих поступков покойного губернатора.

ВНЕ СИСТЕМЫ

В 1996 году Лебедь, к удивлению многих, занял третье место на президентских выборах. Его переход на сторону Ельцина фактически предрешил исход борьбы во втором туре. По всем социологическим опросам в 1996 и 1997 годах Лебедь был самым популярным российским политиком. И казалось, что до вершины осталось совсем чуть-чуть. Аналитики долго пытались разгадать

секрет этой популярности. По нашему мнению, просто в то время многие избиратели увидели в Лебеде человека, который был способен на поступки. В отличие от подавляющего большинства тогдашних российских политиков, Александр Иванович предпочитал словам реальные дела.

Дела же были неоднозначные. Тот же Хасавюртовский договор до сих пор многими расценивается как предательский по отношению к России. Правда, при этом забывается, что не Лебедь заварил чеченскую кашу. Реально страну предали те, кто в 1994-м развязал эту войну, а в 1996 году спокойно умыл руки и спрятался за широкую спину секретаря Совета Безопасности. Между тем на Кавказе до сих пор действует миротворческая миссия Александра Лебеде, которая десяткам матерей в России вернула сынов. Вряд ли критики Лебеде смогут похвастаться чем-то подобным.

Многие уже сравнивали Лебеде со знаменитым французским президентом де Голлем. Думается, что в этом сравнении есть свой резон. И сам Лебедь в душе не сомневался в своем высоком предназначении. Будучи во Франции в 1997 году, он специально посетил могилу де Голля и, как рассказывают очевидцы, долго стоял над ней в глубокой задумчивости.

КРАСНОЯРСКИЙ ВЫБОР

Автору этих строк последний раз довелось общаться с губернатором за три недели до трагедии. Как всегда, самые интересные вещи Александр Иванович произносил уже без диктофона. В частности, анализируя итоги визита в край Владимира Путина и вообще его работу на посту президента, Лебедь неожиданно высказал любопытную мысль: «А ведь мы с Путиным очень похо-

жи». Он не стал расшифровывать эту фразу, хотя если вдуматься, то смысл в ней заложен глубокий. Ведь на самом деле Путину в масштабах всей страны приходится делать многое из того, что делал Лебедь за время своего губернаторства. В конце концов, если бы в 1999 году звезды расположились по-другому, то на месте Путина вполне мог бы оказаться Лебедь.

В Красноярский край Александр Иванович пришел в 1998 году. Многие посчитали этот шаг стратегической ошибкой. Губернаторство выглядело почетной ссылкой, хотя сам Лебедь считал край взлетной площадкой для покорения Кремля. Не сбылось. Губернаторство не принесло Александру Ивановичу ничего, кроме головной боли, хотя и безрезультатным его назвать нельзя. Приход Лебедея разворошил наш сибирский муравейник. Благодаря Лебедю наш регион приобрел международную известность. Волей-неволей столичные и международные СМИ стали отслеживать ситуацию в крае, ибо им управлял политик, который реально претендовал на президентство. Благо, писать было о чем. На информационные поводы Лебедь не скупился. После известного разрыва с Анатолием Быковым в регионе начались перманентные «боевые» действия. Красноярская элита столкнулась с тем же самым феноменом, что и столичные политики, – с внесистемностью Лебедея. Но если в Москве она Александру Ивановичу помогала, то в Красноярске все обернулось иначе.

Отсюда серьезнейшие кадровые и управленческие просчеты, неспособность сколотить дееспособную команду и найти общий язык с красноярцами. Вначале Лебедь махал на это рукой – дескать, в Кремле разберемся, но после того, как в 1999 году на российском властном олимпе все в один момент круто перевернулось, Лебедю пришлось серьезно задуматься над теми вещами, которым раньше он не придавал значения.

Но в силу разных причин кардинально исправить ситуацию он уже не мог. Сила инерции оказалась слишком мощной, да и многие люди из губернаторского окружения не были заинтересованы в смене стратегического курса. Именно отсюда происходили хаотичные метания краевой власти, которые были заметны даже непосвященным в тайны политической кухни людям. Отсюда разрыв с некоторыми близкими людьми, чьей помощи ему так не хватало в последние месяцы.

Лебедь очень нуждался в квалифицированном заместителе, который смог бы взять на себя всю черновую работу, ибо сам Александр Иванович мыслил стратегическими масштабами. В какой-то степени эту функцию попыталась выполнять Людмила Селиванова, но она впала в другую крайность – стянула на себя слишком много. Хотя справедливости ради признаем: несмотря на то, что в последние месяцы в адрес Лебеда летели в основном критические стрелы, за время его губернаторства было сделано немало и позитивного. Это и мосты, и дороги, и кадетские корпуса. Впрочем, историки лучше нас разберутся в плюсах и минусах периода правления губернатора Лебеда.

В КОЛЬЦЕ

Как это ни странно звучит, но Лебедь для политика оказался слишком мягким. За неповторимым рыком губернатора скрывалась добрая и даже ранимая душа. Очень многие пользовались этой добротой не в самых лучших целях. Именно поэтому так долго около него успешно процветали весьма сомнительные люди, которые за спиной Лебеда всюду проворачивали разные делишки. Если Лебедь был бы более жестким, то, возможно, очень многое в его карьере сложилось бы по более благополучному сценарию.

Один из стойких мифов, касающихся покойного губернатора, состоит в том, что Лебедь якобы очень легко сдавал своих людей. Если посмотреть на жизненный путь генерал-губернатора беспристрастным взором, то придешь к противоположному выводу. Как раз самого Лебеда на протяжении всей его политической карьеры благополучно предавали. Так было в Приднестровье, так было в Чечне, фактически то же самое произошло и в Красноярском крае.

Незадолго до гибели Александр Иванович казался все более одиноким. Иногда складывалось впечатление, что Лебедь попал в кольцо, которое неумолимо сжималось. Правда, сам Александр Иванович в частных беседах старался в пессимизм не впадать. Он был уверен, что к осени в крае все нормализуется. Но взгляд у него при этом был какой-то потерянный... Возможно, Лебедь предчувствовал близкую смерть. Незадолго до гибели он рассказал одному близкому человеку о знамениях в своей судьбе. В своей жизни Лебедь трижды слышал зов (в буквальном смысле!) трубы, который раздавался в глубине души, после чего его судьба резко менялась. Первый раз перед тем как отправиться в Афганистан, второй – перед Приднестровьем, а третий – как раз перед катастрофой.

ВОИН БОЖИЙ

Александр Иванович верил в Бога, хотя в церковь ходил редко. Ритуальная сторона православия его никогда особо не интересовала. Ему не нравилось выражение «раб Божий». Лебедь был гордым человеком. Своим единомышленникам он говорил, что ощущает себя воином и даже «воином Божиим».

Между тем 28 апреля все могло бы сложиться иначе, если бы Лебедь вместо поездки в Ермаковский район

принял приглашение архиепископа Красноярского и Енисейского Антония на богослужение по случаю Вербного воскресенья. Но губернатор предпочел полет на горнолыжную базу. И в этом тоже есть нечто символическое. Господь делал знак Александру Ивановичу, но Лебедь ему не внял. Уход получился хоть и нелепым, но по-своему эффектным. Только жаль, что из той страны, куда ушел Лебедь и еще семь пассажиров трагического рейса вертолета Ми-8, возврата уже нет...

2002

Александр Лебедь:

«ДЕМАРШ ТАЙМЫРА МОЖЕТ СОЗДАТЬ ОПАСНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ»

На прошлой неделе, пожалуй, впервые за последние годы столь остро встала проблема взаимоотношений двух субъектов Российской Федерации – Красноярского края и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа. Демарш окружной думы, заявившей об одностороннем выходе Таймыра из договора «О разграничении предметов ведения и полномочий», заключенного 1 ноября 1997 года между органами государственной власти РФ и органами госвласти Красноярского края, Таймырского и Эвенкийского автономных округов, а также недвусмысленное требование переподчинить Норильск Дудинке накалили ситуацию до предела. Что стоит за этими акциями? Слово губернатору Красноярского края Александру Лебедю.

ПО ЗАКОНАМ «КОММУНАЛКИ»

– Александр Иванович, сепаратистские настроения Таймыра общеизвестны. Тем не менее после

подписания договора 1997 года казалось, что большинство спорных вопросов разрешено. И, в принципе, особых конфликтов в последнее время не было. И вдруг – этот демарш. Что все-таки произошло?

– Договор 1997 года представлял собой попытку Ельцина создать законодательную основу для жизни наших субъектов по законам коммунальной квартиры. Вот ваша хибара, вот ваши комнаты, а дальше разбирайтесь между собой сами. И тут варианты взаимоотношений могли быть самые разные: можно вместе водку пить, можно не замечать друг друга, а можно физиономии чистить.

Обратите внимание, что окружная дума принимает решение выйти из этого договора 19 ноября. В мою канцелярию документ поступает только через два с половиной месяца – первого февраля! В это время по всему Красноярску развешиваются плакаты Северной партии с лозунгом «Дальше – вместе!». Не правда ли, как-то не вяжется этот лозунг с реальными делами. Следующий шаг – внезапный приезд в Красноярск председателя окружной думы Виктора Ситнова. Он привозит заявление, из которого мы узнаем, что, оказывается, Норильск, Талнах, Кайеркан и поселок Снежногорск никогда не принадлежали краю. Текст заявления писали люди, видимо, незнакомые с историей вопроса. Еще в 1953 году был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О преобразовании рабочего поселка Норильска в город краевого подчинения», то есть еще до получения автономным округом статуса субъекта Федерации (а это случилось только в 1993 году после принятия новой Конституции) территория Норильска была изъята из его ведения.

КАЖДОМУ – СВОЕ

– Но этот довольно объемный документ хоть на чем-то основывается?

– Непонятно, на чем таймырские депутаты основываются. Федеративный договор и Конституция лишь приравнивали полномочия органов государственной власти округа к полномочиям органов власти края. Тем самым было расширено содержание полномочий, но не круг субъектов, на которые эти полномочия распространяются. То есть чем владеете, тем и владейте, а на Норильск не зарьтесь. Можете выбирать губернатора, Думу, выходить напрямую на Москву. У вас 43 тысячи жителей, Дудинка, порт, тундра, олени, и никто на них не покушается.

– Но Дудинка утверждает, что краевые органы власти превысили пределы своей компетенции, приняв Закон о границах единого муниципального образования «Норильск». За этим утверждением что-то стоит?

– Еще весной прошлого года Таймыр обвинил наше Законодательное Собрание в том, что оно не имело права принимать закон о границах Норильска и его городов-спутников. Но решение ЗС было неспонтанное. В основе лежит простой принцип: и я, как губернатор, и депутаты ЗС должны знать, за что отвечаем. В 2000 году был проведен референдум. 70% норильчан высказались за создание единого муниципального образования. Мэры Кайеркана и Талнаха сложили с себя полномочия. Были проведены выборы мэра Норильска и депутатов горсовета. Все с точным соблюдением буквы закона. Были спорные вопросы, касающиеся поселка Снежногорска. Красноярский арбитражный суд встал на сторону здравого смысла и принял решение в пользу края.

– А чем вы объясняете столь резкий, мягко говоря, тон заявления?

– Я считаю, что государственным мужам так вообще писать нельзя. Такие выражения еще можно употреблять в кулуарных разговорах один на один, но не в

официальных бумагах. Некоторые фразы звучат просто по-хамски по отношению к ЗС.

ВЫПУСТИТЬ ДЖИННА

– И что же? Мы оказались в тупике, из которого нет выхода?

– Депутаты ЗС передали все это в одну из своих комиссий. Я, конечно, в этом какое-то участие приму. Но поскольку это «бодание» идет пока на уровне законодательных ветвей власти наших субъектов, то впереди телеги бежать не собираюсь. Что дальше? Оговорюсь, что мы вторгаемся в область прогнозов, которые могут и не сбыться. Следующий возможный шаг – обращение Таймыра в Конституционный суд. Если Таймыр и сможет выйти из состава края, то, естественно, без Норильска. Получат некую заледепеную территорию, где есть одно реальное предприятие – морской порт.

– Фактически суд тогда утвердит то, что и так существует. А если воплотится худший сценарий и Норильск отойдет к округу?

– Если же суд рассматривает дело предвзято, а это, к сожалению, по нашим смутным временам исключить нельзя, то картина получится еще смешнее. Край автоматически становится дотационным, но и Дудинка не обогатится. Не обогатится, потому что бюджетная обеспеченность у них станет запредельной, и тогда в дело вступит Минфин, который ревностно следит за такими вещами. Он возьмет большие ножницы и сострижет лишнее. По этому поводу уже обеспокоился мэр Норильска Бударгин. Сначала он тоже думал, что присоединение к Таймыру ему принесет какие-то дивиденды, но потом призадумался. Сейчас у него бюджет 6 миллиардов шестьсот миллионов рублей, а в случае переподчи-

нения Дудинке станет в три раза меньше. Уход Норильска из края под юрисдикцию округа повлечет за собой переход бюджетников на жесткие минфиновские нормативы, а это чревато серьезным социальным взрывом. Экономике нужно переделывать с умом – шашкой здесь не порубишь. И, наконец, еще одно. Может быть, самое важное. Этот передел повлечет за собой потрясающие последствия для всей России. Впервые в истории страны отдельно взятая финансово-промышленная группа меняет границы субъектов Федерации. Это может вызвать цепную реакцию. Во многих регионах есть аналогичные спорные вопросы. Подобный прецедент может дать в руки сепаратистов очень сильный козырь. Выпускается такой джинн, которого обратно в бутылку не загонишь. И тогда усилия президента Владимира Путина по укреплению территориальной целостности страны могут пойти прахом.

– Неужели в Кремле эту опасность не понимают?

– Судя по некоторым телодвижениям администрации Сибирского федерального округа – как минимум недооценивают.

НЕЛОГИЧНАЯ АТАКА

– Очевидно, что руководство Таймыра вряд ли рискнуло бы пойти на такие радикальные шаги без поддержки «Норникеля». У вас еще недавно были с руководством этой корпорации хорошие отношения. Какая кошка пробежала между вами?

– Единодушие в руководстве «Норникеля» сейчас нет. Прохоров и Хлопонин исподволь копают под бизнес Потанина, и недаром Владимир Олегович решил инвестировать четверть миллиарда долларов в сельское хозяйство. У Хагажеева есть свои претензии к руководс-

тву корпорации. Его сначала понизили в статусе, затем решили сделать крайним за последние события на мировом рынке цветных металлов, хотя к этим вопросам Хагажеев отношения не имеет. Сильно оттеснили еще одного топ-менеджера – Дмитрия Зеленина. Одним словом, процессы, идущие там, внушают беспокойство. И в такой ситуации начинается наступление на край. Понятно, что удар направлен против меня. Но почему именно сейчас? Я задавался этим вопросом. Логики в таком ходе событий не нашел. Если бы это случилось в 2003 году, накануне выборов, то было бы понятно. Обвалить бюджет, получить бушующий край – и на этой волне захватить власть. Они перешли в атаку слишком рано и скоро сами поймут это.

– **Александр Иванович, а вы не рассматривали кандидатуру Джонсона Хагажеева на должность вашего первого заместителя? Может быть, такой шаг позволил бы снять этот конфликт?**

– Рассматривал, и не раз, но глубокоуважаемый мною Джонсон Талович связан множеством нитей с комбинатом, и эти обязательства не позволяют ему перейти на работу в администрацию. К тому же, хочешь не хочешь, а ему пришлось бы действовать против родной корпорации. Вообще, насколько я знаю, если Хагажеев покинет Норильск, то в Красноярском крае он не останется.

2002

Александр Лебедь:

**«СИЛОЙ В ЕДИНЫЙ КРАЙ НИКОГО
ЗАГОНЯТЬ НЕ БУДЕМ»**

– **Александр Иванович, кого все-таки считать отцом идеи укрупнения субъектов РФ?**

– Официально заявляю: на авторство идеи не претендую. Готов отдать лавры кому угодно. Пускай кричат, что они гении, нашедшие единственно верное решение. Меня слава давно не интересует.

– **А что, собственно, изменится для простых жителей края, если вдруг наш регион станет единым целым? Кошелек станет толще?**

– Это очень важный аспект. Прецедента по созданию нового субъекта Федерации пока нет, хотя всем давно понятно, что ненормально существование 89 субъектов Федерации, среди которых есть вообще карликовые образования, неспособные сами себя обеспечить. Это лишние бюрократические нагромождения. Далеко ходить не надо – взглянем хотя бы на нашу уважаемую соседку Туву. На 280 тысяч народа – 37 министров, в хурале – более восьмидесяти депутатов. Величие управленческого аппарата совершенно не соответствует экономическому базису. Смысл интеграции состоит в объединении не просто каких-то территорий, а конкретных экономических районов, которые, если их сложить вместе, дадут серьезный возрастающий экономический эффект. А просто присоединять к себе какие-то территории, где никогда ничего не было и вряд ли что-то будет, смысла нет. Это дополнительная головная боль.

– **И кто же будет управлять единым субъектом?**

– Я хотел бы специально подчеркнуть: если некий единый субъект РФ появится, то я не претендую на то, чтобы его возглавить. Его возглавит тот, кто победит на выборах.

– **Очевидно, что процесс объединения будет идти непросто. Это и объективные причины, и амбиции политиков, и нежелание местных элит делиться властью с Красноярском. Как вы будете преодолевать эти препятствия?**

– Я не хочу вас обидеть, но вы торопите время. Сейчас только собраны предварительные материалы, кото-

рые нужно проанализировать с учетом экономической и политической логики. Только после этого будет выработан план, который и станет темой для обсуждения.

– Тем не менее в прошлую пятницу об одной из этих идей мы узнали. Планируется создать некое координационное правительство. Что оно будет представлять собой?

– Это пока только на уровне идеи. Мы еще только-только начали консультации, поэтому пока еще многое непонятно. Губернатор Эвенкии ведь вообще сказал, что это его не касается.

– И как вы будете выходить из этой ситуации? Ведь без Золотарева смысл этой затеи вообще теряется?

– Будем встречаться и разговаривать.

– Губернатор Таймыра уже выдвинул свою формулу объединения: «Норильск – в Таймыр, Таймыр – в Красноярский край». Вам не кажется, что формула несколько лукавая? Где гарантия того, что после выполнения первой части наступит вторая?

– Согласен, лукавство в этой формуле присутствует. Кстати, в минувшую пятницу на совещании я в присутствии Александра Хлопонина задал вопрос доктору юридических наук Александру Уссу: «Могу ли я – не царь, а всего лишь избранный на время губернатор – подарить глубокоуважаемому Александру Геннадиевичу город Норильск? Есть ли такой механизм?» И Усс мне твердо ответил: «Нет». Нет такого права и у ЗС. Поэтому первая часть формулы помирает, не родившись. А со второй частью формулы я согласен. Таймыр – часть края. Это исторически и экономически обусловлено. Кстати, возможно, для вас это будет новостью – ведь звучали даже предложения продать Норильск!

– Это сродни идее продать Курилы японцам или Калининград – Германии.

– Конечно, предложения были закамуфлированы в цивилизованную форму. Дескать, на протяжении энного количества лет в краевой бюджет будут отчисляться определенные суммы. Но мы на это, конечно, не пойдем.

– Вы ощущаете поддержку идеи объединения на федеральном уровне?

– Многие и в правительстве, и в президентской администрации считают, что Россию нужно собирать в некие экономические районы. Деление на федеральные округа в этом смысле своего эффекта не дало. Настоящая же власть лежит в сфере экономики.

– Вам не кажется, что объединение должно идти под прямым контролем Кремля?

– Это, безусловно, так, но сначала в регионах должна быть проделана некая первичная работа, и уже потом, выработав совместную платформу, надо выходить на Москву. Только не нужно роль Кремля понимать очень просто. Никто, например, не будет ломать Золотарева, чтобы он изменил свою сегодняшнюю позицию. Хотя сломать очень просто. Лишить трансфертов и перекрыть все финансовые краники. Но лично я выступаю за мягкий цивилизованный вариант. Никого силой в единый край загонять не будем.

2002

Александр Хлопонин:

«ЗА ОДИН ДЕНЬ ВСЕХ НЕ РАЗБУДИШЬ»

Губернатору Александру Хлопонину двухэтажный уютный особняк на улице Урицкого краевого центра, в котором находится редакция «АиФ на Енисее», хорошо знаком. Правда, в прошлый раз он гостил у нас еще в статусе кандидата в губернаторы. После этого в жизни Александра Геннадиевича произошли радикальные перемены: трудная победа на выборах и не менее (если не более) тяжелые месяцы губернаторства. Промежуточные итоги первого этапа своей работы на посту руководителя края Александр Хлопонин подвел в редакции самого популярного еженедельника Красноярья.

– Валерий Zubov как-то заметил, что только через три года губернаторства по-настоящему понял тонкости этой работы. Как у вас идет этот процесс?

– Тяжко. Губернатором я себя почувствовал, но пока отдаю своей энергетике гораздо больше, чем получаю обратно. На маленькие радости жизни не хватает сил. Но ничего – справимся.

– Что для вас стало самой большой неожиданностью после переезда из Дудинки в Красноярск?

– Я не ожидал, что у меня произойдут такие внутренние ломки. Управлять Таймыром и краем – две большие разницы. В округе для достижения успеха необходимо всего лишь правильно выстроить отношения с комбинатом и с коренными народностями. В Красноярске же начинаешь по-настоящему ощущать масштабы России. Все – и хорошее и плохое – здесь гипертрофиро-

вано. Например, неприятной неожиданностью для меня стал высочайший уровень иждивенческих настроений. Много борьбы с ветряными мельницами. Проблема проблем – отсутствие консолидации. Объединяемся только, когда случается какая-то беда, вроде пожара в Казачинском. Все что-то делают по мелочам, а для реализации серьезных проектов объединиться не могут.

МЕНТАЛЬНЫЙ ПРОРЫВ

– Таким объединяющим проектом может стать стратегическая программа развития края, которую вы собираетесь принять в сентябре. Где гарантия, что ее не ждет печальная судьба многочисленных программ-предшественниц?

– Есть две стороны этой программы. На поверхности – бюджет развития. Внутри – изменение психологии. Все осуществится, когда поменяется менталитет. Я буду жестко бороться с иждивенчеством. Хватит просить то, что можешь заработать сам. Нужно самим шевелиться. Ничего не изменится, пока человек сам не захочет работать. Поэтому программа написана в основном для молодежи, для тех, кто сегодня заканчивает вузы. Они как раз способны на этот ментальный прорыв. Я буду биться за их мозги и делать все, чтобы они были востребованы в регионе. Университеты пока еще не понимают, какие кадры востребованы современной экономикой. Готовят их, а потом выпускники приходят ко мне и говорят: «Дай!» Это неправильно. Мне никто ничего не давал, всего достигал сам. Отец сказал твердо: «Посоветовать могу, а давать ничего не буду. Хочешь жениться – женись, но семью ты должен содержать сам». Поэтому я учился, работал и копейки у родителей не брал. Да, наше поколение хорошо попало в конъюнктуру, шли по жизни, как по волне, но мы и сами по себе кое-что за душой имели.

– Какие бы планы вы ни лелеяли, а основные финансовые потоки сейчас уходят в Москву. Для того, чтобы край мог жить и развиваться, вам приходится вместе с другими региональными руководителями бегать за трансфертами. Не противно?

– Это в корне неправильно – ведь биться приходится за деньги, которые и так по идее наши. Не должен губернатор бегать и выбивать какие-то деньги из Минфина. Край должен иметь стимулы для развития. Все, что заработано сверх плана, должно оставаться и работать на регион. Этого нет. У нас в стране с утра до вечера – одни выборы, одна политика. Конечно, Москве проще собрать все деньги в федеральный центр и посадить регионы на иглу трансфертов. Хороший губернатор – получишь дозу, не лояльный – извини.

– Но у вас уже сложилась репутация эффективного регионального лоббиста. Наши московские коллеги даже называют вашу хватку бульдожьей.

– Дело не в моих личностных качествах. Просто я разговариваю с федеральными чиновниками на их языке. Я давно знаю министра финансов Алексея Кудрина и его семью, хотя профессиональные вещи мы не путаем с личными. Он понимает, что мне бесполезно что-то «втирать». Я могу ему, например, напрямую сказать, что в вопросе с экологическими платежами правительство сделало большую глупость. Эти деньги идут не на восстановление природной среды, а на все программы сразу. В результате я становлюсь заинтересованным, чтобы ГЭС больше «гадила», чтобы горно-металлургический комбинат и КрАЗ больше «плевали» в небо. Неправильная система.

Или возьмем налоговые льготы для так называемых депрессивных территорий. Компании, естественно, убегают туда, а мы остаемся с носом. Трудно предъявить претензии «ЮКОСу», который перевел налоговые пла-

тежи из Ачинска в Мордовию. Они бизнесмены и, естественно, будут регистрироваться там, где нужно меньше отдавать.

ГОСУДАРСТВЕННИКИ И ВРЕМЕНЩИКИ

– Как вы относитесь к нынешней антиолигархической кампании?

– Чтобы было понятно мое отношение к этой проблеме, попробую нарисовать вам несколько картинок. Первая – есть крупная сырьевая компания. За год она заработала 9 миллиардов, 1,8 миллиарда – уплатила в виде налогов. Деньги свободные есть, появляется желание прибрать к рукам «Роснефть» и «Газпром». А это – экономическая составляющая жизнеспособности всей страны, ее бюджета. Вторая картинка – идет активная продажа акций самых прибыльных российских компаний зарубежному капиталу. Российская экономика консолидируется в одном месте – в так называемом «семейном портфеле». Третья – сырьевая компания решает заняться политикой: начинается скупка партий. И уже нет никаких гарантий, что в новом парламенте власть сможет проводить государственную политику, а не выполнять волю олигархов-спонсоров...

Перейдем теперь на краевой уровень. Сидит губернатор и убеждает представителей ФПГ, работающих в нашем крае: «Ребята, заплатите налоги здесь, не мне, а обществу, перед которым вы вроде как социально ответственные. Почему топливо производится в Ачинске, а сбытовая компания находится в Эвенкии?» А те в ответ покупают популярную телекомпанию, начинают настраивать депутатов против краевой власти.

Убежден: в нашей стране власть не должна на коленках ползать за крупным бизнесом. Платите налоги и

дайте власти спокойно заниматься своим делом. Вот и весь конфликт.

– **Вы все-таки сумели убедить ФПП в том, что нехорошо уводить налоги с нашей территории?**

– Могу вас заверить – они заплатят все сполна.

– **На чем зиждется ваша уверенность?**

– Скажу только, что к силовым методам я прибегну в самом крайнем случае. Просто с каждой компанией отдельная история взаимоотношений. СУЭК ведет себя сейчас адекватно, с этой компанией проблем нет. С «Норникелем» тоже, только по золоту еще остались вопросы. С «ЮКОСом» сложнее, но решим и с ним. Самая тяжелая ситуация – с «Русским алюминием». У него, на мой взгляд, самая неэффективная система менеджмента. Причем если на АГК и на КраЗе работают управленцы высокого уровня, то в других отраслях, куда заходит «Русал», ситуация плачевная. Например, ЦБК. Просят меня сдерживать энергетиков, которые давят на ЦБК тарифами. Я готов договориться с Кузичевым, если будет представлен внятный план развития, но никакой программы не вижу до сих пор, никакого будущего... Хотел бы ошибиться, конечно, но пока я вижу у этих ребят лишь психологию временщиков.

«НАШИ» НЕ ПЛЯШУТ

– **Вам нужна оппозиция?**

– Мне нужна не оппозиция, мне нужен конструктивный спор. Если мне доказывают, что в совхозах воруют направо и налево, то для меня это повод задуматься и принять меры. Я согласен с тем, что система управления чудовищно раздута. Только краевых чиновников – 3200 человек. Я сокращаю, а они, как тараканы, появляются в другом месте.

Да, появление оппозиции возможно. Но это будут люди вчерашнего дня, которые станут терять сферы влияния, деньги и власть. Это будут вороватые директора совхозов, районные царьки, которые вольготно чувствовали себя при старой системе.

– Всех – к ногтю?

– Я не буду ломать хребты. Сначала постараюсь снять все вопросы по-хорошему, «удушу» в объятиях. Если не получится, прибегну к хирургическим методам. Вообще для появления полноценной оппозиции нужна консолидирующая фигура и продуктивная идея. Такой идеи у краевой элиты нет. Делить по принципу «свой – чужой» больше не получается. Это уже никому не интересно. Когда доходит до реальных поступков, патриотизм куда-то испаряется. Возьмем продажу теплохода «Антон Чехов». Он приносит 8 миллионов рублей убытков. Пароходство, как коммерческая структура, вынуждено от него избавляться. Собираем местные турфирмы, спрашиваем: «Готовы покрывать убытки?» Нет. Хотя я с «Норникелем» договорился, и он был готов взять половину расходов на себя. Тогда зачем кричать о том, как вам дорог этот символ красноярской земли?

– Насколько главы районов и малых городов поддерживают ваш курс?

– Еще в качестве кандидата в губернаторы я встречался со многими руководителями районов. Кто-то меня слушал, кто-то понимал и принимал мои идеи, большая часть просто спала. Я их не виню. Десять предыдущих лет с них никто не спрашивал, они жили сами по себе. Чтобы красноярская элита начала развиваться и стала двигаться вперед, в нее нужно больше вкладывать, заряжать ее своей философией. Это один из уроков, который я извлек за месяцы губернаторства. Сейчас приходится разрубать множество крупных и мелких конфликтов.

Это тяжелая работа, потому что тоже связана с изменением психологии.

ГОРДОСТЬ ГИПЕРБОРЕЙЦЕВ

– Вы пытаетесь консолидировать краевую элиту. Это усилия одиночки или всей команды?

– Всей команды. Кузнецов реально работает с руководителями предприятий, Новак старается объединить финансистов, Акбулатов – экономистов. У них уже многое получается, и я считаю, что процесс развивается в правильном направлении.

– Но Кузнецов – в Норильске. Надолго?

– Сейчас я не могу ответить на этот вопрос. Безусловно, администрации края и мне лично его не хватает, но Норильск – слишком важный для края стратегический пункт, чтобы пускать происходящие там процессы на самотек. Ради стабилизации ситуации в этом городе пришлось пожертвовать Кузнецовым. Но уверен, рано или поздно Лев Владимирович вернется в Красноярск.

– Почему же все-таки так конфузно закончилась весенняя кампания по выборам мэра Норильска?

– Не учли особенностей местной психологии. Норильский менталитет – это особая вещь. Красноярский «нашизм» даже рядом с ним не лежал. Про себя северяне говорят: «Великая нация – норильский народ». Это вполне закономерно. На обособленных территориях чувство принадлежности к своей малой родине развивается в более острых формах. И все же это надо менять, и здесь тоже основная надежда на молодежь.

– Много сейчас говорят о дефиците управленцев. Как решить эту проблему?

– Модель ротации элиты еще в процессе создания. Нужно создавать скамейку запасных вокруг себя. Это за-

висит не только от власти. Приходить в администрацию нужно не с пустыми руками. Необходимо, чтобы за душой что-то было. Проблема в том, что не каждый талантливый человек пойдет в администрацию на мизерную по нынешним временам зарплату.

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ?

– Как вы относитесь к слухам вокруг вашей персоны?

– Я живой человек. Вас иногда почитаешь, так головой хочется стену пробить, но, вообще-то, иммунитет к журналистским домыслам у меня уже выработался. Я реалист и понимаю, что не все мои поступки правильно интерпретируются частью общества.

– Вам удалось наладить диалог с журналистским сообществом Красноярья?

– Я оцениваю уровень красноярских СМИ как довольно качественный и сильный. Проблема в том, что у краевых масс-медиа нет никакой внятной идеологии. Есть только коммерческие интересы. Это плохо и для СМИ, и для общества, и для власти. Должна быть цель, к которой можно идти разными путями, но без которой вся работа по большому счету бессмысленна. Здесь пока вакуум.

– Но внятной идеологии нет и у власти...

– У нынешней власти нет отделов пропаганды. Сейчас журналисты являются главным инструментом влияния на мозги людей. У вас в первую очередь должен быть набор базовых позитивных ценностей, который позволяет обществу двигаться вперед. Вряд ли общество станет лучше, если без конца показывать сюжеты про убийства и изнасилования. Я выступаю за взвешенный анализ самых острых проблем, который позволяет найти какие-то

новые решения... Вот тогда СМИ будут вполне адекватно выполнять свою общественную функцию.

(В соавторстве с Александром Сенищуком и Ольгой Полинской.)

2003

Александр Хлопонин:

**«СУДЬБА ПОСТОЯННО СТАВИТ МЕНЯ
ПЕРЕД ВЫБОРОМ»**

В конце декабря на одной из встреч губернатора с журналистами автор этих строк назвал 2005 год годом побед Александра Хлопонина. Губернатор возразил, сказав, что только в 2006 году должны взойти первые всходы от зерен, посеянных 17 апреля на референдуме по объединению регионов. Итак, первый квартал 2006 года позади, объединяющийся край готовится отметить годовщину исторического события, а «Вечерний Красноярск» задает вопросы руководителю Красноярского края о нашем прошлом, настоящем и будущем.

– Олег Пащенко недавно заявил, что народ ждал большего от референдума и что исполнительная власть не делает того, что обещала год назад...

– Интересно, а что у Олега Анатольевича и его коллег после референдума изменилось в худшую сторону?! Я бы ответил оппонентам просто: начните с себя.

Год назад собралась дружная красноярская семья и заявила: мы будем строить новый дом и для этого объединим усилия. Мы только в начале пути, а нас уже упрекают.

– Это в русском характере – постоянно торопиться.

– Вот я и говорю: в этом ошибка, в этом подвох. Референдум дал право построить большой красивый дом. И мы его начали строить. Мы запустили Ванкорское месторождение, оно уже разрабатывается полным ходом. Объем инвестиций, кстати, даже превышает плановые показатели. Мы уже строим Богучанскую ГЭС, мы разворачиваем площадки, тендеры проводим, занимаемся расчисткой в зоне затопления. Мы строим объездную дорогу вокруг Красноярска. Мы ремонтируем взлетно-посадочную полосу. По объему инвестиций у нас после референдума был просто рекордный год. В экономику региона пришло около 70 миллиардов рублей. 15 мая пройдет инвестиционный форум, на котором будет презентовано огромное количество реальных проектов. Мы движемся очень быстрыми темпами, которых сегодня не знает ни один субъект РФ. Другое дело, что оппонентам об этих успехах говорить не с руки. Проще набирать политические очки на теме роста тарифов ЖКХ.

СОЗИДАТЬ, А НЕ ВОЕВАТЬ!

– Оппозицию можно понять, ведь меньше года осталось до выборов в Законодательное Собрание. Вы не боитесь, что осенью вообще будет не до реализации крупномасштабных проектов – все уйдут на выборы?

– Я уверен, что в Красноярском крае эпоха великих отечественных войн закончилась. Нельзя за политической борьбой забывать о миссии нашего региона и о тех людях, которые сегодня здесь живут и работают. Можно очень много потерять, погрузившись в страшную внутрирегиональную рубку. Надо просто людям иногда на-

поминать, что представлял из себя Красноярский край в начале двухтысячных годов, когда из сильного субъекта он превращался сначала в зону полубандитских разбо-рок, а потом и вовсе в никому ненужный регион...

Мы набрали серьезные обороты, и преступлением будет останавливаться на полпути.

– Тем не менее в последние месяцы мы стали свидетелями довольно серьезных акций протеста, прошедших в крае. Тема все та же – тарифы ЖКХ...

– Оппозиция решила дать бой власти на улицах. Это ее право. Главное, чтобы их акции проходили в рамках закона. Это одна сторона медали. Есть и другая – объективные проблемы, связанные с жилищно-коммунальной реформой. И они меня волнуют не меньше, чем тех, кто выходит на митинги. В первую очередь, проблема состоит в том, что многие муниципалитеты не до конца поняли, что сегодня их роль в этой реформе существенно возросла. Именно на этом уровне власти надо общаться с людьми. И не только общаться, а реально работать над тем, чтобы повышение тарифов приводило к повышению качества услуг. Возможно, если местные власти будут и дальше бездействовать, придется переходить на другую систему управления – назначать глав исполнительной власти территорий по конкурсу. Тогда и спрос с них будет другой.

ВЛАСТЬ + БИЗНЕС

– Недавно в одной из федеральных газет вы опубликовали программную статью, посвященную региональной политике. В ней вы утверждаете, что власть, определяя вектор развития своих территорий, должна учитывать долгосрочные планы крупных компаний. Это реально?

– Недавно в Иркутске собирались сибирские губернаторы, которые обсуждали стратегию развития наших регионов. Я с удивлением увидел, что некоторые мои коллеги не понимают очевидных вещей: сколько ни пиши умных планов, они останутся только бумажкой, если не будут учитывать интересы крупных компаний. Это то, что я называю частно-государственным партнерством. Правильная региональная политика должна базироваться на трех фундаментальных принципах: территориальная справедливость, политическая стабильность и экономическая эффективность. Вот о третьем аспекте обычно забывают, а потом удивляются, почему умные концепции развития Сибири кладутся под сукно.

– Все-таки кто должен сказать «А»: бизнес или власть?

– Вместе должны сказать. Не может быть такого, что государство доминирует или бизнес диктует власти условия. Государство должно создать условия, чтобы работала нормальная рыночная экономика, а бизнес должен инвестировать деньги, строить производственные мощности, нанимать рабочую силу, платить достойную заработную плату, быть социально ответственным. Тогда все получится.

СВОБОДА И ДОЛГ

– Александр Геннадиевич, сейчас, на мой взгляд, существует серьезный конфликт таких важных понятий, как свобода и долг. Наше общество ведь на самом деле никак не может найти их гармоничного сочетания.

– Пятнадцать лет назад наш народ выбрал свободу. Но ему не объяснили, что свобода подразумевает наличие в обществе мощных политических институтов, развитой демократической системы. Ничего этого в начале

девяностых годов в нашей стране не было. Отсюда тотальное разочарование россиян в демократии. Реально к этой системе мы подошли только сейчас, но негативный шлейф предыдущих неудач слишком силен. Именно поэтому все меньше избирателей ходит на выборы.

– Ну а как же наш референдум? Ведь на участки пришло более 60 процентов.

– Нам удалось зацепить народ тем, что можно даже назвать сегодняшней национальной идеей – идеей собирания земель. Но, к сожалению, это пока исключение. Народ все больше отчуждается от власти. О гражданском обществе приходится пока только мечтать.

– А не виновата ли в этом сама власть?

– Никто с нее вины не снимает. Представители власти – чиновники, депутаты, гаишники – у многих ничего, кроме тошноты, не вызывают. Однако будем объективны: сегодня власть вынуждена фактически сама формировать гражданское общество, потому что большинство населения закопалось в собственных проблемах, махнув рукой на все, что происходит не с ним и его близкими. Семейные ценности – это замечательно, но если мы, кроме собственного кармана и собственного дома, не будем больше ничего видеть, то грош нам цена как нации.

– И как же расшевелить людей, как восстановить утраченное чувство общественной солидарности?

– Наверное, должно пройти какое-то время, чтобы все утряслось, чтобы командные высоты в обществе заняло поколение, воспитанное уже в постсоветскую эпоху. Наше поколение обречено на жизнь в эпоху перемен. Только наши дети по-настоящему оценят плоды тех реформ, которые сейчас идут в России. Тут ничего не поделаешь – диалектику общественного развития никто отменить не в силах. Именно поэтому я сильно рассчитываю на тех, кому сегодня еще нет тридцати.

– И которые считают, что наше с вами поколение, Александр Геннадиевич, сняло все сливки с реформ, ничего им не оставив.

– Да, агрессии в молодом поколении хватает. Конечно, они смотрят на чужую красивую жизнь и задают вопрос: «А чем я хуже?». Но они ошибаются, если думают, что в 90-е годы возможности раздавались направо и налево. Это было время большой работы, большого риска и большой опасности – завидовать нам с вами не стоит. К тому же, уверен, у нынешней молодежи перспектив не меньше. Думаю, даже больше.

ФОРМУЛА УСПЕШНОСТИ

– В своей жизни вы добились очень многого. Что стоит за этим: упорная работа или благосклонность звезд?

– Не знаю, думаю, что и то, и другое понемногу плюс определенные амбиции. Во многом – просто стечение обстоятельств. Не могу сказать, что я гений, который спрогнозировал или просчитал все на долгосрочную перспективу, – нет, я просто стараюсь честно выполнять свою работу.

Так сложилась судьба, что часто приходилось принимать решения, кардинально менявшие мою жизнь. История длинная, она началась еще в институте: идти в армию – не идти? После института, когда я работал во Внешэкономбанке, у меня были хорошие карьерные перспективы, и вдруг появилась альтернатива: создавать свой банк или не создавать? Через несколько лет опять очередной поворот: ехать в Норильск или не ехать? Уже в Норильске: баллотироваться в губернаторы или нет? Никто же не знал, что произойдет трагедия с Лебедем... Судьба постоянно ставит меня перед выбором. А оказы-

ваясь перед выбором, ты должен понимать, что за этим стоит и какие решения дальше стоит принимать.

– И что дальше?

– Я считаю, что не надо опережать судьбу. А если постоянно будешь опережать события, то ничего не добьешься. Вот сейчас до бесконечности мусолят тему: пойду я в Москву или не пойду? Да я даже не думаю об этом! Меня гораздо больше волнуют текущие дела в крае. Уверен, что внутреннее чувство подскажет, в какой момент делать выбор.

– По формальным признакам вас можно назвать абсолютно успешным человеком. У вас очень высокий статус, есть имя, есть авторитет. А вот каковы все-таки, на ваш взгляд, критерии успешности? Христофор Колумб открыл Америку, тем не менее он умер в бедности. Вот его можно назвать успешным человеком?

– Я не думаю, что это успешность. Для меня критерии успешности представляют собой три кита: семья, интересная работа и статус, который позволяет позиционировать себя в обществе. Выкиньте из этой формулы хотя бы один компонент, и конструкция будет уже не такой устойчивой.

– Ваша конструкция устойчивая?

– У меня замечательная семья, которую я люблю, у меня интересная работа, и у меня достаточно высокий статус, чтобы оказывать определенное влияние на жизнь общества. В этом смысле я успешный человек. И дело не в том, что я занимаю губернаторский пост, – эта формула работает на любом уровне: будь ты хоть бизнесменом, хоть водителем трамвая.

– В одном из интервью Борис Березовский сказал, что он больше всего ценит в жизни душевный покой...

– А что это такое?

– **Жить в гармонии с самим собой и засыпать со спокойной совестью. Хотя, наверное, Березовскому это не грозит.**

– Знаете, это равносильно вопросу: «Когда наступит старость?». Старость наступает тогда, когда начинаешь думать, что слишком быстро бежит время. Наверное, в этот момент начинаешь понимать, сколько тебе лет.

– **А вы не думаете, что время бежит слишком быстро?**

– Мне об этом пока думать некогда. Но обычно старость приходит неожиданно, когда вдруг в зеркале на тебя смотрит лысый академик, а тебе все еще кажется, что ты студент. Душевного покоя и невозможно достичь при моей работе. Даже в краткосрочных отпусках уже дней через пять отдыха меня всего переворачивает, все внутри кипит!..

ВНУТРЕННЯЯ БИБЛИЯ

– **У каждого порядочного человека есть свой кодекс чести. Чем отличается ваша версия такого кодекса? Например, что бы вы никогда не сделали?**

– Интересный вопрос. Кодекс чести – это своеобразная «внутренняя библия». Не даром же говорят, что Бог существует внутри нас...

Я никогда не смогу переступить через такое понятие, как дружба. Я не знаю, что должно произойти в моей жизни, чтобы я разменял дружеские отношения на что-либо. Не суди и не будешь судимым, поэтому я никогда не пытаюсь дать оценку тем людям, которые попадают в очень непростые ситуации. Еще одна вещь, которой я стараюсь следовать: сделал доброе дело – забудь о нем.

Есть святые понятия: семья, родители... Есть такая вещь, как «отношение к женщине», – это для меня очень важный момент. Та женщина, которая рядом с тобой, – показатель тебя. Я не понимаю мужчин, которые ради ложно понятого престижа выбирают в спутницы жизни топ-моделей. Да, они красивые, хорошие девочки, но ты-то должен оценивать себя по-другому. Все-таки сначала – содержание, а потом уж – форма.

– У вас нет проблемы самоидентификации? Я объясню свой вопрос...

– Можете не объяснять. Это то, что называется внутренним конфликтом. Он существует у меня на 100%. Это способность человека четко оценить свое место...

– Сегодняшнее причем.

– Да, именно сегодняшнее... Не переоценить и недооценить. Я тесно общался с такими людьми, как Долгих, Колесников (когда он был жив), с другими выдающимися управленцами советской эпохи. Они мне говорили: «Знаешь, должность иногда впереди тебя бежит». Я спрашивал: «В каком смысле?» Они поясняли: «Надо другие черты характера проявлять на таком посту, ты не должен бояться своей должности, комплексовать по ее поводу. Назвался груздем – полезай в кузов. Если назвался губернатором – стучи кулаком, отрывай головы!»

– Кому многое дано, с того много спросится...

– Была такая проблема. Но я уже преодолел ее. Больше всего я боюсь «забронзоветь». Вот это уже не лечится. Тут или с крыши нужно прыгать или в холодную прорубь человека опускать. Но, надеюсь, меня минует чаша сия...

2005/2006

ПОСЛУШНИК СУДЬБЫ

*Вчера, сегодня и завтра губернатора
Александра Хлопонина*

Четвертого июня депутаты Законодательного Собрания края по представлению президента России Владимира Путина утвердят Александра Хлопонина на посту губернатора. Сенсаций не предвидится.

Конечно, должны немного «побузить» оппозиционеры, дабы еще раз доказать родному протестному электорату, что они с властью находятся по разные стороны баррикад. Накануне кампании в Государственную Думу это будет совсем не лишним, но сторонников у нынешнего главы исполнительной власти региона в краевом парламенте с лихвой хватит, чтобы не обращать внимание на фрондирующих коллег. Впрочем, не исключено, что и часть коммунистов может проголосовать за Александра Геннадиевича. В частности, один из самых влиятельных членов фракции КПРФ в Законодательном Собрании (ЗС) Всеволод Севастьянов так оценил губернаторство Хлопонина: «Естественно, есть в его политике слабые места. Но плюсов в работе Хлопонина явно больше. Думаю, сегодня равноценной альтернативы ему на посту главы Красноярского края нет».

Предсказуемый итог голосования навевает легкую скуку. Можно по-разному относиться к тому, что широкомасштабные выборы в 2004 году были отменены. Есть в этом и свои преимущества, но один минус, на мой взгляд, все же несомненен – раньше выборы становились площадкой, на которой велись яростные дискуссии о будущем края. Сейчас ее нет. Нынче эта важнейшая тема явно пребывает на периферии общественного сознания. Даже на недавних выборах в ЗС она была «убита» плос-

ким популизмом и бездарной пропагандой. Тем не менее так или иначе, но мы обречены к ней возвращаться. Особенно накануне ухода (?) из Кремля Владимира Путина. Март 2008 года не за горами, поэтому ясная концепция развития Красноярского края на ближайшую пятилетку, которую Хлопонин должен озвучить на сессии ЗС, представляет не только праздный интерес. Опосредованно телодвижения власти будут влиять на жизнь большинства населения края. Именно поэтому в очередном политобзоре мы решили напомнить читателям «Пресс-Лайн.ru» о главных, на наш взгляд, трендах первой губернаторской пятилетки Хлопонина и возможных сценариях его очередного срока.

В ПОИСКАХ ГЛАВНОЙ ИДЕИ

Известно, что решение пойти на выборы губернатора Красноярского края далось Александру Геннадиевичу не совсем просто. Он понимал, что северный округ, которым он к тому времени полтора года руководил, не может сравниться с масштабом тех проблем, которые ждали его в случае победы над лидером «Наших» – Александром Уссом. Хотя, наверняка, понимал, скорее, теоретически. Потому что в 2003 году Хлопонин признался: «Я не ожидал, что у меня произойдут такие внутренние ломки. Управлять Таймыром и краем – две большие разницы. В округе для достижения успеха необходимо всего лишь правильно выстроить отношения с комбинатом и с коренными народностями. В Красноярске же начинаешь по-настоящему ощущать масштабы России. Все – и хорошее и плохое – здесь гипертрофировано. Например, неприятной неожиданностью для меня стал высочайший уровень иждивенческих настроений. Много борьбы с ветряными мельницами. Проблема проблем – отсутствие

консолидации. Объединяемся только, когда случается какая-то беда. Все что-то делают по мелочам, а для реализации серьезных проектов объединиться не могут». Очень примечательное признание!

Как мы знаем, через год такая плодотворная идея нашлась – помогла Федерация, взявшая курс на укрупнение регионов. Впервые, наверное, в новейшей истории края разные группы красноярской номенклатуры сумели отбросить клановые интересы ради высокой цели. Референдум-2005 – самое главное достижение губернатора. Много со временем забудется, но это в истории останется. И много стоят слова Усса, которые он сказал осенью 2005 года: «Без Хлопонина объединение было бы невозможно». Поаплодируем скромности Усса, но справедливости ради заметим, что и Хлопонин очень многое позаимствовал у блока «Наших». Как считает Алексей Клешко: «Идеи регионал-патриотизма, несмотря на поражение Усса, оказались востребованными и командой Хлопонина. Новой администрации края хватило ума учесть ошибки своих предшественников. Хлопонинцы не стали интриговать против недавних соперников, а наладили с ними конструктивный диалог».

АПГРЕЙД

На мой взгляд, одна из главных черт стиля Хлопонина-политика – редкое умение обогащать старые идеи новыми технологиями. Он говорил об этом еще в 2002 году: «Один из моих главных принципов: никогда не отбрасывать прошлое, а брать из него лучшее и идти дальше. Когда я начал заниматься «Норильским никелем», первыми, с кем я встретился, были Владимир Иванович Долгих, Борис Иванович Колесников, Павел Стефанович Федирко и другие люди, оставившие заметный след в истории

комбината. Из бесед с ними я понял многие интересные вещи, пригодившиеся в моей работе на Севере».

Как известно, Хлопонин любит играть в шахматы, поэтому, думаю, уместно сравнить метод красноярского губернатора с методом двенадцатого чемпиона мира Анатолия Карпова, который блестяще умел применять в своих партиях новинки, придуманные его помощниками. Это важнейшее качество для политика, свидетельствующее в том числе и об отсутствии «комплекса Наполеона», которым грешат многие руководители.

Именно Хлопонин реанимировал идею освоения Нижнего Приангарья, которую начали осуществлять в эпоху Федирко. Корни «второй индустриализации Сибири» нужно искать именно там. И эта увлеченность мегапроектами заставляет вспомнить социалистическое «строек громадьё». Не всем это нравится. Даже коммунистам. Всеволод Севастьянов: «Он, на мой взгляд, слишком увлекся мегапроектами. Но они не могут быть панацеей для всех территорий. Большинство городов и районов края нуждаются в развитии малого и среднего бизнеса. Не совсем понятны телодвижения исполнительной власти в социальной сфере». И эта критика вполне уместна – большинство людей во все времена хотят жить «здесь и сейчас». Неочевидная отдача от проектов будет в лучшем случае только через несколько лет, что мало цепляет сибиряков. Возможно, будущему правительству Хлопонина имеет смысл разработать своеобразную «программу малых дел», которая зримо каждодневно улучшала бы жизнь красноярцев. Иначе энтузиазм Александра Геннадиевича рискует в скором времени натолкнуться на опасное равнодушие подданных. У него и так серьезные проблемы со многими руководителями муниципалитетов, привыкших жить по старинке, и по определению не попадаю-

щих в новую ментальность. И кадровая проблема будет стоять на одном из первых мест для краевой администрации в ближайшие годы.

ПОЛИТИК!

И сила, и слабость Хлопонина как губернатора заключается в том, что он прежде всего политик. Он хорошо разбирается в экономике, но она ему менее интересна. Политическая стезя ему удастся лучше всего. Он выстроил прекрасные отношения с федеральным центром и смог занять видные позиции в партии отечественной номенклатуры. Первым среди губернаторов-провинциалов получил право на проведение съезда «Единой России» (2005 год), который по максимуму использовал для лоббирования важнейших проектов – Сибирского федерального университета (рождение именно этой идеи будет датироваться губернаторством Хлопонина).

Не знаю, насколько осознанно, но Александр Геннадиевич скопировал на региональном уровне федеральную систему власти, выстроенную Путиным. Он доверил своим ближайшим соратникам – Льву Кузнецову и Сергею Соколу, оперативное управление краем, сосредоточившись на стратегии. И идея создания краевого правительства (тоже, кстати, не претендующая на новизну) вполне логично вписывается в эту систему. В принципе, основные тренды стратегии Хлопонина определились еще в 2005 году (освоение Севера, развитие социальной инфраструктуры в других территориях края и т.п.), но, зная азартность нашего губернатора, можно не сомневаться – «новые старые» идеи не заставят себя ждать. Очень интересно, как будет складываться «тихая борьба» Хлопонина с инерцией федерального центра за

вменяемую региональную политику. Пока на этом направлении больших успехов он не достиг, хотя, возможно, в ближайшую пятилетку именно вопрос взаимоотношений центра и регионов может стать одним из ключевых в России.

АМБИЦИИ И КОНДИЦИИ

«Амбиции Хлопонина защитой уже завоеванного, безусловно, не ограничатся. Вся логика его жизненного пути свидетельствует о стремлении к большему. От кооператива – к банку. От банка – к гиганту цветной металлургии. От РАО «Норильский никель» – в региональную элиту. Что дальше, узнаем уже скоро». Эти строки я написал в 2001 году после покорения Хлопониним первой политической вершины – победы на выборах губернатора Таймыра. Тогда модной темой для обсуждения был так называемый «поход олигархов во власть» (Золотарев, Абрамович) и выдвиженец «Норильского никеля» был одной из самых ярких фигур, которые участвовали в этом интересном процессе алхимического превращения из зубастых акул бизнеса в управленцев-государственников. В той же статье я назвал Хлопонина представителем российских яппи – отечественных прагматиков, пришедших на смену демократам-романтикам. «Возможно, именно на «поколение яппи» и делает основную ставку Путин. Новоиспеченным яппи придется оправдывать высокое доверие. Интересно посмотреть, как это получится у Хлопонина на Таймыре. Уж больно заманчивые вещи он обещал во время предвыборной кампании, – отмечалось в 2001 году. – Отступать Хлопонину некуда: на нем лежит ответственность не только перед президентом и северянами. Но и перед своим поколением, в авангарде которого он выступает».

Окончательные итоги политического пути Хлопнина подводить еще, конечно же, рано, но в целом можно констатировать: пока доверие красноярский губернатор оправдывает. Он не насилует судьбу, а старается расшифровать ее тайные знаки. И в основном ему это удается.

2007

СВОИ И ЧУЖИЕ...

Александр Усс:

«Я НЕ СЧИТАЮ СЕБЯ ПОБЕЖДЕННЫМ»

Выборы – это проверка на прочность. Не все ее выдерживают. Но настоящий политик, если он не фантом-однодневка, должен уметь держать удар. Минувший год для спикера Законодательного Собрания Красноярского края Александра Усса не назовешь удачным. Впервые в своей карьере ему пришлось познать горечь поражения. Тем не менее, он не собирается покидать политическую сцену и по-прежнему считается одним из самых ярких региональных лидеров России.

– Вы уже отошли от избирательной кампании?

– Очень многие интересуются этим вопросом. Как он, мол, там – живой еще? Да, отвечаю, живой, уже хожу, держась за спинку кровати. Но если серьезно, то отходил от выборов тяжело. Две трети отпуска воевал сам с собой, а потом искренне пришел к выводу: все, что ни делается, – к лучшему. На выборы я не имел морального права не пойти. Слишком много людей в меня верили. Я свой долг выполнил честно. Боролся как мог, но выиграл другой. Что ж – так бывает. Слава богу, я не заиклен на политике. Власть никогда не была для меня светом в окошке. Я равнодушен к ее внешним атрибутам, поэтому так легко и вернулся к нормальной жизни. Меня никогда не увидят слабым и цепляющимся за власть, поэтому, если придется уйти из нее, я не буду хлопать дверью, а просто ее прикрою.

– Другими словами, итоги выборов не стали для вас трагедией?

– Не стали. И я не утратил мироощущения человека, которому когда-то нравились и другие вещи, помимо политики. Я сейчас по-новому стал наслаждаться маленькими радостями жизни. Домой пораньше прихожу, дочку воспитываю, с собакой занимаюсь. Английский стал изучать.

ВСЕ НА ОДНОГО

– Многие аналитики уверены: если бы ваши пиарщики не вели столь агрессивную кампанию, вы бы непременно выиграли. Вы согласны с ними?

– Нет. Я вообще побежденным себя не считаю. Говорят, что я воевал против всех. Да нет, наоборот – все объединились против Усса. Я не верил, когда мне в самом начале кампании говорили, что коммунисты во втором туре будут поддерживать Хлопонина. Ведь еще год назад уважаемый коммунист Юрчик писал письмо Путину, в котором призывал не допустить приватизации регионов ФПГ. Не верил, что так, по-новому, откроется Петр Иванович Пимашков.

С моей стороны кампания не была агрессивной. Я не хочу хвалить Вадима Вострова, но все же хочу отдать ему должное – он сработал нормально. Мы победили в борьбе идеологий. Об этом, в частности, свидетельствует моя победа в Красноярске, хотя перед вторым туром в СМИ было соотношение один к трем в пользу соперника. В целом кампания была менее органичной, чем на выборах в ЗС, но она все же была, по моему мнению, лучше, чем у конкурентов.

– Почему же вы все-таки проиграли?

– Причин несколько. Первой из них можно назвать гибель Александра Ивановича, для которого я был одним из главных оппонентов. Эта трагедия приподняла

его образ, а тот конфликт, который до апреля работал на меня, стал работать в другую сторону. Особенно в глубинке, где про меня много лет рассказывали всякие небылицы – вроде того, что я американский шпион и три года не мылся в бане. Во-вторых, после гибели губернатора я стал единственным полностью легитимным руководителем края, и все, против чего я боролся последние три года, повесили на меня, как на новогоднюю елку. Я должен был ответить за чужие ошибки. И, конечно, свою роль сыграли финансовые ресурсы, которых у меня было намного меньше, чем у Хлопонина.

– Александр Викторович, во время кампании вы безжалостно бичевали олигархов. Но ведь вы не будете отрицать, что пользовались поддержкой известных ФПГ?

– Да, на моей стороне был «Русский алюминий», но, кроме того, на моей стороне были и Быков, отчасти и «ЮКОС», и многие другие. Это был пул спонсоров, интересы которых часто кардинально различались. И я не был связан с ними какими-то жесткими обязательствами. Они просто рассчитывали на мою лояльность как возможного губернатора. Александр Геннадиевич находился в качественно иной ситуации. «Норникель» вкладывал деньги в своего топ-менеджера, и они в этом смысле ничего не теряли.

ВЕЧНАЯ ИДЕЯ

– После выборов на «Наших» можно ставить крест?

– Во многом создание этого блока было ситуативным решением. Хорошо про это сказал Олег Пащенко, которого уже скоро можно будет цитировать, как классика. «Наши» были сборной клубов, различных по своим

глубинным политическим ориентациям, но объединенных одной целью. Мы воевали против врагов, которые своей наглостью и актуализировали идеологию «Наших». Идея не спекулятивная. Она вечная. Свои и чужие были и будут всегда. После нашего успеха на выборах в ЗС ко мне приезжали влиятельные политики из других регионов, которые предлагали распространить красноярский опыт на всю страну, создав общероссийскую партию типа «Наших». Местный патриотизм находится сейчас в подполье и требует выхода на поверхность. Да, финансово-промышленные группы и транснациональные корпорации – это объективная реальность, но, с другой стороны, должен быть полюс, который позволял бы сохранить баланс сил. И здесь свою роль должны играть региональные элиты.

– Где гарантия, что региональный патриотизм не перейдет в банальный сепаратизм? Ведь грань между этими понятиями довольно тонкая.

– Любая идея может быть доведена до абсурда – вы хорошо помните, как пытались это сделать некоторые спецы черного пиара. Патриотизм, на котором основывалась позиция «Наших», назвали «нашизмом», а потом, следуя логике созвучия, стали проводить параллели с фашизмом... Это уже, извините, запредельная фантазия людей, которым, скорее всего, требуется медицинская помощь. Гарантия от скатывания в сепаратизм только одна – здравый смысл лидеров этого движения. За два года существования «Наших» мы никогда не переходили черту, которая позволяла бы обвинить нас в региональном сепаратизме.

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

– Итак, вы остались руководить краевым парламентом, а в кресло губернатора сел ваш недавний

соперник. Как вы оцениваете первые шаги Хлопонина на этом посту?

– Я не считаю, что с приходом Александра Геннадиевича в крае случится чудо. Источники нашего благосостояния лежат на поверхности: это крупные ФПП и федеральный бюджет. Их надо развернуть в сторону региона. Думаю, что у Хлопонина будет гораздо более толковая и взвешенная политика, чем у его предшественника.

– Это пожелание или прогноз?

– Во-первых, по сравнению с Лебедем Хлопонин неплохо подготовлен к этой должности. Во-вторых, за ним стоит крупная ФПП, что при всех минусах имеет и свои плюсы. Это определенный страхующий механизм в экономическом и интеллектуальном смысле. Появляются серьезные возможности лоббирования интересов края в Москве. Подход Хлопонина к кадрам и к экономическим решениям пока вполне вменяемый. Я бы действовал, может быть, не так, но похоже. Именно поэтому я совершенно искренне, а не из какой-то конъюнктуры поддержал целый ряд начинаний губернатора. Отнюдь не из желания кому-то угодить. Если уж мы Лебеда не боялись, то Хлопонина не боимся точно.

– Из ваших слов можно сделать неожиданный вывод, что вы сами в душе радуетесь победе вашего соперника.

– Не все измеряется сиюминутными вещами. Думаю, что в социально-духовном смысле край все-таки потерял. Я не имею в виду себя. Для меня большая потеря, что красноярское общество не смогло консолидироваться и выдвинуть из своей среды лидера, представлявшего полностью его интересы. А мы должны продвигать своих людей и здесь, и в центр федерального округа, и в столицу. Ведь край уже дважды избирает губернатора не из числа достойных земляков. Это означает, что возникает

разрыв между поколениями, у нынешних управленцев нет подкрепления со стороны тех, кто может прийти им на смену.

– А может, и нет в крае людей, готовых прямо сейчас управлять регионом? Во всяком случае, такое мнение уже приходилось слышать из уст новых руководителей края.

– Оригиналы они большие. Интересно, а кем был Сокол до того, как он пришел в «Норильскгазпром», кем был сам Хлопонин, прежде чем возглавил «Норникель»? Сам же рассказывал, как джинсы варил. И ничего – ведь у них получилось. Не надо считать нас людьми второго сорта. У нас множество талантливых и толковых людей. Возьмем последние примеры. Кто бы мог представить Коропачинского в роли первого заместителя губернатора? А Ашлапова, который оказался в экстремальной ситуации и справился? У него и рейтинг появился, и даже свои поклонники, да и вообще он стал фигурой федерального уровня. Его Путин заметил! Уверен, у нас есть десятки молодых людей, способных украсить краевую и российскую политику, да и не только политику.

В ПОИСКАХ СВОЕЙ МИССИИ

– Выборы-2002 – ваша последняя попытка стать губернатором?

– Трудно сказать. Это кресло не является для меня чем-то таким, ради чего я готов лечь и умереть. Но исключать я ничего не могу – впереди еще четыре года.

– Вы не чувствуете, что переросли край? Не пора ли себя попробовать на федеральном уровне?

– Наверное, выглядело бы смешно, если бы я сейчас стал заявлять, что из Красноярского края я – ни ногой! Но необходимости куда-то бежать сломя голову я

не чувствую. Я считаю себя человеком по-сибирски основательным. Я очень трудно срываюсь с места, стараюсь просчитывать на несколько ходов вперед. Уезжать в Москву нет ни желания, ни необходимости. Бегать по московским кабинетам и выпрашивать себе какое-то место – не в моих правилах.

– **Что-то в своем имидже будете менять?**

– Да я уже не в том возрасте, чтобы имидж менять. Хотя на самом деле внутренняя перестройка сейчас для меня проблема номер один. Нужно понять свою дальнейшую миссию. Я уже кое-чего добился, кое-что пережил. Стал профессором, одни выборы выиграл, другие проиграл. Пока я в поиске. Пауза должна закончиться естественно.

(В соавторстве с Александром Сенищюком и Ириной Литвиновой.)

2003

Петр Пимашков:

«Я НА ПУТИ К ВЕРЕ»

Коммунальные и транспортные проблемы. Зарплаты бюджетникам. Фонтаны, фасады и брусчатка. Пожалуй, это наиболее распространенные ассоциации, возникающие при произнесении имени красноярского градоначальника Петра Пимашкова. Его личная жизнь остается скрытой от широкой публики. На днях Петр Иванович решил поделиться этими и другими секретами с редакцией «АиФ на Енисее».

ЛОМОНОСОВ БЫЛ НЕ ПРАВ

– Что случилось с Красноярским краем? Почему богатейший регион оказался в столь глубоком кризисе? Как от этой болезни излечиться?

– По своему уровню, по исторической роли наш край всегда находился на лидирующих позициях в стране. Для того чтобы выбраться из той ямы, в которой красноярцы очутились, нужно расстаться с психологией провинциалов. Я уверен, что знаменитые слова Ломоносова о том, что могущество России будет Сибирью прирастать, сегодня уже потеряли актуальность и даже в чем-то вредны. Этот тезис невольно нас зачисляет в разряд каких-то придатков. Извините за пафос, но уверен, что именно из Сибири начнется возрождение России. Не стоит забывать и опыт бывших руководителей края. В свое время Павел Стефанович Федирко в своей работе придерживался простого принципа: все что можно – тащить в край, а здесь мы с этим хозяйством разберемся.

Некоторые же сегодняшние лидеры края напоминают мне семиклассника, который хочет сесть за штурвал самолета. Ему еще на велосипеде кататься, а он самолетом рулить хочет.

– Вы четыре года бок о бок работали с Александром Лебедем. Его личность в красноярской элите оценивается крайне неоднозначно...

– Лебедь был великий и очень одаренный от природы человек. В его жизни было немало событий огромной важности, которые повлияли на судьбы тысяч людей. Бывают люди, которые в переломные моменты оказываются на гребне волны. Лебедь как раз и был из таких. Мне больно за то общество, которое не умеет отличить дурных людей от хороших. Он был толковым военным, имевшим уникальный опыт боевых действий, а его взяли и убрали из армии! Патриота страны выбрасывают, как предателя. Он попал в гражданскую жизнь, а она совсем другая. Благодаря своим природным данным он пытался в нее вникнуть и найти в ней свое место. Он завоевал пост губернатора, но генералам всегда легче завоевывать, чем удерживать. Это Александру Ивановичу не удалось сделать по нескольким причинам. Главная – он не собрал команду. Ему надо было сначала найти хорошего заместителя, который знал бы систему управления хозяйством региона. Такого человека не нашлось. Его окружило немало проходимцев, и в результате получилось то, что получилось.

ХОЗЯИН ГОРОДА

– Вам нравится, когда вас называют хозяином города?

– В принципе, эта формула соответствует действительности. Я взял на себя ответственность за Красноярск и слова на ветер не бросаю.

– Чего было больше на посту мэра: побед или поражений?

– Я стал мэром в 1996 году. Мне достались разбитые дороги, коммунальный мост в предаварийном состоянии, деморализованное городское хозяйство. А сейчас мне не стыдно за Красноярск. Я думаю, что и у жителей появилась какая-то гордость за наш город. Не даром же мы заняли третье место в России по благоустройству. Наш город среди немногих других награжден высшей национальной общественной наградой – орденом Петра Великого. Мы никого не подкупали, комиссия сама решила, что мы достойны этих наград. Ругают меня за фонтаны и фасады, но почему-то забывают, что благоустройство города у меня занимает максимум 3-4% рабочего времени, а та же подготовка к зиме как минимум половину. Фонтаны-то потом появились, когда главные завалы мы разгребли. Наша команда контролирует ситуацию в городе. Были, конечно, и неудачи. К сожалению, мы, например, не смогли противостоять политике, которая привела к разорению наших товаропроизводителей.

– Петр Иванович, если вы завтра по каким-либо причинам уйдете с поста мэра, есть ли человек, которому вы со спокойной душой можете оставить Красноярск?

– Сейчас в городе есть как минимум десяток людей, способных качественно руководить Красноярском. Они к этому готовы как практики, так теоретики. Последнее слово все равно за горожанами – им выбирать...

– Петр Иванович, а вам удалось команду собрать?

– Считаю, что удалось. Люди в мою команду с Луны не сваливались. В Красноярске немало достойных людей, главное – их вовремя заметить и подтянуть. Если бы Лебедь сделал ставку на красноярцев, то мно-

гие проблемы были бы сняты. А так он обидел всю местную элиту. Многие сибиряки, оказавшиеся за бортом, прекрасно видели низкий потенциал тех, кто приходил на их место.

– Вы часто разочаровывались в своих подчиненных?

– Руководители тоже люди: бывают у них взлеты, бывают и падения. В семье что-то случилось, в жизни... Можно махнуть на него рукой, а можно попытаться понять и поддержать в трудную минуту. Зато потом тебе это неизбежно воздастся.

– Вы согласны с утверждением, что власть портит людей?

– Портит, но не всех. Если руководитель умный, то он вовремя почувствует момент, когда его заносит куда-то не туда. У руководителя должен быть внутренний стержень и самоконтроль. Они не позволяют ему перешагнуть через какие-то нравственные ценности. Приведу аналогию с днем рождения. С утра тебя все начинают поздравлять, и к вечеру поневоле начинаешь думать о себе, как о великом и неповторимом. Раз в году можешь позволить так о себе думать, а вот если это продолжается год-два, то добром такая ситуация не закончится.

ПРАВОСЛАВИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

– Вы много помогаете православной церкви, а сами – вы верующий человек?

– Я на пути к вере. Если есть возможность, то я иду в храм. В душе каждого русского человека существует тяга к религии. Ты об этом даже, может, и не задумываешься. Но все равно это у нас в генах. Зачем мы ищем национальную идею, если у нас есть вера? Вот это главное.

– **Вы недавно встречались с патриархом. Если не секрет, о чем беседовали?**

– Больше часа продолжалась наша встреча. Я человек не особо эмоциональный, но в этом случае был взволнован. Алексий II, безусловно, великий человек. Он доказывает это всей своей жизнью... Мы беседовали с ним, в частности, о строительстве кафедрального собора, который в свое время стоял на месте здания нынешней краевой администрации, а потом атеисты его взорвали.

– **Неужели на этот раз будем сносить «серый дом»?**

– Патриарх, кстати, тоже пошутил на эту тему... У нас много хороших мест для храма, и мы обязательно выберем лучшее из них.

– **У вас бывают моменты, когда хочется все бросить и в монастырь уйти?**

– Нет. В сложных ситуациях я всегда буду бороться до конца.

– **Вы суеверный человек?**

– Я уверен, что каждый человек устраивает свою судьбу сам. В то же время я иногда ловлю себя на мысли, что есть еще высший Судья, который каждому воздает по заслугам. В моей жизни было несколько ярких примеров, когда человек по этой жизни шел неправедными путями и вдруг срывался в пропасть. Какая-то закономерность в этом все-таки есть.

– **Вы способны на отчаянные поступки?**

– Как-то я проезжал с другом по улице Кирова и обратил внимание на двух прохожих – женщину и мужчину. Что-то странное было в этой парочке. Подозрения подтвердились: вдруг мужик вырывает у нее сумку и убегает. Женщина поворачивается к нам – у ней все лицо в крови. Догнал я этого бандита (а у него, между прочим, был нож в руке), тут и другие ребята подоспели, скрутили

его. В такие моменты я уже не думаю о собственной безопасности, хотя, вообще-то, перед принятием каких-то принципиальных решений стараюсь все взвесить.

ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН

– А к советам близких прислушиваетесь?

– У меня прекрасная семья: жена, дочь и сын уже взрослые, у всех экономическое образование. Бывает, и критикуют мою работу. Я, конечно, прислушиваюсь к их замечаниям, но решение все равно принимаю сам.

– Какие женщины вам нравятся?

– Мне нравятся женщины, похожие на мою супругу.

– А сама супруга?

– Жена есть жена. Отмечу только, что меня женщины не предавали. Во всяком случае, до сих пор. Мужчины предавали. Я уже давно настороженно отношусь к людям, которые клянутся в верности до гроба. Значит, человек уже готов тебя предать. Вообще, любые серьезные испытания хороши тем, что дают возможность посмотреть, кто рядом с тобой. Такая очень хорошая лакмусовая бумажка.

– А кого предпочитаете на работу принимать: мужчин или женщин? Для вас половой признак важен?

– Нет. Несмотря на равноправие, есть должности, созданные только для мужчин или для женщин. Например, пост главы города, по моему мнению – не для женщин. На этом месте надо и нервы крепкие иметь и уметь быть жестким человеком. Когда же женщина становится жесткой – это опасно. Она может так кого-нибудь невзлюбить, что объективности уже ждать не приходится. Вообще говорят, что если женщина не права, то подойди к ней и извинись.

– Когда вы последний раз дарили жене цветы? Вообще любите делать подарки и получать их?

– Жену я особо не балую, но дарить цветы люблю. Жене розы подарил несколько дней назад. Дочке тоже дарю. Дорогие подарки мне как мэру принимать просто неприлично. Могут неправильно понять. Поэтому стремлюсь в день рождения куда-нибудь уехать за город. А вообще, из подарков предпочитаю интересные книги.

– А что любите читать?

– В первую очередь, историков – Ключевского, Соловьева... Из поэзии люблю Фета и Пушкина. Читаю, конечно, экономическую литературу: Василия Леонтьева, Абалкина...

– Петр Иванович, а от работы как отдыхаете?

– Пять раз в неделю я подымаюсь в шесть утра и пробегаю километров пять. Плюс регулярно играю в волейбол. Еще я люблю рыбалку. С друзьями ездим в разные места. Недавно были на одном из озер в Хакасии. В Эвенкии бывал. Люблю и сам процесс ловли и наваристую ушницу. Особенно из нельмы.

– А алкоголь помогает от стрессов?

– Водкой можно снять стресс раз в месяц - не больше, потому что алкоголь в больших дозах до добра не доводит. На моих глазах десятки талантливых людей снимали стресс таким опасным образом и, к сожалению, попали туда, откуда возврата нет.

ГЛАВНЫЙ НЕДОСТАТОК

– Петр Иванович, у вас есть недостатки?

– Однажды старый друг сказал мне мой главный недостаток: «Петр, твой главный недостаток – порядочность». Что ж, может быть, со стороны и виднее. Почему-то считается, что для руководителя это непростительная

роскошь. В принципе, это исправимый недостаток, но я все-таки согласен жить с ним.

– Когда вы последний раз чувствовали себя счастливым?

– Такие вопросы ставят в тупик. Все-таки счастье каждый понимает по-своему. Для меня счастье, когда все нормально в семье, когда все здоровы, когда сделал что-то, чем можешь по-настоящему гордиться. Такие моменты бывают, хотя и не так часто, как хотелось бы.

(В соавторстве с Александром Сенищук и Ольгой Полинской.)

2002

Анатолий Быков:

**«Я СВОЮ ЗЕМЛЮ НЕ ПРЕДАВАЛ,
А ЗАЩИЩАЛ!»**

Этот человек мало кого оставляет равнодушным. Кто-то его обожает, кто-то ненавидит. Одни пишут про него книги и снимают фильмы, другие мечтают низвергнуть с пьедестала. Но как бы ни складывались жизненные обстоятельства, Анатолий Быков по-прежнему в центре внимания.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

– Почему вы все-таки потерпели поражение в борьбе с московскими олигархами?

– Березовский и Абрамович подсунули мне Лебеда как наживку, и я за нее схватился. Не хватило мне тогда ума и какой-то гуманитарной базы, чтобы просчитать последствия. Но ошибся тогда не только я, а вся краевая элита. Ждали барина, который устроит райскую жизнь. И дождались. Хочу опровергнуть один миф. Быков с Лебедем не воевал. Я воевал с безобразиями, которые при нем творились. В ту эпоху край остался без шестидесяти крупнейших предприятий, которые ушли в Москву.

– В том числе увели и ваш КраЗ. А в чем отличие между нынешними владельцами завода и вами?

– Им наплевать на край, а мне – нет. Я хочу жить в Красноярске и хочу, чтобы мои земляки жили комфортно. И знаю, как это сделать. Если бы не хотел, то давно загорал бы где-нибудь в Новой Зеландии. Сейчас Дерипаска пытается создать энергометаллургическую корпорацию. Если у него это получится, то могу уверенно про-

гнозировать: ничего хорошего край не ждет. В свое время я об этом говорил, но меня предпочли не услышать. Пускай сейчас с этим разбирается наш губернатор.

– Как вы относитесь к нынешней борьбе с олигархами?

– Я резко отрицательно отношусь к переделу собственности. Сначала позволили все украсть, а сейчас очнулись! Не надо искать черных кошек в темной комнате. Мы это проходили в 1917 году и ничего хорошего не получили. И не нужно с олигархами бороться. Их нужно заинтересовать, чтобы они работали на свою страну. Власть вполне может создать такие условия, чтобы их капиталы приносили пользу здесь и сейчас. Была бы только политическая воля. Но есть ли она?

– Многие ваши неприятности связаны с политикой. А можно ли в нашей стране быть крупным бизнесменом и быть вне этой сферы?

– Политика слишком влияет на бизнес, и только по этой причине я пошел туда. Вернее, в нее меня просто втокнули. Открытий было много. По сравнению с политиками бизнесмены – сущие ангелы. Непомерные амбиции и чудовищная продажность политиков поначалу просто поражали.

– Вы говорите очень грустные вещи и тем не менее, не опускаете рук. Вы – оптимист?

– В нашей стране есть все, чтобы изменить жизнь людей. На одной из встреч мне задали вопрос: «Если бы вы были губернатором, то сколько бы вам понадобилось времени, чтобы изменить ситуацию?». Я сказал: «Два года». И это не бахвальство. Я изменил в свое время ситуацию на КраЗе, который к моему приходу был должен кредиторам 300 миллионов долларов. Он стал лучшим в России, и не только по экономическим показателям. Мы строили больницы, школы, поддерживали красно-

ярский спорт. Кто сегодня занимается этим? Сегодня губернатор Чукотки – государственный человек! – смеется над страной, покупая английский футбольный клуб! И все делают вид, что ничего плохого не случилось. Неправильно это.

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

– В последнее время вы активно занимаетесь красноярской политпорослью. Зачем?

– Да, молодежь – в зоне моего особого внимания. Я ищу способы ее объединить, чтобы вырвать молодых из паутины безверия и цинизма. Я хочу, чтобы они жили, а не существовали. Говорят, молодежь сегодня апатична. А кто ее по-настоящему пытался заинтересовать общественной жизнью? Все заняты своими делами, о будущем думают единицы. Старая элита уходит, после нее остается пустота. Ее все равно придется заполнять. Вопрос – кем?

– Вы на самом деле надеетесь воспитать новое поколение управленцев-патриотов?

– Это трудная задача, но за легкие я никогда и не брался. Сегодня главная проблема молодых – они не ощущают своей причастности к Родине. Нет идеологии, в душе – пустота. Как-то я проводил прием своих избирателей из Октябрьского района. За один день мне пришлось выслушать истории пяти женщин, которых дети выгоняли из квартир. У меня волосы дыбом встали. Когда такое было на Руси?! Совершается великая подмена нравственных ценностей. Отсюда все эти страшные житейские истории.

– Ситуация печальная, но в ваших ли силах ее изменить?

– Молодые пойдут за лидером, который им не врет. Тусовочная жизнь за бутылкой пива и сигаретой все рав-

но когда-нибудь наскучит, и молодые потянутся к настоящему. Важно, чтобы они это настоящее нашли. Я много общаюсь с молодежью и думаю, что шансы на возрождение есть. Многие сами выходят на меня с предложениями и идеями. Нужно только их поддержать, в том числе и на уровне горсовета.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

– У вас много единомышленников среди красноярской элиты? Иногда складывается впечатление, что вы бьетесь за свои идеалы в одиночку.

– Один в поле не воин. Естественно, у меня много союзников, но по разным причинам они не хотят светиться на публике.

– Вы пользуетесь немалой популярностью в народе. Как вы сами объясняете эту народную любовь?

– Я никого не обманываю. Если не могу помочь, то честно говорю об этом. Горькая правда лучше сладкой лжи. Очень простой на самом деле принцип.

– Но и врагами вас судьба не обделила.

– Больше всего нашей стране вредит зависть. Бог ею Русь проверяет, и, увы, многие, очень многие этой проверки не выдерживают. Завидуют людям успешным и независимым. И вместо того, чтобы сделать усилие и самим стать сильными, эти люди предпочитают гадить. Например, с этим я сейчас сталкиваюсь в своих сельскохозяйственных проектах.

– В чем это проявляется?

– Сейчас в крае существует пять успешных хозяйств, которые фактически загнали в кабалу своих соседей. По весне они делятся с ними семенами и горюче-смазочными материалами, а по осени несколько шкур снимают.

Именно поэтому единицы получают 5 миллионов долларов чистой прибыли в год, а все остальные бегают без штанов. Я вместе со своими партнерами стараюсь эту ситуацию изменить. Мой приход в эту отрасль испугал многих, поэтому мне палки в колеса и ставят. Прокуратура прописалась в наших хозяйствах – все нарушения ищет. Но мы из сельского хозяйства уже не уйдем и докажем всем, что и там можно достигнуть успеха, несмотря на все препоны.

ПО ЗАКОНУ СУДЬБЫ

– Вся ваша жизнь – в борьбе. А бывают минуты, когда вы душой отдыхаете?

– Редко, но бывают. Купаюсь в Енисее, гуляю со своими собаками. Езжу в деревню, общаюсь с крестьянами, которым глубоко безразличны все наши политические страсти. Еще катаюсь на снегоходах по тайге. Природа хорошо снимает напряжение. Я до сих пор дружу с теми, с кем рос, учился и гонял в футбол. Они тоже недоумевают, как меня занесло в такие сферы.

– А вы знаете ответ на этот вопрос?

– Думаю, все-таки судьба. Стартовые-то возможности у всех были равные, но что-то сверху меня постоянно толкает вперед. Иной раз вечером спрашиваешь себя: «А зачем тебе все это надо?» А утром понимаешь, что это твой путь и останавливаться на достигнутом нельзя.

– Еще древние подметили: одних судьба влечет, других – тащит.

– Меня, наверное, тащит. В моей жизни часто бывали моменты, когда меня пытались придержать, остановить, уронить, но я не сдавался. Я не утратил веры в самых отчаянных ситуациях. Лефортовские охранники мне говорили: «Ты ведешь себя так, будто это мы у тебя

сидим, а не ты у нас». Я отвечал: «Так оно и есть, потому что, в отличие от вас, я свою землю не предавал, а защищал». Власть мне мешала и мешает, но я не бросил и не брошу свою Родину. Я остался здесь и даже строю заводы. Многие ли способны на это? Я точно знаю одно: нужно идти только вперед и не бояться того, что там могут быть рывины и ловушки.

– Анатолий Петрович, так во что вы все-таки верите и на что надеетесь?

– Верю прежде всего в земляков и в себя. А надеюсь на победу.

2004

Алексей Клешко и «НАШИ»

Алексей Клешко не любит воевать. В одном из интервью времен Лебеда он даже признался: «Мечтаю о том времени, когда бы жизнь стала спокойней. Мне сейчас часто говорят – какой вы борец! А я бы с удовольствием не был борцом, если бы власть была моральнее, честнее, справедливее...» Он уверен, что в политике практически всегда можно договориться. Но миролюбие не означает беззубости. По своим оппонентам Алексей может проехаться асфальтовым катком. Если речь идет о принципах, то здесь и склонный к разумным компромиссам, Клешко готов вспомнить завещание наших предков: «Кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет».

Это качество было присуще не только Клешко, но и всем, кого красноярцы в начале двадцать первого века увидели во главе регионал-патриотического движения «Наши». Оно появилось во многом благодаря неумно-агрессивной политике администрации Лебеда, которая с редким талантом умела создавать врагов на пустом месте. Многие поддержали «Наших» по зову инстинкта самосохранения – «чужаки» танковой колонной перли на краевую элиту и, что более важно, на сами основы региональной российской жизни.

Как мы уже отметили, Алексей с самого начала не питал иллюзий по поводу команды Лебеда. Уже один из первых шагов новой администрации, расформировавшей краевой комитет по делам молодежи (а эта тема всегда была одной из центральных для Клешко), вызвал его резкое неприятие. Молодежную политику отныне должно было осуществлять ОМД «Лебедь», которое возглавлял уже упоминавшийся Николай Вернер. Среди многочисленных хитромудрых инициатив Вернера,

многие из которых были с ярко выраженной коммерческой подоплекой сомнительного свойства, внимание Клешко привлек тихий захват концертно-танцевального зала. КТЗ был в муниципальной собственности, поэтому странные шевеления вокруг этого лакомого куса собственности не могли не привлечь внимание части депутатов горсовета. Клешко и его коллегам удалось выяснить, что за спиной депутатского корпуса одна из заместительниц мэра подписала договор об аренде, который фактически бесплатно отдавал КТЗ в руки Вернера. Интерес депутатов к этой сделке вызвал безумный приступ ярости и брызгание слюной у Николая Васильевича: какие-то местные аборигены посмели перейти дорогу ему – «великому и ужасному», который вот-вот вслед за «папой» (так ближайшее окружение звало Лебедя) на белой коннице ворвется в Кремль! Да и СМИ он откровенно боялся и ненавидел. Но пришлось смириться и этому приднестровскому выскочке – депутаты горсовета сумели-таки добиться справедливой арендной платы за КТЗ.

Вскоре возродилась и «Территория», которая стала выходить в эфире «Афонтово». Клешко каждую неделю прямой наводкой бил по Лебедю и его вороватым соратникам. Его жалящие атаки, обидные для оппонентов тем, что основывались, как правило, на их реальных проколах, довели до белого каления даже губернатора. Обычно довольно сдержанный в отношении СМИ, Лебедь однажды не сдержался и публично оскорбил Клешко. «Вечерний Красноярск» в 2001 году имел полное право написать, что Клешко стал «аллергеном губернатора». Пролебедевские СМИ пытались организовать антиклешковскую кампанию. Особенно злобствовала «Свободная газета», созданная по инициативе Вернера. Комья проклятий и откровенной лжи

летели в Клешко с ее страниц постоянно, но грязь к Алексею не приставала: напротив авторитет его только укреплялся. Ему несколько раз угрожали по телефону, но куда чаще раздавались звонки от красноярцев, поддерживавших бескомпромиссную борьбу Клешко с лебедевским режимом.

Естественно, Клешко был не одинок. Бесцеремонность и хамство новых хозяев Красноярского края задела многих: и простых граждан, и тех, кого принято называть региональной элитой. Каждый из них открыл свой личный фронт борьбы с агрессорами. Вплоть до кампании в ЗС их действия никем не координировались, хотя синхронность ударов невольно наводила на мысль, что они не могут быть случайными. В качестве такого мифического центра лебедевцы называли то Быкова, то Усса, то олигархов. На самом деле они не поняли одну простую, но для них непонятную вещь: на этот раз они столкнулись с НАРОДНЫМ сопротивлением, которое по определению невозможно победить. Происходившее в те годы в Красноярском крае напоминало описанную Львом Толстым «дубину партизанской войны». Только здесь не было никакой партизанщины – борьба велась вполне легальными способами, в отличие от их оппонентов, которые по лучшим рецептам ельцинской эпохи пытались найти на красноярских патриотов компромат. Как правило, безуспешно.

Лицо «Наших» определяли очень разные люди, стоящие на зачастую непримиримых политических платформах: спикер ЗС либерал-государственник Александр Усс, социал-демократ Вячеслав Новиков, национал-патриот Олег Пащенко. Алексей Клешко стал одним из лидеров этого движения, которое возникло в 2000-м году. Но общая опасность заставила сплотиться даже вчерашних оппонентов.

В 2001 году началась кампания по выборам в ЗС. Для региона они носили принципиальный характер: схватка «Наших» с администрацией края из информационного пространства переносилась в чисто политическую плоскость: в роли жюри спора «своих» и «чужих» должны были выступить простые избиратели. Было очевидно, что победители на выборах в краевой парламент получат хороший плацдарм и стратегическую инициативу перед выборами губернатора, которые должны были по плану состояться весной 2003 года. Клешко вместе с Уссом, Новиковым и Пашенко стал лицом блока. Его образ активно использовался в предвыборной агитации. При этом Алексей не вошел в список «Наших». Он уступил свое место генеральному директору ТВК Вадиму Вострову, чья телекомпания была, пожалуй, самым сильным раздражителем для окружения Лебеда. Сам Алексей рискнул пойти по одномандатному округу, который включал в себя Кировский район и ту часть Советского района, где люди по традиции голосовали за кандидата, которого поддерживал Анатолий Быков. В результате блок «Наши» занял первое место. Выиграл и Алексей, набрав более 50 %. Ближайший соперник отстал от него более чем на 30%. Внушительная победа!

После победы «Наших» и их союзников краевой парламент стал фактически штабом антилебедевской оппозиции. Было очевидно, что на выборах-2003 шансов на переизбрание у Александра Ивановича было немного, но тут в дело вмешались высшие силы: 28 апреля произошла трагедия в Ермаковском районе. Погибли Лебедь, Кольба, чиновники, журналисты. Красноярский край вновь встал перед выбором.

(Из книги «Сопряжения Алексея Клешко». Готовится к печати)

2007/2008

Олег Пащенко:

«ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ»

Уже десять лет депутат Законодательного Собрания края, редактор «Красноярской газеты» Олег Пащенко является, пожалуй, самым ярким представителем «красной» оппозиции в регионе. Сегодня он – наш гость.

ОКОПЫ С КАНАЛИЗАЦИЕЙ

– Согласны ли вы, что КПРФ, утратив оппозиционность, свойственную ей в первой половине 90-х годов, превратилась в часть государственной системы?

– Есть такой синдром – «оживление окопов». На линии фронта по-прежнему стреляют, но в то же время в окопы проводится канализация, электричество, делается евроремонт. Со временем выясняется, что руководители противоборствующих сторон уже о чем-то договорились. Противники стреляют с 11 до 12 часов, а мы – с 13 до 14. Находятся, конечно, буйные, вроде меня, которые говорят: «Давай из окопов – в атаку!» Но мудрые руководители отвечают: «Если ты сейчас побежишь, потом твой окоп будет занят».

Быть близко к власти очень опасно – можно проникнуться ее духом. Поэтому я против того, чтобы представители оппозиционных партий работали в Госдуме или в ЗС на постоянной основе.

– Часто ли ваша точка зрения расходится с позицией крайкома КПРФ?

– Между холостыми патронами часто вкладываю в рожок боевые, и это не всегда нравится моим товарищам. Но я все равно вызываю огонь на себя. Я гораздо больше, чем коммунист, и не боюсь признаться в том, что выступаю за просвещенный тоталитаризм.

– Зачем вы остаетесь во власти, если вам там не очень комфортно?

– Я участвую в войне, а политика – ее продолжение. Однажды я понял, что, став депутатом, ударю по режиму сильнее. Но само пребывание во власти для меня действительно тяжело. Тяжело идти на компромиссы. Хорошо, что я не работаю в ЗС на постоянной основе. Однажды Лебедь собрал фракцию коммунистов в ЗС. Позвонили и мне, но поздно. Я не пошел. Встречаю потом Юрия Абакумова. Он мне и говорит: «Такой ты оппозиции и нужен – жесткий, колючий. А пошел бы к Лебедю, попал бы под его обаяние и помягчел бы».

ДВЕ ХАРИЗМЫ

– Вы боитесь обаяния губернатора. Но в то же время призываете его поддержать. Как это понимать?

– Да, я за Лебедя. Во-первых, мы к нему привыкли. Во-вторых, Москва явно третирует Лебедя. И эту нелюбовь, я, коренной сибиряк, воспринимаю как нелюбовь к краю. Мне обидно, когда в президиум Госсовета Путин берет какого-то Рокецкого или Кресса, а не нашего Лебедя. Наш регион в России занимает просто уникальное положение, и это пренебрежение.

– Почему, по-вашему, президент так упорно игнорирует наш край?

– Боится потеряться рядом с Александром Ивановичем. Не только в силу своей комплекции. Рядом с рос-

лым Клинтоном Путин в тени не находится. А Лебедь бы его затмил. У Путина пока нет того опыта и той харизмы, которая уже есть у нашего Лебеда. Думаю, Путин не появится в нашем крае еще год. Вот наработает харизму, тогда и приедет.

ИСПОРЧЕННАЯ ИДЕЯ

– Насколько актуальна идея согласия между различными политическими группировками, активно обсуждаемая в Красноярском крае в последнее время?

– Эта идея была неправильно оформлена и из-за этого ее не восприняли. Лебедю нужно прийти на сессию ЗС, пригласить депутатов Госдумы, мэров, посмотреть в наши глаза и сказать по-мужски: «Я рад видеть лица красноярцев». После этого провозгласить несколько принципиальных тезисов, которые могли бы нас объединить. Не надо противостоять Москве. К нам обращайся! Тогда даже Быков, возможно, поддержал бы Лебеда. А «Союз красноярцев» идею объединения просто испортил.

– Почему, на ваш взгляд, Лебедь не использовал ваш сценарий?

– Губернатор всегда настороженно относился к ЗС. Приходя на сессию, он держится очень напряженно, весь – комок нервов. Сидит, пот вытирает. Усс, напротив, чувствует себя как рыба в воде. Я тоже себя часто неуютно ощущаю в зале заседаний. Я – «человек результата», а большинство депутатов ЗС – «люди процесса».

В этом отношении Лебедь мне близок. Когда он видит, что реальный толк от наших совещаний наступит не скоро, то теряет интерес к ним.

Вячеслав Новиков:

«ЗА СВОЮ РЕПУТАЦИЮ Я ГОТОВ ДАТЬ БОЙ ЛЮБОМУ»

Член Совета Федерации Вячеслав Новиков в краевой политике активно участвует уже двенадцать лет. В его карьере были и феерические взлеты, например, когда он неожиданно для многих в начале девяностых годов стал председателем крайсовета, были и периоды относительных неудач. От многих других местных политиков Новиков отличается открытостью и искренностью. Красноярские журналисты после перехода Новикова на работу в Совет Федерации сетовали, что потеряли человека, способного просто и доходчиво объяснить любую наисложнейшую проблему. Но и став сенатором, Новиков край не позабыл. Он по-прежнему участвует во многих региональных процессах и нередко его слово оказывается решающим при принятии окончательного решения.

В МОСКВЕ

– Когда депутаты ЗС провожали вас в Совет Федерации, многие чуть ли не плакали. А вам как дался этот переход?

– Тоже со слезами на глазах. Главная причина, почему я согласился перейти на работу в Совет Федерации, лежит на поверхности: я считаю, что Красноярск очень плохо представлен в столице. Между тем, есть ряд серьезных позиций, которые нужно защищать именно на федеральном уровне. И их защита – мой долг. Говорю это без всякого пафоса.

– В чем разница между ЗС и Советом Федерации?

– Меня всегда раздражало, когда я, работая над решением того или иного вопроса, вдруг понимал, что у меня руки коротки. Например, мы приняли закон об обороте цветного металла. Мы нашли механизм, который позволял регулировать в крае этот полукриминальный бизнес. Закон-то мы приняли, но он проработал всего несколько дней, потому что буквально через неделю появилось постановление правительства РФ, и наш краевой закон стал ему противоречить. То есть были потрачены колоссальные усилия ради того, чтобы закон проработал всего несколько дней. В Совете Федерации таких проблем не возникает. Там можно регулировать практически все.

– Как вы в Москве устроились? Говорят, сенаторам дают шикарные квартиры.

– Устроился я прекрасно. Живу в гостинице «Россия», в так называемом депутатском номере. Если честно, бытовая сторона жизни у меня всегда была на втором плане, так что в этом смысле я человек непритязательный. Вообще дома я только сплю, потому что на работу ухожу к девяти утра, а возвращаюсь уже в десятом часу вечера.

ЕСЛИ НЕ Я, ТО КТО ЖЕ?

– Почему вы решили заняться политикой, ведь вроде бы ваша научная карьера складывалась достаточно удачно?

– В своей жизни я занимался разными вещами, но получилось так, что весь мой предыдущий жизненный опыт сконцентрировался в политике. В конце восьмидесятых годов я пытался понять, что происходит со страной. Было видно, что ее круто разворачивают, хотя, ко-

нечно, я не думал, что ее развернут вообще на 180 градусов. Мне казалось, что я знаю ответы на многие вопросы, которые тогда задавали себе все мои думающие соотечественники. И я себе задал вопрос: если ты понимаешь, то почему не делаешь? Тем не менее толчок был извне. Ко мне подошли хорошие знакомые и предложили баллотироваться в депутаты. Когда я отказался, мне сказали: «Хорошо, тогда кто вместо тебя будет это делать?» И я пошел в политику, хотя и достаточно туманно представлял себе, что это такое. Когда я первый раз пришел в краевую администрацию, то даже не знал, с какой стороны дверь открывается.

– Многие люди убеждены, что в политику идут либо корыстолюбивые, либо психически больные люди. Ведь не каждый рискнет пойти на выборы, зная, что ему уготована изрядная порция грязи. Вы согласны с этим утверждением?

– Нет. В начале политической деятельности, когда про меня плохо говорили в СМИ, я дергался, пытался чего-то опровергнуть, но со временем я стал гораздо спокойнее относиться к этим вещам. Когда на меня льют грязь, я стараюсь относиться к этому равнодушно. Никакого мазохизма в этом нет. Не столь важно, как тебя оценивают другие, важно, как ты оцениваешь себя сам.

– Неужели вы такой толстокожий, что вас вообще ничего не задевает? Вы ведь подавали иски к некоторым изданиям, которые обвиняли вас чуть ли не в коррупции.

– Судился я всего два раза. Меня задевает наглая ложь, касающаяся моей репутации. За нее я готов дать бой любому.

– Правда и политика – это сочетаемые понятия?

– Это опять же вопрос репутации. У нас политическая культура не развита совершенно. Обратной связи с

избирателями практически нет. Но есть и другая сторона медали – безответственность самих избирателей. Избиратели ведь тоже не отвечают за выбранного ими человека. Именно поэтому во время выборов возникает такая игра: «Ты нам обещаешь, но мы тебе не верим, а так как вы мне не верите, то я могу обещать вам всякую чушь». К сожалению, это болезнь, которой надо переболеть.

СЫР НА ЗАВТРАК

– Депутаты у нас любят выступать как защитники интересов народа, в частности учителей. При этом свою немаленькую зарплату они в отличие педагогов получают в срок, и я что-то не слышал, чтобы кто-то от нее отказался. Вы не боитесь, что когда-нибудь голодные учителя лично у вас поинтересуются: «А что вы ели на завтрак?»

– Этот вопрос мне уже задавали на митинге рабочие «Сивинита». И я абсолютно честно им ответил, что пил чай и ел бутерброд с сыром. Выяснилось, что у человека, который задавал мне этот вопрос, было примерно то же меню. Чтобы снять всяческие разговоры о депутатских привилегиях, сразу скажу, что за время моей работы в Законодательном Собрании я не получал за депутатскую деятельность ни копейки. Работал на общественных началах.

– А на что вы жили?

– У меня есть центр стратегического проектирования, который достаточно успешно функционирует. При чем я не раздваивался. Мониторинг, анализ, прогнозы оченьгодились и в моей депутатской деятельности.

– Среди политиков существуют дружеские отношения?

– Существуют, если они не сталкиваются на одном поле.

– Говорят, в политике невозможно выжить без предательства. Лично вас часто предавали?

– О предательстве можно говорить, когда есть система договоренностей. Если кто-то их нарушает, то это предательство. Было такое – договариваешься с человеком: будем прикрывать спину друг друга, а оглядываешься – и никого нет вокруг. Да, меня предавали, но нечасто.

– И что вы делали с предателями? Физиономию били?

– Просто прекращал отношения. А что касается политики, просто брал себе на заметку и выстраивал отношения с этим человеком соответствующе.

СЕ ЧЕЛОВЕК

– В российской элите после знаменитого январского Госсовета все вдруг стали приверженцами здорового образа жизни. А вот вы, похоже, призыву не вняли – до сих пор дымите сигаретой, как паровоз. Может быть, все-таки стоит бросить курить?

– Я отрицательно отношусь ко всякого рода кампаниейшине. Культ здоровья – это вообще нечто западное. Лично мне кажется, что забота о своем здоровье – дело сугубо индивидуальное. Единственное, что я делаю, – стараюсь курить подальше от тех людей, которым это не нравится. Но бросить курить никогда в жизни даже не пытался – нет мотива. Я курю, чтобы снять стрессовые перегрузки, и в этом смысле для меня равноценного заменителя сигарете нет. И вообще трудно прогнозировать свое будущее. Вдруг брошу курить, а через два месяца загнусь от какого-нибудь инсульта.

– Но все же вы тоже не равнодушны к спорту. Я знаю, что вы занимаетесь горными лыжами. Кстати, вы случайно дзюдо не увлекаетесь?

– Ваш намек понял. Скажу сразу: горными лыжами я стал заниматься раньше президента. Кстати, я еще и теннисом занимаюсь, но без всякого влияния Ельцина.

– В свое время вы много времени уделяли театру. Это не наложило отпечаток на вашу политическую деятельность?

– Театром я занимался около семнадцати лет – с 1973 года. Я был режиссером народного театра в Новосибирске и в Красноярске.

– Вспоминается фильм «Берегись автомобиля»...

– Да, у меня был период в жизни, когда я хотел поставить «Гамлета». Мы даже полгода его репетировали, но я понял, что это слишком для нас сложно. Это не любительский уровень. Тем не менее мы рисковали и ставили, то что никто больше в России не ставил: Макс Фриш, Томас Стоппард, Кобо Абэ.

– В ЗС пригодились театральные навыки?

– Меня довольно часто обвиняют в том, что я якобы режиссировал сессиями ЗС. Этого, конечно, не было. Люди, обвиняющие меня в этом «преступлении», просто путают жанры. Да, я пользуюсь ораторскими приемами, но ведь это не театр!

НОВОЕ ЛИЦО ЭЛИТЫ

– Вячеслав Александрович, вы, в отличие от многих ваших соратников по блоку «Наши», достаточно осторожно оцениваете деятельность губернатора. Почему?

– Я симпатизирую Лебедю, как личности. Он достаточно разумен, раскрепощен, остроумен, но, к сожалению, то, что он должен делать как губернатор, он делает неумело и непрофессионально. Он за четыре года губер-

наторства не приобрел опыта управления территорией. И это плохо. Потому что это целая наука, которой наш губернатор, увы, не обучился. И весь сегодняшний кризис возник именно из-за этого.

– Вам не кажется, что красноярская элита застыла? Что-то новых лиц совсем не видно.

– Я с вами не согласен. Только заместителей Лебеда за последние годы мы увидели человек пятьдесят.

– Я имею в виду не заместителей...

– Все равно – не согласен. В Красноярске появился достаточно серьезный слой людей, которые начинают влиять и на краевую политику. Просто они пока не светятся. Но их время еще придет. Хотя я согласен – процесс ротации краевой элиты идет очень медленно, и это, в частности, видно и по последним выборам в ЗС. Новые имена появились, но их все-таки было очень мало.

– Недавно вы стали сенатором. Это ваш потолок? Или вы пойдете дальше?

– Сейчас я думаю в основном только о том, чтобы качественно исполнять свои обязанности в Совете Федерации. Что дальше? Об этом мы еще подумаем.

2002

Юрий Абакумов:

«ЗА НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ МНЕ НЕ СТЫДНО»

Законотворчество сродни искусству. Чтобы убедиться в справедливости этого сравнения, достаточно побывать на нескольких сессиях Законодательного Собрания, когда в зале заседаний бушуют шекспировские страсти, а депутаты поневоле превращаются в актеров. Краевой парламент, конечно, не драматический театр, но яркие личности востребованы и в коридорах власти. Юрий Абакумов, председатель постоянной комиссии по законности, правопорядку и защите прав граждан, по информационной политике ЗС, бесспорно, относится к их числу. Один из старожилов депутатского корпуса принадлежит к редкой нынче породе созидателей. Это и неудивительно: более 20 лет он проработал в строительной отрасли, 9 лет был первым заместителем председателя крайисполкома в эпоху, когда наш регион уверенно наращивал индустриальные мускулы, развивал социальную сферу...

ЭПОХА РЕЗУЛЬТАТА

– Вы работаете в краевой власти с 1983 года. Когда работа приносила вам наибольшее удовлетворение?

– У каждой эпохи есть свои плюсы и минусы. При Советской власти мне посчастливилось быть непосредственным участником серьезнейших проектов, которые во многом заложили основу экономической мощи края. В СССР мы были на особом счету. В планах социально-

экономического развития мы учитывались отдельной строкой, наряду с Москвой и Ленинградом. Авторитет у края был очень высок. Москва к нам прислушивалась, руководители края были своими людьми в высоких столичных кабинетах. Это была реальная работа с реальными результатами. То, чего так не хватает сегодня.

– А если говорить о минусах социалистической эпохи?

– Пожалуй, главный минус – неоправданный гигантизм. Например, в результате такого подхода появился алюминиевый завод, который резко увеличил нагрузку на экологию Красноярска. Затем было начато строительство экскаваторного завода, так и не оконченное до сих пор. Вероятно, в первоначальном проекте этот замысел неосуществим. В погоне за гигантизмом мы нередко проигрывали в качестве.

Но все-таки хорошего в те времена было больше. Мало кто помнит, что, например, именно тогда в краевом центре, наконец-то, появилось нормальное водоснабжение. Я уж не говорю о миллионах квадратных метрах жилья, которые мы вводили каждый год. Если бы такие темпы сохранились в девяностые годы, то к 2000 году жилищной проблемы в регионе уже не существовало бы. Мне за наше поколение не стыдно. Мы работали на совесть, и плоды нашего труда можно потрогать руками.

СУДЬБУ НЕ ОБМАНЕШЬ

– С исполнительной властью вы расстались в начале 90-х годов. Не вписались в рыночные времена?

– Так получилось, что власть не принесла мне каких-то особых лавров. Четыре раза меня представляли к наградам, но в итоге получил только один орден за работу на строительстве алюминиевого завода. И выговоры

по партийной линии, бывало, получал. Являюсь обладателем одной из самых высоких негативных «наград» того периода – строгий выговор комиссии партийного контроля при ЦК КПСС. Но относился и к наградам, и к неудачам философски. Как сказал поэт: «Хвалу и клевету приемли равнодушно». Да, вепревско-зубовской команде ко двору я не пришелся, но не особо переживал по этому поводу. Создал первое в крае совместное предприятие, несколько лет поработал директором в нескольких коммерческих структурах. Эпоха была очень противоречивая, но благодаря той работе я получил бесценный опыт, который позволил мне многое понять в рыночной экономике.

– Однако вы недолго шли по коммерческой стезе, вернувшись в 1994 году во власть.

– Организации, в которых я работал, были успешными, но уже года через четыре я понял, что быть коммерсантом – значит, изменять себе. Это не мой менталитет, не мое место. Я знал немало коммерсантов, которые имели бодрый вид, пока была возможность что-то отщипнуть от бюджета, и которые оказывались совершенно несостоятельными, когда приходилось полагаться только на свои силы. Я не хотел им уподобляться. И потому вполне естественно состоялось мое возвращение во власть. Депутатом я работаю уже одиннадцать лет и чувствую себя на своем месте.

– Вас долгое время считали политиком, близким к КПРФ, хотя всегда подчеркивали вашу независимость. А недавно вы вступили в депутатскую фракцию «Единой России», не являясь членом партии. Если не секрет – зачем?

– Объясняю. Какое-то время назад я задал себе вопрос: на кого я здесь работаю? Для чего я в ЗС вообще? Безусловно, я работаю на наше государство, на свой авто-

ритет, безусловно, мне эта работа нравится, но все-таки, в первую очередь, я нахожусь в краевом парламенте, чтобы помочь своим избирателям. А сделать это эффективно можно только при поддержке других депутатов. Сегодня фракция «Единой России» самая большая в краевом парламенте, и у нее есть реальные возможности влиять на ситуацию. Поэтому я туда и пошел. Но голову я всегда по совести и здравому смыслу вне зависимости от своей фракционности.

ОТ ФЕДИРКО ДО ХЛОПОНИНА

– Юрий Константинович, вы работали со всеми руководителями края, начиная с Федирко. Можете их сравнить?

– Сравнивать их некорректно. При Павле Стефановиче была совершенно другая система координат управления. Была партия. Для кого-то, возможно, она была препятствием в достижении личных корыстных целей, а для меня партия была системой сдержек и противовесов в развитии общества и экономики. Она была инструментом сбалансированности поведения каждого отдельного человека и интересов общества в целом. И Павел Стафанович Федирко был центром – координатором гигантской созидательной работы в крае. Проблемы у губернаторов, начиная с Зубова, были другого рода. Самая главная из них – нестабильность власти. Только-только Валерий Михайлович начал реально управлять краем, как ему пришлось отдать этот пост Лебедею. Александра Ивановича я уважал за неординарность. Как видите, у меня до сих пор его портрет висит в кабинете. Но у него была очень слабая и не слишком чистоплотная команда. Потому и запомнилось его губернаторство в основном негативными вещами.

– **А нынешняя команда вас удовлетворяет?**

– Если говорить в оценочных категориях, то деятельность администрации Хлопонина я в целом оцениваю позитивно. Особых стратегических промахов они не сделали, а тактические проколы бывают у всех. Мне импонирует их стремление свести к минимуму иждивенчество, которое, на мой взгляд, является одним из главных бичей нашего общества. Я считаю, что это правильно – человек должен рассчитывать прежде всего на собственные силы. Но при этом нельзя забывать и об обратной стороне медали – необходимо помочь каждому найти свое место в жизни. А вот с этим – проблемы.

– **Похоже, не случайно некоторые ваши коллеги называют вас сторонником Александра Геннадиевича...**

– Ни отрицать, ни подтверждать этого не буду. За глупости, которые, бывает, исходят из стана нынешней исполнительной власти, я никогда не голосую. Я не за Хлопонина персонально, а за сильную исполнительную власть. Нужно понять одну вещь: в условиях рыночной экономики искусство управления краем состоит в том, чтобы уметь воздействовать на то, что тебе не принадлежит. Ведь в собственности края почти ничего не осталось. Другими словами, создавать разумные и работающие правила игры. И на этой основе добиваться результатов.

ЗА СКОБКАМИ ВЛАСТИ

– **Когда я готовился к интервью, то столкнулся с неожиданной проблемой: почти ничего не нашел о вашей жизни за скобками власти...**

– Я в эти дела никого не пускаю. А что вас интересует?

– Особых тайн выпытывать не собираюсь. Знаю, например, что вы увлекаетесь горными лыжами. Путину подражаете?

– Причем тут Путин? На горных лыжах стою уже четвертый десяток лет. Более того, участвовал в строительстве всех канатных дорог в крае, а также трамплинов в Бобровом логу и на Каштаке. А еще люблю бадминтон и возглавляю краевую федерацию скалолазания.

– По-доброму вам завидую – немного ваших сверстников могут похвастаться столь активным образом жизни.

– Да какой там активный. Но, впрочем, и вправду грех жаловаться. Недавно побывал на десятке озер. С друзьями погонял на водном мотоцикле. Пижонское это занятие, но мне понравилось: свежий воздух, скорость огромная.

– Этот тонус у вас от родителей?

– Скорее, от друзей. Есть несколько близких мне по возрасту и менталитету людей, с которыми я дружу уже много лет. Они все подвижные, застольям предпочитают спорт. Вместе отдыхаем, ходим на Столбы. Хотя я и с молодежью люблю общаться. Чувствую себя с ними совершенно комфортно.

– Юрий Константинович, а за мемуары еще не принимались?

– Чтобы заняться мемуарами, нужно иметь к этому какую-то склонность, литературный талант, а этого я за собой не замечал. Если бы у меня были бы деньги, то мы с вами написали бы очень интересную книгу. И гарантирую, что она имела бы нормальный успех.

– Интересная идея!..

– Да, но ни денег, ни таланта у меня нет, поэтому идея отпадает сама собой. Я о другом жалею. В свое время упустил момент, когда надо было заняться наукой.

Виноват в этом Федирко, который запретил мне заниматься научной работой. Вот это самое серьезное упущение, и если бы я жизнь начинал заново, то обязательно бы этот пробел исправил.

– Что, кроме материальных вещей, вы хотели бы оставить своим детям в наследство?

– Я думаю, что хотел бы оставить о себе просто хорошую память. Потому что больших капиталов я никаких не оставляю, хотя они бы им и не помешали.

2005

Всеволод Севастьянов

ОТОБРАТЬ И ПОДЕЛИТЬ?

Одним из главных итогов минувшего десятилетия стал глобальный передел собственности. Красноярский край также не миновал этот болезненный процесс. Достаточно вспомнить кровавые «алюминиевые войны», скандалы, связанные с приватизацией «Норильского никеля» и ряда других ключевых предприятий нашего региона. Председатель комиссии по собственности и другим вопросам экономической политики Законодательного Собрания края Всеволод Севастьянов был в гуще этих событий и знает о них не понаслышке.

– Еще в начале девяностых годов депутаты краевого Совета почувствовали, куда дует ветер перестройки. Мы поставили себе задачу – «выдернуть» в краевую собственность все, что можно. Тогда 90% предприятий на территории края были союзными, 7% - республиканскими и только 3% собственности принадлежало краю. Мы оперативно приняли законы и постановления, касающиеся перехода собственности из федеральной в краевую. Удалось оставить в регионе предприятия, связанные с производством хлеба и горюче-смазочных материалов, а также ряд ключевых транспортных структур, в частности «КрасЭйр». Всего в крае сейчас 170 государственных предприятий и около 70 акционерных обществ, где мы имеем пакеты акций.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ

– Тем не менее ряд стратегически важных предприятий край потерял. Были ли шансы их отстоять?

– Когда в стране началась масштабная приватизация, мы предостерегали акционирующиеся коллективы от спешки. Тогда был популярен так называемый второй вариант приватизации. По нему 51% акций отдавались коллективу, 20% – оставались государству, а 29% – продавались. Многие, полагая, что становятся полноценными хозяевами, «клюнули» на этот вариант. Но поскольку механизма управления корпоративной собственностью не было, работники предприятий просто-напросто продали свои акции. Наиболее яркий пример – КрАЗ, когда акции рабочих оказались в руках предприимчивых дельцов, которые с помощью хитрого маневра с «разменом» акций сумели прибрать к рукам и государственный пакет. Счетная палата РФ проверяла эту комбинацию и признала ее незаконной.

– Как получилось, что краевые власти потеряли возможность влиять на политику «Красэнерго»?

– К сожалению, из-за беспардонной политики РАО ЕЭС и при попустительстве федерального правительства энергетика от нас «уплыла». Мы не оставляем надежды вернуть в краевую собственность 25% акций. Мне кажется, в этом вопросе край найдет поддержку у президента.

– А что нам дадут эти 25%? Ведь контрольный пакет акций все равно останется у РАО ЕЭС.

– Сегодня «Красэнерго» – абсолютно «непрозрачная» структура. Благодаря нашим представителям в совете директоров мы будем хотя бы знать, что там происходит.

БИТВА ЗА «КРАСЦВЕТМЕТ»

– В свое время вы активно сражались за то, чтобы «Красцветмет» остался в краевой собственности, но эта борьба закончилась поражением. Почему?

– Нужно пересмотреть итоги приватизации РАО «Норильский никель», которая была проведена с серьезнейшими нарушениями. В частности, по закону аффинажный завод должен был остаться государственным унитарным предприятием. Однако Ельцин своим указом включил завод в состав концерна. Краевые власти пытались бороться против этого решения. Зубов даже встречался с Ельциным. И президент встал на нашу сторону.

– Но тем не менее «Красцветмет» вошел в состав концерна...

– Не все в России решает Президент. На Зубова надавили по принципу: ты за красных или за белых? В результате завод ушел в РАО. И это неправильно. «Красцветмет» – сейчас единственный рычаг нашего влияния на «Норильский никель». Не забывайте, что завод вновь оказался в краевой собственности лишь потому, что РАО компенсировало им свои долги бюджету. Если мы добьемся деприватизации завода, этот долг (больше миллиарда рублей) вновь повиснет на «Норильском никеле». Для краевых властей это хорошая база для переговоров с норильчанами.

СЕМЬ ПЕРЕДЕЛОВ

– Вы верите в возможность пересмотра итогов приватизации?

– Деприватизация в России может начаться в любой момент. Государство может опротестовать целый ряд сделок, в частности результаты залоговых аукцио-

нов. Путин считает, что сейчас этого делать не следует, ибо передел собственности в пользу государства приведет к политическому и социальному взрыву.

Сегодняшним владельцам предприятий деприватизация принесет огромные убытки, которые придется покрывать государству. Очевидно также, что многие владельцы не захотят добровольно расстаться с собственностью. Когда государство обретет былую мощь, оно обязательно укрепит свои позиции в экономике. В том числе и с помощью силовых методов.

– Когда страну перестанут сотрясать войны за собственность?

– Мировой опыт показывает, что нужно пройти семь переделов собственности, пока наступит относительная стабилизация. Многие предприятия, находящиеся сейчас в кризисе, будут еще долго выходить из него путем смены собственников.

ДЕФИЦИТ ПРОФЕССИОНАЛОВ

– Существует ли в Красноярском крае ясная стратегия по управлению государственной собственностью?

– Определенного плана пока не существует. Очевидно, что в стратегических отраслях должно сохраниться государственное влияние. Ведь речь идет об экономической безопасности края. Отдельный вопрос – наше участие в акционерных обществах, где мы имеем пакеты акций. Представители краевой власти, входящие в советы директоров АО, зачастую не могли отстаивать интересы региона. Теперь депутаты контролируют подбор кандидатур. Случайных людей в АО мы не пустим.

– А исполнительная власть согласна с таким подходом?

– В администрации края мало профессионалов, способных управлять госсобственностью. Наглядная иллюстрация – недавний отчет Селивановой перед депутатами ЗС. К сожалению, в администрации преобладают батальные настроения. Но зачастую победы власти оказываются пирровыми.

ПРОПISKA ДЛЯ КАПИТАЛА

– **Может быть, проблема в том, что краем управляют «чужаки»?**

– В ноябре 1999 года Лебедь попросил меня найти в крае профессионалов, способных управлять промышленностью. Мы рассмотрели около двадцати кандидатур. Выяснилось, что все стоящие люди уже при деле, и работа в администрации их не прельщает.

– **Правда ли, что все значимые предприятия в крае уже находятся в руках москвичей?**

– За годы приватизации мы потеряли немало. Чтобы капитал сменил московскую прописку и переехал в Красноярск, нужно создать ему комфортные условия. Административных рычагов недостаточно, нужны экономические методы.

2001

ЛЕБЕДЬ МИНУС ЕГО КОМАНДА

Они надеялись, что Красноярск станет промежуточным причалом, на котором белый пароход по имени «Лебедь» задержится максимум на два года, после чего прямым ходом отбудет по направлению к белокаменной. Не получилось. Иллюзий больше нет. Кто хочет, может посочувствовать разношерстной команде красноярского губернатора, собранной Александром Ивановичем из разных городов и весей не только России, но и ряда сопредельных государств. Однако коренных красноярцев гораздо больше интересуют возможные действия членов этой команды, предпринимаемые ими в условиях, когда великая цель утрачена, а будущее темно и непонятно.

Команда, конечно, слишком громкое слово для конгломерата кланов, каждый из которых за время лебедевского губернаторства вел самостоятельную политику и отстаивал свои интересы. Клань эти делятся как по географической принадлежности, так и по связям с различными московскими (и не только) финансово-промышленными группировками. Причем второе, как правило, существеннее землячества. Есть также довольно большая группа партийцев (Захаров, Нельзин, Шведов), которые с незапамятных времен служат Лебедю верой и правдой – причем не ради возможных благ, а потому что до сих пор искренне верят в торжество «лебедизма».

Каждый из представителей этих кланов по-разному воспринял «новогодний подарок» Ельцина, после которого стало ясно, что «папе» (так в узком кругу приближенные называют Александра Ивановича) придется забыть о своих президентских амбициях как минимум на четыре года.

ВАРИАНТЫ РАЗРЫВА

Пора возразить многочисленным критикам кадровой политики губернатора. Лебеда обвиняли и в отсутствии таковой, и в «византийщине» (постоянная чехарда среди заместителей), и в пренебрежении выдвиженцами из местной элиты. Со стороны эти упреки верны. Но при этом совершенно не учитывались собственные политические планы Александра Лебеда. А они были предельно конкретны: стать в 2000 году президентом РФ. В контексте этой великой цели становится понятным «долгожительство» ключевых заместителей губернатора Шалвы Бреуса и Святослава Петрушко. С их помощью Лебедь выстраивал отношения со своими возможными спонсорами несостоявшейся предвыборной кампании: через Бреуса – с РАО «Норильский никель», через Петрушко – с «Российским кредитом», банком «Авангард» и рядом других московских финансовых структур. Предсказать судьбу Бреуса и Петрушко в принципиально изменившейся обстановке вокруг Лебеда достаточно легко. Скорее всего они не захотят бессрочно сидеть в Красноярске. С учетом их наработанных связей в Москве и в местной деловой элите заменить их Лебедю будет непросто.

Легче всего перевод Лебеда из статуса «кандидат в президенты» в «просто губернатор» восприняли его заместители, представляющие местную элиту (Васильев, Кольба, Овчинников). Наедине с собой они, наверняка, тоже мечтали о московских должностях, но в то же время мыслили прагматично, на перспективу. Для них разрыв с Лебедевым не станет личной трагедией, так как управленцы такого класса всегда будут востребованы. Некоторых заместителей-красноярцев, кстати, упорно сватают в кандидаты на место, которое сейчас занимает Петр Пимашков.

Еще один возможный сценарий: в связи с созданием суперхолдинга «Русский алюминий» некоторые из заместителей переметнутся в лагерь новоявленных хозяев ключевых предприятий края (Абрамовича – Дерипаски). Не исключен и другой вариант: в «сером доме» появятся представители олигархов.

ПАРТИЙНЫЙ РАСКОЛ

Больше всех отказу Лебеда участвовать в битве за президентский престол огорчились партийцы из РНРП и «Чести и Родины». Эти структуры, неплохо проявившие себя весной 1998 года, сразу же после победы Лебеда на губернаторских выборах начали готовиться к новой кампании. В закрытых партийных документах были четко расписаны график подготовки к президентским выборам, структура предвыборного штаба и даже конкретные исполнители тех или иных задач. В это же время в околопартийных структурах наметился раскол, катализатором которого стали два фактора: создание Николаем Вернером ОМД «Лебедь» и начавшаяся война с Быковым.

В конце декабря 1998 года нарыв прорвался: пробыковская часть во главе с лидером Красноярского отделения РНРП Виктором Зубаревым покинула Лебеда, а на первые роли в партийных структурах выдвинулся приднестровский соратник Вернер. Его молодежное движение, не церемонясь, стало стягивать на себя одеяло лебедевского авторитета. РНРП и «ЧиР» оказались на обочине. При этом, если ОМД «Лебедь» на глазах превращалось в некое коммерческое шоу-предприятие с политической подкладкой, в старых партийных структурах по-прежнему вели идеологическую работу, готовясь к выборам в Госдуму. Решение Лебеда в них не участво-

вать стало первым ударом по планам старых партийцев. На губернатора многие даже обиделись – ведь так хотелось попасть в парламент! Тем более, что у лебедевцев был шанс преодолеть пятипроцентный рубеж.

Оставалась последняя надежда – президентские выборы, но тут идеологические соратники Лебеда получили второй мощный удар, на этот раз от Ельцина, который своей предновогодней отставкой поставил крест на перспективах какого-либо партийного строительства – ибо любая политическая партия жива, пока участвует в выборах.

Достоверно известно, что в первых числах января губернатор, вместо того чтобы отмечать новогодние праздники, два дня со своими самыми приближенными сподвижниками совещался о том, какую линию поведения избрать в новой политической ситуации. Решение Лебеда («Я не намерен участвовать во всей этой каше») журналисты услышали 4 января на новогоднем приеме в губернаторском клубе, и оно было знаковым.

Люди, вышедшие из партийных структур и работающие сейчас у Лебеда на административных должностях (или в Законодательном Собрании края, как, например, Олег Нельзин), до сих пор остаются самыми преданными сторонниками губернатора. Они соизмеряют свои личные амбиции и устремления с планами патрона. Но, похоже, некоторые из этой группировки продолжают тешить себя иллюзиями о федеральных перспективах Лебеда, надеясь на какое-то чудо, вроде похищения Путина инопланетянами.

НИТКА ЗА ИГОЛКОЙ

В команде Лебеда есть еще одна группа людей, чья карьера целиком и полностью зависит от Александра

Ивановича. Это «варяги», обязанные ему своими должностями и чиновничьим ростом и тянущиеся за Лебедем подобно ниточке за иголкой. К этой группе можно отнести и приднестровцев, и сторонников генерала из некоторых других регионов страны, многие из которых у себя на родине были безработными, мелкими торговцами или отставниками. Для них Сибирь стала трамплином как в политическом, так и в экономическом отношении. Эти люди сейчас пользуются моментом, стараясь сколотить капитал (не только финансовый) на черный день, который для них неизбежно наступит, если Лебедь уйдет из большой политики. Многие из этих пришлых людей помимо политико-коммерческих проектов занимаются, во многом от скуки, и плетением интриг в коридорах власти.

В создавшихся условиях Лебедю будет непросто обновлять свою команду. Раньше в нее стремились попасть, потому что в коридорах «серого дома» чувствовался запах большой власти. Сейчас же, войдя в лебедевскую команду, уважающие себя управленцы вынуждены скрупулезно взвешивать все «за» и «против» изменившейся политической конъюнктуры. Край вступает в новую политическую эпоху, требующую делать ставки на новые команды и новых игроков.

2000

НИКОЛАЙ ВЕРНЕР

Летним утром 1998 года в аэропорту «Емельяново» приземлился самолет. По трапу спустился молодой человек лет тридцати. За ним следовали крепкие телохранители, чьи загорелые лица выдавали их южное происхождение. Так началась красноярская эпопея Николая Васильевича Вернера – одного из ближайших соратников губернатора Александра Лебеда, личности почти мифологической, о которой сняты фильмы, написаны десятки статей, высказаны сотни противоречивых суждений.

В то первое лето никто из красноярцев еще не подозревал, какого удивительного человека принесла судьба-злодейка на берега Енисея. Да и наш герой вел себя на первых порах осмотрительно, без лишнего шума. Для начала внимательно изучил диковинное место, которое раньше видел только на географических картах, а также аборигенов, населяющих его. Затем предприимчивый ум, полный блестящих идей, родил хитроумный план, который должен был вознести его на вершины славы.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Этот план Вернер озвучил на съезде своих соратников из «Чести и Родины» и РНРП, состоявшемся в июле того же года. Суть идеи была такова: наш лидер через два года должен стать президентом, нужно расширить электоральную базу, один из способов – создать молодежное движение. Идея была одобрена сверху, и работа закипела.

В таком тонком деле, как партстроительство, Вернер показал себя незаурядным организатором. Николай

Васильевич не стал брать пример с сибиряков, которые бы полгода чесали затылки, а следующие полгода обсуждали дальнейшие планы. Н. В. сразу взял быка за рога. В рекордно короткие сроки было создано «Общественное молодежное движение «Лебедь», вскоре прозванное остряками «лебедьюендом».

Основу молодежного движения составили функционеры из расформированного при новом губернаторе краевого комитета по делам молодежи, а также старые соратники Вернера по Приднестровью. Штаб-квартира располагалась на пятом этаже гостиницы «Турист», где уже в конце сентября прошел учредительный съезд ОМД «Лебедь». При движении был создан благотворительный фонд, который возглавила супруга губернатора Инна Лебедь.

Вскоре наступило время публичных акций. Первая же из них с раздачей презервативов на концерте популярной группы «Руки вверх!» закончилась конфузом. Часть презервативов оказались дырявыми. Воистину это был знак свыше...

В декабре 1998 года грянула война между губернатором Лебедем и тогда еще председателем совета директоров КрАЗа Анатолием Быковым. Анатолий Петрович стал первым, кто с трибуны Законодательного Собрания края поведал, что в Красноярске завелась «нечистая сила с тремя фамилиями»: Новиков-Азимов-Вернер. (Путаница с фамилиями возникла по семейным обстоятельствам. Вернер – фамилия отца, Новиков – отчима. Были в роде Н. В. и Азимовы. В частности, знаменитый писатель Айзек Азимов приходится нашему герою двоюродным дедом.) Историческое событие произошло 21 декабря. Именно тогда началось создание легенды «О великом и ужасном аферисте из Приднестровья». Клянувшие на наживку журналисты начали жадно копать в его прошлом. Заглянем туда и мы.

АКУШЕР И ТОРГОВЕЦ МОРОЖЕНЫМ

Родился Вернер в Молдавии. Детство и юность провел в Ялте. У него две сестры и два брата. Об успехах юного Коли в учебе история умалчивает, но известно, что в те годы он больше всего любил музицировать и заниматься спортом. Стал перворазрядником по плаванию и кандидатом в мастера спорта по боксу. В 1989 году в возрасте двадцати одного года Вернер вслед за родителями эмигрировал сначала в Израиль (по матери он еврей), а затем в США. До этого он успел отслужить в Казахстане в Военно-воздушных силах и получить среднее медицинское образование. В кругу друзей Вернер любит вспоминать романтический период работы на «скорой помощи». Восемь раз ему пришлось принимать роды. Однажды Вернер успешно принял двойню.

В Америке Вернер получил высшее медицинское образование, но эскулапом не стал. Наступившие на родине новые интересные времена в 1992 году подвигли ностальгирующего Н. В. вернуться домой. А именно – в Приднестровье. Здесь Н. В. занялся бизнесом. Начал с торговли мороженым. Киоски Вернера постепенно заполнили все правобережье Днестра. Но тут началась война между Кишиневом и Тирасполем (Молдавия хотела поглотить Приднестровье и вместе с ним войти в состав Румынии). И Вернер познакомился с боевым генералом Александром Лебедем.

Как именно произошла знаменательная встреча командующего 14-й армией с простым торговцем мороженым (впрочем, в то время он уже торговал и другими товарами), неизвестно. Злые языки утверждают, что все началось с вагона апельсинов, который Н. В. с выгодой для себя под Новый год продал защитникам Приднестровья. Именно тогда, воспылав горячей любовью к бра-

вому генералу, Н. В. начал устраивать публичные акции в его поддержку.

В ЗАСТЕНКАХ КГБ

Вскоре Лебедь покинул армию ради политики. Для Вернера начались черные времена. По версии Н. В., ему не простили дружбы с Лебедем, который успел перессориться со всей верхушкой Приднестровской республики. В 1995 году могущественные враги Лебеда натравили на Вернера спецслужбы. Н. В. пришлось провести 12 дней в застенках КГБ. Там, по леденящим душу рассказам Вернера, от него требовали признания в даче взятки Лебедю в виде двух автомобилей «Волга». Разве что иголки под ногти не загоняли. Вернер не сломался и генерала, который в то время штурмовал Госдуму, не сдал.

Верность Лебедю обернулась потерей бизнеса в Приднестровье. Другие источники утверждают, что проблемы начались из-за того, что Н. В. задолжал своим партнерам крупную сумму. Так или иначе, преданность Вернера была оценена по достоинству. И с 1996 года, оставив коммерцию, Н. В. находится в ближайшем окружении Лебеда.

ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ

В 1999 году к Вернеру пришла популярность. Он становится заместителем губернатора сначала по социальной сфере, затем – по оперативной работе. Н. В. все глубже проникает в экономику края. Его имя все чаще мелькает в советах директоров крупных предприятий. В резиденции Вернера толкуются банкиры, директора заводов, начальники важных государственных фондов, руководители телеканалов...

ОМД «Лебедь» открывает компьютерные классы, дарит автомобили детским домам, устраивает благотворительные шоу. Последние проходят с куда большей помпой, нежели аналогичные мероприятия благотворительного фонда «Вера. Надежда. Любовь» (конкурирующая организация из лагеря Быкова).

Тем временем у Вернера все явственней проявляются симптомы «звездной болезни». Он становится подозрительным. Не доверяет никому, кроме двух-трех человек из самого ближайшего окружения, которые обязаны ему всем. Свалившуюся вдруг необъятную власть Вернер ревностно оберегает от конкурентов. Любой человек, ставший, по мнению Вернера, слишком близким к Лебедю, становится его личным врагом. Н. В. делает все, чтобы «выдавить» этих людей из окружения губернатора.

Увы, настигшая, наконец Вернера публичная слава оказалась не такой, о какой некогда мечтал честолюбивый приднестровский мальчик. «Отсталые» сибиряки не оценили его эффектных фраз («Я – ангел»), распальцовки на Дне Победы, веселой стрельбы с товарищами в Комарово. Участие Вернера в первомайской забаве доказано не было, но это уже не волновало его врагов... Получив команду, одна из красноярских телекомпаний устроила самую настоящую охоту за Вернером. Результатом охоты стал невиданный по своим масштабам миф о злодее. Н. В. разве что агентом ЦРУ не называли.

С тех пор все, что делает Вернер (открытие губернаторского клуба, превращение запущенного здания КТЗ в оборудованную по европейским стандартам дискотеку «Планета Красноярск»), подается под негативным соусом. Фантазеры утверждают даже, что он внебрачный сын губернатора. Невинная любовь Вернера к ударным инструментам, за которые он садится, когда немного примет на грудь (справедливости ради надо сказать, что

Вернер пьет мало и совершенно не курит), становится поводом для ядовитых насмешек. Соратники Лебеда из «Чести и Родины» вынуждены просить губернатора убирать «зловещего» зама из края.

Требуют Вернера к себе на ковер для отчета и депутаты Законодательного Собрания края. Тема отчета кажется всем, кто знает героя, забавной: доярки не могут работать, так как летние дойки сломаны похитителями цветного лома, и депутаты хотят узнать, как Н. В. намерен оперативно помочь дояркам. Ссылаясь на проблемы со здоровьем (кстати, реальные), Н. В. игнорирует приглашения.

С весны текущего года Вернер исчезает с публичных подмостков. ОМД «Лебедь» законсервировано, его ключевые персонажи переведены на интересные должности в краевую администрацию. Сам Вернер, по слухам, переживает сердечную драму (супруга Вернера с двумя сыновьями живет в Берлине, а Н. В. неоднократно появлялся на публике с дочерью одного из богатейших людей Красноярска, депутата Госдумы от Эвенкии Геннадия Дружинина). Враги в очередной раз предрекают Н. В. неминуемую отставку. Не изменяя своей привычке пережидать смутные времена за кордоном, Вернер вновь исчезает из края.

БЕНДЕР И БЕГЕМОТ

Незаурядная личность вызывает множество ассоциаций с литературными героями. Кое-кто увидел в Вернере Шарикова и снял по мотивам «Собачьего сердца» фильм. Сравнить Вернера лучше с Бендером (даже фамилии созвучны). Подобно охотнику за стульями, вернее, за бриллиантами, природа наделила Вернера редким умением вытягивать из людей деньги. На этот счет ходит много легенд. Особенно популярна – о потомках

Пушкина и «Кока-Коле». Накануне 200-летнего юбилея великого поэта, гласит молва, Лебедь вызвал к себе Н. В. и сказал: «На празднике должны быть потомки Пушкина». Узнав, сколько это будет стоить, зам. по социальным вопросам Надежда Кольба сказала: «Если деньги будут взяты из бюджета, я подаю в отставку». Зачем из бюджета, удивился Н. В., поехал на «Кока-Колу» и без обиняков попросил 10 тысяч долларов. Руководители «Кока-Колы», мягко говоря, удивились столь странной просьбе и, говорят, даже спросили Вернера: «Вам доктор не нужен?» – «Нет. А сценариста хорошего поищите. Мы снимем фильм о пребывании потомков Пушкина в Красноярске. Покажем ленту в Европе, и весь цивилизованный мир узнает, что во глубине сибирских руд процветает завод «Кока-Кола». Говорят, по такому же сценарию проходила «работа» и с рядом других предприятий. Кстати, потомки Пушкина в Красноярск все же приехали, и фильм был снят.

Напрашивается сравнение Вернера и с сибаритствующим Бегемотом из знаменитого романа Михаила Булгакова. То же одиночество при неистребимой страсти к приключениям. То же умение снова и снова воскресать из пепла... Пожалуй, даже Лебедь не знает, когда будет спета лебединая песня Вернера.

2000

ЭРА ЛЮДМИЛЫ

В мае прошлого года никто не предполагал, что очередной заместитель губернатора Красноярского края Людмила Селиванова сделает столь головокружительную карьеру. Калейдоскопическая смена вице-губернаторов приучила не придавать большого значения появ-

лению в коридорах краевой власти нового – пусть даже миловидного женского – лица. Недооценивали Селиванову зря: всего через полгода она стала самым влиятельным человеком в окружении Александра Лебеда.

Причины стремительного взлета остаются загадкой даже для ближайших сподвижников губернатора. У Лебеда всегда были любимчики. Но ни одному из них не удавалось сосредоточить столько властных полномочий в одних руках. До недавнего времени в команде Александра Ивановича соблюдался баланс: тех, кто пытался вырваться вперед, придерживали. Но Селиванова быстро поломала привычный сценарий.

ВЕРНЕР, БЕРЕЗОВСКИЙ И ДРУГИЕ

По количеству слухов, которые в последнее время ходят вокруг Селивановой, она стремительно приближается к еще одному знаменитому персонажу красноярского политического фольклора – Николаю Вернеру. Кстати, именно Вернера некоторые аналитики считают человеком, который поспособствовал приходу Селивановой в Красноярский край. Косвенно это подтверждается тем, что уже через несколько недель Людмила Васильевна назначила своим заместителем в краевом управлении по телерадиовещанию, печати и информации Евгения Цветкова, который до этого был начальником информационно-аналитического управления известного вернеровского детища – ОМД «Лебедь». Такие назначения случайными не бывают.

Возможно, за Селивановой стоят фигуры более крупного калибра. Это могут быть федеральные телемагнаты: Сагалаев, Шабдурасулов, Лысенко. На различных центральных телеканалах Селиванова отработала 14 лет. В этом контексте появление фамилии Бориса

Березовского рядом с Селивановой не случайно. Как известно, до приглашения Лебеда Людмила Васильевна работала заместителем генерального директора телекомпании TV-6, которую до недавнего времени контролировал опальный ныне олигарх. Не исключено, что Селиванова является своеобразной связной между красноярским губернатором и Березовским.

Швейцария считается излюбленным местом деловых встреч Бориса Абрамовича. Именно оттуда недавно вернулась Людмила Васильевна. Возможно, кроме катаний на лыжах ничем больше в Швейцарии Селиванова не занималась. Тем не менее последние антипутинские заявления Березовского и удивившая многих резкая критика в адрес новой версии Совета Федерации из уст красноярского губернатора прозвучали удивительно в унисон. Напомним, новых членов СФ Лебедь назвал «сбродом, получивших теплые места сенаторов явно не за заслуги перед Россией». Внушительный камень в огород президента РФ, который затеял реформу СФ, а перед этим отправил в ссылку БАБа.

По другим сведениям, Селиванову связывают родственные связи с газовым королем России Ремом Вяхиревым. Говорят, ее муж Сергей (одно время, кстати, тоже работающий в телевизионном бизнесе) приходится Вяхиреву племянником.

Куда значимей, впрочем, выглядят контакты Людмилы Васильевны с командирами цветной металлургии («Русским алюминием» и «Норильским никелем»). О наличии тесных связей в алюминиево-никелевых кругах свидетельствует назначение Селивановой ответственной за это направление в краевой администрации.

Назначение, изумившее многих (ранее Л. В. занималась экономикой только в сфере масс-медиа), стало переломным этапом как для Селивановой, так и для

многих ее коллег – замов губернатора. В «сером доме» наступила эра Людмилы. Для того, чтобы взойти на трон, Л. В. потребовалось всего три месяца. Рассказывают, во время отсутствия Лебеда она проводит совещания, сидя в губернаторском кресле.

ПОБЕДЫ...

Связи связями, но вряд ли бы без головы на плечах, сильного характера и пассионарных амбиций Селиванова смогла бы такими циклопическими шагами продвигаться по административной лестнице. Желание заставить мир говорить о себе обнаружилось у юной Людочки рано. Вскоре после школы она покинула родной Красноярск, чтобы покорить белокаменную. В столице Л.В. сначала закончила экономический факультет Московского пищевого института, а в 1996 году получила второе высшее образование на журфаке МГУ.

Провинциалке удалось почти невозможное: в 29 лет (в 1987 г.) она возглавила съемочную группу программы «Взгляд», самой популярной тогда в СССР телепередачи. Москва дает амбициозным людям хорошую школу, особенно в таком элитарном виде «спорта», как «расталкивание локтями конкурентов». Людмила Васильевна всегда училась на «отлично».

Московская закалка пригодилась и в Красноярске. Правда, следует отметить, что и обстоятельства работали на Селиванову. 2000 год стал для Лебеда периодом «смены вех». Ситуация, в которой Александру Ивановичу пришлось приглушить свои президентские устремления, требовала новых людей. Из администрации уходят «экономические» замы Петрушко и Бреус, исчезают претендовавшие на роль «серых кардиналов» Вернер и Гаврина. Еще один заместитель Лебеда, руководитель

аппарата губернатора Александр Филюрский, до последнего пытался противостоять агрессивному напору исполняющей обязанности первого заместителя, но и недавно он был вынужден был подать в отставку.

Площадка для безразмерных аппетитов Л. В. расчищена. В краевой администрации она курирует практически все стратегические участки. За исключением лишь социальной сферы, которую опекает еще одна «железная леди» Красноярья Надежда Кольба. Говорят, две самые влиятельные дамы Красноярского края друг друга недолюбливают, но в открытый конфликт эта неприязнь пока не вылилась.

...И ПОРАЖЕНИЯ

Справедливости ради заметим, что путь Селивановой по красноярской политической сцене усеян не только розами. Приходилось наступать и на шипы. Самые обидные неудачи поджидали ее в родной сфере – масс-медиа. Попытка создать на базе управления по печати, телерадиовещанию и информации «суперминистерство пропаганды» не удалась: депутаты решили не давать исполнительной власти инструмент, который можно было бы использовать против них (недавние нападки на ЗС со стороны Струганова показали, что опасения парламентариев имели под собой почву).

Достаточно сомнительной выглядит и желание администрации края с помощью прокуратуры перевести «Красноярский рабочий» из статуса частной газеты – в официальный печатный орган краевой власти. «Красраб» никогда в оппозиционерах не ходил, но, если прижать хвост даже самой добродушной кошке, она начнет отгрызаться. Что в итоге и вышло.

Несмотря на широко разрекламированные проекты с Шарাপовой, не удалось Селивановой переломить ситу-

ацию и в построении позитивного имиджа Лебеда и его администрации в местных СМИ. Лояльные журналисты, как и прежде, власть хвалят, а оппозиционные ругают.

Достается от своих бывших коллег и самой Селивановой. Вице-губернаторшу уже называли заказчицей «Часа Быка». Ее имя начинает мелькать даже в бульварных московских газетенках. Вряд ли такая сомнительная слава доставляет приятные минуты – известно, что к критике Л. В. относится крайне болезненно.

Не любят Селиванову и в коренной красноярской элите. Даже ее частые ссылки на свое босоное детство в Покровке не помогают. Матерые сибирские хозяйственники, прошедшие огонь, воду и медные трубы управленческой работы еще при легендарном Федирко, считают Селиванову выскочкой, попавшей волею капризной Фортуны не на свое место.

ЛЕБЕДЬ В ЗАЛОЖНИКАХ?

Возвышение Селивановой во многом объясняется ее особыми отношениями с губернатором. В ее лице Лебедь наконец нашел своего гражданского начальника штаба. Еще во время службы в армии Лебедь любил оставлять начштаба оперативные вопросы, предпочитая заниматься стратегией. Раньше человека, способного взять на себя всю рутинную работу по управлению краем, у губернатора не было. Каждый из замов варился в собственном котле, и даже первые вице-губернаторы курировали лишь отдельные блоки.

Трудно сказать, какими выдающимися деловыми качествами Селиванова убедила Лебеда в своей незаменимости и универсальности. Но многие даже из окружения генерал-губернатора считают, что Александр Иванович сильно рискует, позволяя своей напористой

«замше» подминать под себя все и вся. В конце концов сам губернатор может оказаться заложником Селивановой.

Как и два с половиной года назад, проблема состоит в отсутствии четкой системы управления краем. Правда, администрация пообещала такую схему, наконец, представить. Но насколько она будет реальной – большой вопрос. Все одеяло краевой власти Л. В. стянула на себя и делиться своими полномочиями явно не собирается. Это вызывает раздражение у многих высокопоставленных чиновников, которые не желают подчиняться «начальнику в юбке». Да и атрибуты «верховой власти», в частности личные телохранители, которыми окружила себя в последнее время Селиванова, режут глаз.

В крае Селиванова уже достигла своей вершины. Выше ее – только Лебедь. Но власть сродни наркомании: сколько ею «ни колись», всегда будет мало. Вице-губернаторша вряд ли остановится на достигнутых рубежах и, наверняка, попробует себя в новых проектах и интригах. Вот только в каких? Это пока остается загадкой – как и пределы благосклонности Александра Ивановича к своей фаворитке.

2001

Людмила Селиванова:

«Я ИЗ ДРУГОГО МИРА»

Исполняющая обязанности первого заместителя губернатора Красноярского края Людмила СЕЛИВАНОВА не нуждается в представлении. За короткое время она стала одним из самых популярных персонажей политической и светской хроники региона. С ее именем связывают крушения карьер чиновников, информационные войны, политические интриги. Иногда кажется, что речь идет не о высокопоставленном чиновнике регионального уровня, а о современном варианте Марии Медичи.

– Вам не кажется, что оппозиция делает из вас «Вернера в юбке»? В ее глазах вы, Людмила Васильевна, чуть ли не сродоточие мирового зла.

– Сравнение с Вернером меня корбит. Я никогда не стреляла по красному флагу, не растопыривала пальцы, не оскорбляла журналистов. Но согласна – сейчас ведется целенаправленная кампания по моей дискредитации. Многие почувствовали: в регионе появился очень целеустремленный, стремительно идущий вперед, принимающий ответственные решения человек. Это нравится не всем.

– Собираетесь ли вы предпринимать ответные действия?

– Кампания рассчитана на то, что я морально надломлюсь и потеряю работоспособность. Не выйдет! Я человек из другого мира. Ни в какой травле никогда не участвовала. И объектом травли тоже никогда не была. Все происходящее вокруг меня удивительно, но я сильная и сохраняю хладнокровие. Надеюсь, когда-нибудь это кликушество закончится.

ЧАШЕЧКА КОФЕ

– И все же... Правда ли, что заместителем Лебеда вы стали с помощью Вернера?

– С Лебедем я познакомилась в 1998 году на фестивале ТВ-6 в Красноярске. Зимой прошлого года у меня в Москве состоялось мимолетное знакомство с Николаем Вернером. До этого я даже и не слышала о нем. Он лоббировал один проект через ТВ-6, где я работала заместителем генерального директора. Проект был связан с Красноярском.

8 марта я прилетела в Красноярск навестить тяжелоболющего отца. В этот же день позвонила Вернеру, предложила обсудить его проект. Мы встретились на матче «Енисей» с «Водником». На стадионе присутствовал также Александр Иванович. После матча он пригласил меня на чашечку кофе. «Чашечка кофе» продолжалась несколько часов. Передо мной оказался сильный человек и мощный губернатор. Я откровенно сказала, что «считала его совершенно другим». Мы тепло расстались, а через два месяца он мне позвонил и предложил стать своим заместителем.

– Вы этого ожидали?

– Нет, все произошло неожиданно. Лебедь абсолютно точно знал, что у меня все благополучно в Москве. Но почему-то я, не раздумывая, ответила согласием. И лишь через некоторое время с ужасом поняла, что наделала. До сих пор не могу до конца понять тот свой импульс, серьезно изменивший мою судьбу. Точно знаю, что на эту должность никто меня не лоббировал. Губернатор сам выбирает себе партнеров по работе. И я ни разу не пожалела, что решилась на этот шаг. Я вообще никогда ни о чем не жалею.

ОЛИГАРХИ

– Одни называют вас ставленницей Березовского, другие – «Норильского никеля», третьи – «Русского алюминия». Кто из них прав?

– Никто. Естественно, я знакома с Борисом Абрамовичем, поскольку он фактически владел ТВ-6. Но пересекались мы только по работе. Никакого отношения к его бизнесу и тем более к политической деятельности я не имела. Когда уходила с ТВ-6, естественно, поставила его в известность. Но ни он, ни Сагалаев не советовали мне уезжать из Москвы. С руководителями «Норильского никеля» и «Русского алюминия» познакомилась, уже исполняя должность первого заместителя губернатора. С Олегом Дерипаской встречалась всего один раз. Очень хорошие отношения у меня с Владимиром Потаниным, Александром Хлопониным и Джонсоном Хагажеевым. Но это совершенно не означает, что я «их человек».

– Многие до сих пор недоумевают, почему кураторство цветной металлургии губернатор возложил на вас, ведь до этого вы работали только в сфере масс-медиа.

– На мой взгляд, совершенно необязательно разбираться в качестве продукции, выпускаемой НПК или КрАЗом. Главное – политес между партнерами, экономические навыки, видение совместной стратегии наполнения бюджета. Боюсь показаться самоуверенной, но я, возможно, обладаю дипломатическими способностями, умением договариваться, при этом достаточно грамотна экономически.

НАЧАЛ ВОЙНУ – КОПАЙ ДВЕ ЯМЫ

– Многие из представителей местной элиты относятся к вам настороженно, несмотря на ваши

красноярские корни. Есть ли способ нормализовать эти отношения?

– Они уже нормализуются. Принятие Законодательным Собранием программы по развитию телерадиовещания в крае – лучшее свидетельство тому. А ведь еще недавно Пашенко кричал на сессиях, что в крае нет места таким людям, как Цветков и Селиванова. Меня уговаривали не тратить на депутатов время, уверяли – все равно ничего не получится. Но я пошла на контакт с законодателями и не жалею об этом. Многие из них открылись для меня с неожиданной стороны. Надо чаще встречаться.

– Не слишком ли много провалов на информационном направлении, которое вы тоже курируете? Имидж региона на федеральном уровне не улучшается, в крае бушуют информационные войны...

– Не согласна. Позитивная информация о нашем крае в центральных СМИ сейчас появляется часто. Знакомые москвичи при встрече говорят: «Наконец-то мы услышали что-то о Лебеде не в связи с Быковым». Александр Иванович стал вновь регулярно встречаться с редакторами красноярских СМИ. Такие встречи мы проводим не для того, чтобы на следующий день все редакторы стали кричать, какой замечательный в крае губернатор. Не нужно «облизывать» администрацию. Но ведь и наши ошибки можно интерпретировать по-разному. Можно покритиковать по делу, а можно и позлорадствовать. Есть мудрая фраза: начал войну – копай две ямы (вторую для себя). Именно поэтому в Красноярском крае никто не зажимает СМИ. Этим могут похвастаться, увы, не все регионы.

Правда, должна признать, что улучшить отношения с «Афонтово», ТВК, «МК в Красноярске» и «Вечерним Красноярском» не удалось – какими они были до моего приезда, такими и остались. Их оппозиционность

я связываю с мощным влиянием Быкова, с его финансовыми возможностями.

– Каково ваше личное отношение к Быкову?

– Информация, которой я обладаю, дает мне серьезные основания считать, что Анатолий Петрович должен сидеть в тюрьме. Присутствие Быкова в крае никому не на пользу. Я проанализировала результаты его деятельности, когда в августе прошлого года он был выпущен на свободу, и поняла, что в тот период он ненавидел всех и вся. Его отказ в сентябре прийти на «Союз красноярцев» весьма симптоматичен. Лебедь сделал широкий политический жест – послал ему, как предпринимателю, приглашение на это собрание. Этим надо было воспользоваться – у него появлялся шанс. Но он предпочел конфронтацию.

РЕДКАЯ БОЛЕЗНЬ

– Вам не кажется, что вы слишком много направлений в краевой администрации взвалили на свои хрупкие женские плечи? Как вы физически справляетесь с таким объемом работы?

– Я немного на себя беру, а много работаю. А когда человек напряженно трудится, к нему очень много прилипает. Любовь к работе – это моя болезнь. Я всегда, когда приходила на новое место, говорила себе, что буду работать как все – по обычному графику. Но почему-то не получается. Откуда берутся силы? Силы природные. Я очень здоровый физически человек. Не отвлекаюсь на семейные проблемы – дети уже выросли. Мне удастся хорошо себя чувствовать при режиме 50 часов сна в неделю. Все остальное время я тружусь.

– Вы не хотели бы стать первой в России женщиной-губернатором?

– Абсолютно точно нет. Это не трусость и не слабость, но я точно знаю, что моего потенциала для этого

недостаточно. Я и по гороскопу вечно вторая. Думаю, что так оно и есть на самом деле. Хотя предел моих возможностей еще не исчерпан, они совсем не обязательно связаны с политикой. Я, может быть, со временем вообще себя попробую в другой сфере деятельности.

– **Вы сильно изменились за время работы с Лебедем?**

– События развиваются настолько стремительно, что мне просто некогда думать об этом. Мой имидж не претерпел за это время никаких изменений, несмотря на работу, с которой справится далеко не каждый мужчина. В этом мне помогает сильное женское начало. Может быть, мои коллеги и жители края видят и представляют меня «железной леди», но на самом деле я очень мягкая и пушистая. Такой надеюсь и остаться.

2001

Людмила Селиванова:

**«Я ПРИНИМАЛА НА СЕБЯ ВСЕ УДАРЫ,
ПРЕДНАЗНАЧАВШИЕСЯ ЛЕБЕДЮ»**

Селиванова сильно удивилась звонку из «АиФ на Енисее»: «Интервью со мной? Зачем? Разве я еще кому-нибудь интересна в Красноярске?» Людмила Васильевна, вновь ставшая москвичкой, явно скромничала: память о самой могущественной женщине при дворе губернатора Александра Лебеда еще свежа. Стараниями СМИ вокруг этой неординарной личности было создано немало легенд, сопровождавших ее с самого первого появления в администрации края.

Мы встретились с Селивановой в уютной «Кофейне» на Варварке, рядом со станцией метро «Китай-го-

род». Строгий деловой костюм и отсутствие дорогих украшений не смогли скрыть ее природной женской привлекательности – Людмила Васильевна по-прежнему эффектна, хотя и немного печальна. Селиванова заказала себе кофе, я – стакан вишневого сока.

– До сих пор ходят разные версии по поводу вашего ухода из краевой администрации. Что же все-таки случилось на самом деле?

– Когда я шла работать к Лебедеву, то не представляла, что фактически попаду на войну в мирное время. Кульминацией стали выборы в ЗС, которые Александр Иванович проиграл. Главной стратегической ошибкой было создание двух прогубернаторских блоков: «Надежда и опора» и «За Лебедева». Мы вместе с Потаниным, Хлопониным и Генераловым пытались убедить губернатора их не создавать, но не смогли. Еще вечером все шло по плану, а утром Лебедев на совещании вдруг объявил нам об этом решении. До сих пор не знаю, кто все-таки подбросил ему эту идею. Накануне он встречался с Всеволодом Севастьяновым. Может быть, коммунисты «помогли» губернатору, пообещав ему поддержку на выборах? Лебедев тогда сказал очень примечательную фразу: «Если мы выиграем на выборах, то выиграем все, если же проиграем, то проиграю, в первую очередь, я, потому что полагаюсь сейчас на свою интуицию. Я не хочу в будущем упрекать себя в том, что послушался ваших советов и потому проиграл». После выборов мы до двух часов ночи сидели в его кабинете. Уже было понятно, что план Лебедева потерпел фиаско. И я его тогда спросила: «Вы помните ваши слова?» – «Я помню все. Проиграл я, и это очень дорогая ошибка», – ответил губернатор.

– Многие считали, что вас «ушли» из-за этого поражения.

– Все было не так. Новый год я отпраздновала вместе с семьей Александра Ивановича в «Сосне», где мы поселились до шести утра. Это был последний Новый год в его жизни, и удался он на славу. Лебедь еще сказал: никогда не думал, мол, что Новый год такой веселый праздник. 2 января я ушла в отпуск. Потом события развивались стремительно. 8 января ночью мне позвонил Лебедь и сказал, что его предали норильчане, которые решили голосовать на выборах спикера ЗС за Усса. Я пыталась его убедить в том, что норильчане просто руководствуются здравым смыслом. Но Лебедь со мной не соглашался и заявил, что 9 января он подаст в отставку. Тут же мне позвонили из «Норникеля» и «ЮКОСа». Все были в шоке. Утром я вновь разговаривала с Лебедем и посоветовала ему самому предложить депутатам поддержать кандидатуру Усса. Губернатор ответил, что он «был в жизни всяким, но смешным не был никогда». Состоялось голосование, после чего Александр Иванович вновь мне позвонил и огорошил сразу двумя новостями: во-первых, он решил объявить войну «Норникелю», а во-вторых, взять в первые заместители Коропачинского. Я была поражена. Объявить войну Норильску означало сделать большой шаг к катастрофе. Ну а кто такой Коропачинский, я себе хорошо представляла.

– Вы думаете, что он не справился бы?

– Он сделал себе имидж суперменеджера, хотя в реальности его профессиональные возможности были сильно преувеличены. Для меня было показательным его поведение на выборах. Он входил в блок «Надежда и опора» и не вложил в кампанию ни одного рубля! Меня настораживал уровень амбиций этого молодого человека. Однажды Коропачинский мне сказал, что пост в администрации края его не интересует и согласится он минимум на премьеру правительства страны. Красавец!

Я предупредила Лебеда, что этот человек приведет его к пропасти. Потом я позвонила Хлопонину и другим олигархам, объявив им, что в край не вернусь. Я понимала, что в этой ситуации в регионе уже ничего сделать не смогу.

НАЧАЛО КОНЦА

– С Лебедем вы общались после этого звонка?

– Да. Он пытался убедить меня, что стоит на правильном пути. Губернатор предлагал мне различные варианты сотрудничества. Я и вправду еще какое-то время занималась делами края. 14 января я разговаривала с заместителем руководителя администрации президента России Александром Абрамовым. Мы обсуждали возможность встречи Лебеда с Путиным. После декабрьского поражения она была для него крайне важна в чисто моральном плане. И хорошо, что эта встреча все-таки состоялась. Но это был фактически последний эпизод в нашей совместной работе. Мы оказались с Лебедем на диаметрально противоположных позициях, и поэтому я уже не могла с ним вместе работать.

– Когда вы разговаривали с губернатором последний раз?

– В апреле. Лебедь позвонил мне в Москву. Он был подавлен, но нашел в себе силы признать: «Людмила Васильевна, вы оказались правы, когда предупреждали меня о последствиях январских решений, в частности, по Норильску». Я знаю, что накануне трагедии он сорок минут общался по телефону с Хлопониним, и они договорились после майских праздников все обсудить и нормализовать отношения. Думаю, «Норникель» на выборах, если бы они состоялись в 2003 году, поддержал бы Александра Ивановича. В тот период Хлопонин объ-

ективно был не готов возглавить край. Мой же разговор с Лебедем состоялся недели за две до ермаковской катастрофы. Он вновь, по его выражению, «пытался прочистить мне мозги». Безуспешно. Но заявление о моей отставке он так и не подписал.

СВЕТ В ОКОШКЕ

– Вы заслужили репутацию властолюбивой женщины, которая стянула все нити управления краем на себя...

– У Лебеда на самом деле не было команды. Он иногда говорил, что у него не команда, а серпентарий. Лебедь во многих вопросах «хромал», но он был настоящим бесребреником. Все, что он делал – он делал для края. Другой вопрос, насколько правильными были его решения...

Таких людей в современной России осталось очень мало. Для меня его смерть стала огромной потерей. Более яркого человека в моей жизни не было и вряд ли будет. Он абсолютно во всем был эксклюзивен. Два года рядом с ним были безумно тяжелыми, и я часто говорила Александру Ивановичу: «Боже мой, какой бес меня попутал сказать вам в 2000 году по телефону то роковое «да»?» Работа с Александром Ивановичем – это тонкий лед абсолютно во всем, но при этом мне было с ним хорошо. Он не был самодуром, и если в чем-то заблуждался, то его можно было с помощью логики и фактов переубедить. Другой вопрос, что я не все курировала и не все ошибки могла исправить. И мне было очень больно, когда я увидела, что рядом с таким искренним человеком находились люди, которые трудились только на свой карман.

– А Лебедь разве этого не видел?

– Может быть, и видел, но он был слишком доверчивым и не всегда мог правильно оценить качества тех людей, которых ему рекомендовали. И так получилось, что я, желая помочь Лебедю, невольно стала брать одну тему за другой. Они мне, по большому счету, и не нужны были, но я знала, что справлюсь с ними лучше других. Постепенно я натащила на себя все темы, из-за чего меня вскоре и начали клевать со страшной силой.

– Людмила Васильевна, а почему вы, с вашими связями, не рекомендовали Лебедю порядочных, профессиональных управленцев?

– Я была лишена такой возможности. С моей подачи в администрации появился только начальник главного финансового управления Антон Михалев. Лебедь сказал, что это единственный человек, которого он готов принять, и на этом «тема москвичей» в администрации закрывается. Тогда как раз сильно спекулировали на теме варягов.

– А в крае достойных кандидатов не было?

– Я задохнулась от поисков в крае. Достойные кандидаты были, но они не хотели работать в администрации. Некоторые мне говорили: «Идти на место, где не знаешь, что ждет тебя завтра, просто несерьезно». Я, например, очень долго уговаривала Мишу Готовку возглавить управление экономики.

ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ

– После Вернера в глазах красноярских СМИ вы стали наиболее одиозным персонажем. Иногда создавалось впечатление, что вы специально на грубость нарывались, давая прессе пикантные информационные поводы.

– Я приехала в Красноярск из другой культурной среды, где на те же шубы приличные люди просто не об-

ращали внимания. Для меня эти «наезды» вообще были каким-то непонятным анекдотом. Сначала, кстати, мои шубы не замечали, от меня ждали другого. Думали, что я возьму взятку и на этом меня приловят. Прошел год, я ни в какой бизнес не влезла, взятки не брала, по флагам не стреляла, пьяной не валялась, ничего аморального не делала. И тогда кому-то в голову пришла «гениальная» идея насчет шуб. Не скрою, меня это зацепило. Я посоветовалась с Александром Ивановичем. Лебедь посмеялся: «Да меняйте шубы хоть каждый день. Собака лает, ветер носит». Я ему отвечаю: «Вы хорошо подумали? Ведь Вернер-то не зря бесился, когда его кусали». Он завелся: «Чем ярче вы будете выглядеть, тем лучше». Специально я гусей не дразнила. Из всей администрации я меньше всех давала интервью. Мне просто было некогда. И вообще – почему я должна была скрываться от людей? Я успешная, состоявшаяся женщина, у меня отличная семья. Мой гардероб – мое личное дело. Или я не права?

– Но вы же сами сказали, что очутились на фронте. Так зачем же было подставляться под пули?

– Был бы человек, а статья найдется. Я вызвала огонь на себя и тем самым помогла Лебедю, которого до моего приезда «мочили» нещадным образом. А тут орудия развернулись в сторону Селивановой. Хотя по статусу я всего-то исполняла обязанности первого заместителя. Джонсон Хагажеев как-то сказал, что если бы меня не было, то меня надо было придумать, потому что в администрации Лебеда я была громоотводом. Рядом с ним больше не было никого, кто принимал бы на себя все удары.

– Александр Усс вашу отставку ставит себе в заслугу. Вы как-то пытались договориться с вашими идейными противниками из стана «Наших»?

– Безусловно, самым серьезным противником я считала и считаю Александра Викторовича. Это очень

талантливый политический режиссер и манипулятор. Все остальные «нашисты» танцевали под его дудку. В свое время я хотела найти с ним общий язык, пытаюсь понять причины войны между Уссом и Лебедем. Но я была глубоко разочарована в Александре Уссе, потому что он банально меня обманывал. Вечером он говорил мне, что готов с завтрашнего дня прекратить все военные действия против губернатора. Наступало завтра, началась сессия ЗС – и со стороны Усса следовал очередной оскорбительно-унижающий выпад против Лебеда.

Александр Иванович до такого уровня не опускался. Спустя некоторое время я поняла, что Усс – открытый, очень коварный враг, которому было абсолютно наплевать на какие-то правила игры. Такой нечестной войны против главы исполнительной власти не знал ни один регион в России. Сразу после гибели Лебеда у меня состоялся с Уссом разговор. Он признался, что добивался моего отъезда из края, понимая, что в администрации я – единственный человек, способный в трудную минуту подставить Лебедю свое плечо.

– Говорят, у вас были хорошие отношения с Пащенко.

– С ним были своеобразные отношения. Он тоже меня «поливал», но до оскорблений не скатывался. Олег Анатольевич мне где-то даже импонировал, он необычный человек, оригинально мыслящий. Мы с ним часто встречались, я приезжала к нему в редакцию. Зла на него не держу.

ПЛАН ПОТАНИНА

– Вас до сих пор вспоминают в крае, намекая на некие сомнительные коммерческие операции с вашим участием. Как вы относитесь к этим инсинуациям?

– Когда я стала работать в крае, то специально решила не входить ни в какой бизнес, чтобы потом не было ненужных разговоров. Что вы! В этом смысле я без проблем простилась с краем. Мне прислали из Красноярска вещи, и меня ничего, кроме отца, больше с краем не связывает.

– Вы хорошо знаете нынешнего губернатора. Можете сказать, что красноярцам от него ждать?

– Все, что было сделано при Лебеде, будет мягко отодвигаться в сторону. В кадровой политике Хлопонин будет подчеркнуто дистанцироваться от людей, которые работали при Лебеде. Не потому, что Селиванову не любит, а так – на всякий случай. Они слишком обеспеченные люди, чтобы устраивать себе лишние проблемы в жизни. Я думаю, что при Хлопонине в крае все будет тихо и спокойно. Ситуация не должна ухудшиться, потому что Александр Геннадиевич – человек умный и ради собственной карьеры будет стремиться сделать край привлекательным регионом. Так будет продолжаться года – два, а потом Хлопонин переедет в Москву, получит серьезный пост в правительстве, а на его нынешнее место придет Олег Бударгин. План этот реальный, потому что Потанин смотрит далеко и мыслит стратегически.

ЖИЗНЬ КАК РОМАН

– Что вам, как личности, дал красноярский опыт?

– Я ехала в Красноярск, не очень веря в то, что у меня что-то здесь получится. Но в администрации я поняла, что могу очень многое. Вместе с Александром Ивановичем я реально руководила краем. Это бесценный опыт, ведь игра шла по-крупному, и зачастую – без всяких правил. Меня многому научили красноярские СМИ (*иронич-*

но смеется). Характер я в родном городе закалила. Меня в Красноярске не сломали, хотя сильно этого хотели. Но еще раз этот путь я бы пройти не хотела, потому что в последний период работы в Красноярске не раз к себе прислушивалась и спрашивала с тревогой: а у меня вообще на этой работе что-то от женщины осталось?

2003

Евгений Цветков:

«МОЮ РЕПУТАЦИЮ ИСПОРТИТЬ ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛО...»

Евгений Цветков был одним из заметных персонажей времен Александра Лебеда. Появившись в Красноярске в 1999 году, он успел поработать и у Вернера, и у Селивановой. Многие знаковые события той эпохи происходили на его глазах. Сейчас Цветков официально числится военным пенсионером, а неофициально принимает активное участие в нынешней губернаторской кампании. Сегодня Евгений Адольфович делится воспоминаниями и размышляет о выборах.

– Если верить некоторым СМИ, то вы чуть ли не главный черный пиарщик в Красноярском крае. Как к такой репутации относитесь?

– Совершенно спокойно. После того, как я поработал у Селивановой и Вернера, мою репутацию испортить очень тяжело. СМИ лепят из меня такого монстрика. Скоро, наверное, сами бояться начнут. Этим ребятам нужен образ врага. Без этого они жить уже не могут. Нет Вернера и Селивановой в крае, так за меня взялись. Измельчали.

КУПЧИНА С НЕМЕЦКОЙ ФАМИЛИЕЙ

– Как, кстати, вы стали работать у столь неоднозначных фигур?

– Команду на мое появление в Красноярске дал Александр Иванович. Всерьез и надолго я здесь появился в октябре 1999 года, когда формировалась структура

по подготовке президентских выборов-2000, которую возглавлял Николай Вернер. В ее состав я был введен лично Лебедем. Какое-то время мы действительно занимались подготовкой к выборам. Но случилось 31 декабря 2000 года. Ельцин отдал власть Путину. Пришлось свой талант посвятить молодежному движению. Пытался я консультировать Николая Васильевича, писал для него программы, посвященные тому, как из скандально известного стать всенародно любимым. Программа ему очень понравилась, но выполнять ее он не стал.

– **Так каким все же Вернер парнем был?**

– По моему мнению, несмотря на все его многочисленные гражданства и фамилии, Николай Васильевич был очень русским человеком, похожим на сибирских купцов середины девятнадцатого столетия, которые могли жене губернатора подарить туфельки из чистого золота весом шестнадцать килограммов. Вернер жил, пренебрегая условностями. Согласитесь, претензий к Вернеру не так много. Его самые «страшные» грехи: поцеловал видео камеру, показал «козу рогатую», водки выпил на хоккее и обозвал своих недругов «котами помойными». Но это показали четыреста раз и сделали из него чудовище.

– **Вы забыли события в Комарове...**

– В красный флаг он не стрелял. Это я знаю точно и готов под заклад поставить остатки своей репутации. А что касается оценки его деятельности... «Планета Красноярск» была при нем единственной дискотекой в Красноярске, где не торговали наркотой. После отъезда Вернера торговать стали.

– **Почему он все-таки уехал из Красноярска?**

– В определенных кругах были предприняты усилия, чтобы Вернер занял соседнюю с Анатолием Петровичем (Быковым. – Авт.) камеру в Лефортово. Ему на довольно высоком уровне было рекомендовано покинуть

этот город и желательно эту страну. Он послушался, а его недавние ближайшие соратники в это время провели соответствующую работу с губернатором, направленную против Вернера. Ему не дали оправдаться, да и он сам стал свои амбиции демонстрировать, в итоге с губернатором они разошлись. Хотя, если бы они встретились, возможно, Лебедь терпел бы Вернера и дальше. Кстати, слухи о том, что именно Селиванова «съела» Вернера, оснований под собой не имеют. Более того – она пыталась отстоять Николая Васильевича, но не получилось.

ДЕЛО И СЛОВО

– Вернер поспособствовал вашему переходу в администрацию края. Там вы стали работать с другим знаменитым персонажем новейшей истории Красноярья – Людмилой Селивановой...

– В принципе, я благодарен судьбе, что она свела меня с Людмилой Васильевной. Работа была многоплановой и интересной. Особенно на первом этапе, когда Селиванова еще занималась тем делом, ради которого ее и пригласил Лебедь. Но СМИ она занималась месяца три, а потом начались другие игры.

– **Вы могли бы сравнить Вернера и Селиванову?**

– Очень они похожи...

– **Авантюристы?**

– Да нет. Любили они «понты». Купеческие замашки. Жить, не обращая внимания на общественное мнение. Так можно жить в Москве или на Западе. В Сибири этого делать пока нельзя.

– **Селиванова должна была переломить ситуацию с красноярскими СМИ, которые палили по исполнительной власти из всех пушек. Почему у нее не получилось?**

– Все дело в Лебеде. Я не знал в нашей стране большего демократа, чем он. Хотя сам он говорил, что генерал-демократ звучит, как еврей-оленовод, но в итоге так и получилось. Такой свободы, как при Александре Ивановиче, у красноярских СМИ уже никогда не будет. Так «мочить» исполнительную власть при новом губернаторе не позволят, кто бы эти выборы ни выиграл.

– Странно, Лебедь был не последним политиком в России и при этом недооценивал огромную роль СМИ?

– Недооценивал. Он говорил: «Я делом докажу». Я ему как-то на это возразил, говорю: «Александр Иванович! Если вы даже завтра каждому жителю Красноярского края поставите в квартиру золотой унитаз, то уже послезавтра на известной всем телекомпании выйдет сюжет на тему: «Какой у нас губернатор жлоб – платиновые зажал!» Так оно и было. Столько машин, сколько раздал Лебедь ветеранам, не раздали все регионы страны, вместе взятые. Но на ТВ шли сюжеты, в которых говорилось, что, дескать, какую старикам дали ерунду – несчастную «Оку».

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ ГУБЕРНАТОРА

– Давайте вернемся к прошлогодним выборам в ЗС. Почему все-таки проиграла «Надежда и опора»?

– Был целый ряд технологических нестыковок. У нас не было денег на социологию. «Воевали» вслепую, без разведки. Сейчас, думаю, можно раскрыть несколько «военных» тайн. Осенью прошлого года проходило совещание, на котором поздно вечером было принято решение, что на выборах будет только один прогубернаторский блок – «За Лебеда». Его должны были возглавить известные в крае люди, может быть, даже в ущерб ярым

сторонникам губернатора. Но на следующее утро началось новое совещание, на котором Лебедь вдруг заявил, что нужен еще один блочок. Опять же все шло по известному принципу: «Командир сказал: «Бурундук – птичка». Значит, так оно и есть». Выборы провалили и по объективным, и по субъективным причинам. Я с себя вины за это поражение не снимаю.

– После выборов вы стали крайним...

– Сколько я работал на Александра Ивановича, столько ходил с битой мордой. Вообще я предполагал, что мне в скором времени придется уйти из администрации, но думал, что сезон массовых казней наступит в марте. Получилось быстрее. Я был уволен по собственному желанию губернатора.

– Не обиделись?

– Не обиделся. Лебедь был велик, это была фигура уровня Столыпина. А в Красноярском крае Александр Иванович был даже не фигурой, а всей шахматной доской. С его гибелью этой доски не стало. Сейчас все пытаются определить, в какие игры играть, то ли в нарды, то ли в подкидного дурака. И это ставит в неудобное положение его врагов. Того же Усса. Александра Викторовича просто жаль. Он вынужден боксировать с тенью. Нынешняя его кампания – этому лучшее подтверждение. Причем у меня такое ощущение, что тень в этом бою выигрывает.

БОРЗЫЕ БЕГУТ ПО СЛЕДУ

– Скоро власть в регионе сменится. Не думаете, что начнутся репрессии против тех, кто работал с покойным губернатором?

– Нет сейчас более несчастного человека в Красноярске, чем чиновник категории «А», работающий

в краевой администрации. Сидят они, бедные, в своих кабинетах и гадают на кофейной гуще, кто же станет следующим губернатором. Сейчас краевая администрация превратилась в филиал Законодательного Собрания. А что касается репрессий... Это в российских традициях – отправить борзых по следу. Уйти из власти и без уголовного дела? Так не бывает.

– Администрацию Лебеда обвиняли и обвиняют во всех смертных грехах. Дескать, все при нем продали, чиновники погрязли в воровстве и коррупции. Думаю, спорить с этими обвинениями после ареста Суладзе сложно...

– Помните хорошую фразу из фильма «Операция «Ы»? Там заказчик говорит: «Все уже украдено до вас». Что было красть в этом крае? К моменту прихода к власти Лебеда в крае все было приватизировано и украдено. Из серьезных вещей оставались крохи угольной промышленности да «Красцветмет», заложенный еще при Зубове. А коррупция была, есть и будет. В свое время Николай Первый как-то сказал своему наследнику: «Александр, запомни, в России не воруют только ты да я».

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ?

– Вам не кажется, что нынешняя губернаторская кампания уж больно скучная?

– Ну а что вы ждали? На этих выборах «мордодельский» букварь-то не все отрабатывают. Халтурят. Все кричат, что эта кампания черная. Да нет – серая она, убогая. Впрочем, уверен, что дальше будет веселее. Все-таки кампания жутко дорогостоящая. То, что в СМИ в мирное время стоит рубль, на выборах стоит доллар. При этом апломб у местных журналистов не занимать. Вчерашний выпускник журфака уже считает себя круче

Доренко. И требует несусветные гонорары. Увы, на рынке конкуренции нет, поэтому можно загибать пальцы.

– Вы с красноярскими СМИ работаете уже три года. Как оцениваете их профессиональный уровень?

– Сильно изувечили красноярскую журналистику за последние годы. Осталось очень мало журналистов, которые могут работать ровно, быть над схваткой. Зато появилось немало «акул» пера и эфира, которые если начинают кого-то «поливать» дерьмом, то обязательно из большого ведра, а если облизывают, то с пяток. Ну ладно бы журналисты только себе психику увечили, так они ведь и нормальных людей пытаются калечить!

– Как оцениваете свой красноярский период?

– Я приобрел бесценный опыт. Приведу аналогию. Советских разведчиков натаскивали в Москве, потому что считалось, что если ты сможешь работать в советской столице, то любой другой город мира проблемы для тебя не составит. Примерно то же самое можно сказать о людях, которые смогли достаточно продолжительное время проработать в администрации Лебедева. Ух, какая это школа!

– Губернаторская кампания – это ваша лебединая песня на берегах Енисея?

– Жизнь – многовыпуклая штука, поэтому я ничего не исключаю. Может быть, и в следующем году меня здесь увидите.

2002

Владимир Полушин:

**«ТРАГИЧНО БЫТЬ СОЗИДАТЕЛЕМ
В ЭПОХУ РАЗРУШЕНИЯ»**

28 апреля исполнится год, как с нами нет Александра Лебеда. Масштаб его неоднозначной личности, трагичный росчерк судьбы еще долго будут привлекать внимание не только историков, но и просто неравнодушных людей. Поэт, драматург и литературовед Владимир ПОЛУШИН был рядом с Лебедем с 1992 года. У него вышло несколько книг о жизни Александра Ивановича. В частности, Полушин готовил к печати главное произведение Лебеда «За державу обидно». В скором времени должна выйти еще одна книга – «Время губернатора Лебеда. Хроника жизни и деятельности».

– Книга основана исключительно на реальных фактах. В ней жизнь губернатора, расписанная по дням. Своеобразная летопись. Материал для нее я собирал на протяжении всех лет, пока работал вместе с ним. В ней нет описания его борьбы, какого-то закулисья, а отражены только события, в которых он участвовал или собирался это сделать.

СОАВТОРЫ

– Как пересеклись ваши жизненные пути?

– Мы познакомились в Приднестровье, когда там уже фактически шла война. Он прибыл в республику инкогнито, как полковник Гусев. Я тогда исполнял обязанности атамана Черноморского казачьего войска. После первого совещания, которое Лебедь провел в Тирасполе,

он попросил меня остаться. Разговорились. Лебедь так образно говорил, что мне захотелось взять у него интервью. Он же не спешил: «Сперва надо бойню остановить, а потом уж переходить к лирике».

– Вам все-таки удалось его уговорить?

– Когда в Приднестровье конфликт был улажен, мы много неформально общались с Лебедем. Я сделал с ним большое интервью для «Литературной России». В этой беседе фактически содержался конспект будущей книги «За державу обидно». Я тогда ему и предложил: «Давайте поработаем. Ведь это же история. Давайте зафиксируем ее на бумаге, пока события свежи в памяти». Уговаривать пришлось почти год. Он согласился, когда появились фальсификации августовского путча, которые задевали его лично. Как-то часов в девять вечера он позвонил мне домой и попросил к нему подъехать. Мы работали всю ночь. Я за месяц эту книгу сделал. Помню, Лебедь сильно удивился такой оперативности. Тогда он и почувствовал вкус к писательству.

– Трудно, наверное, было Лебедю из боевого генерала переквалифицироваться в писателя?

– Лебедь как-то сказал мне: «Если бы я не был военным, то стал бы писателем». В детстве он писал стихи, играл в любительском театре. Это вообще был человек уникальных способностей. Уровень его интеллекта и языковой культуры отмечали серьезные авторитеты в области литературы. Проскурин, когда прочитал «За державу обидно», совершенно искренне предложил ему вступить в Союз писателей.

МИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

– Лебедь метеором промчался в истории России. Так же ярко и так же трагически быстро...

– Я говорил ему, что зря он повесил в своем кабинете портрет Петра Столыпина. Портреты трагически погибших личностей несут очень сильную негативную энергетику. Трагическая аура все время висела над Лебедем. Убийство Столыпина в начале прошлого века предзнаменовало гибель сильной России... Так же и смерть Лебеда похоронила надежду на создание могучей некриминализованной России. Лебедь, как и Столыпин, – это нереализованная возможность истории.

– Александра Ивановича сравнивали не только со Столыпиным, но и с Шарлем де Голлем.

– Параллели с де Голлем действительно есть. В 1997 году Лебедя упорно выживали из Москвы. У него была реальная популярность в народе. Лебедю упорно предлагали возглавить какой-нибудь крупный регион, где он перед президентскими выборами набрался бы управленческого опыта. Интересно, что у Шарля де Голля была аналогичная ситуация. В свое время его тоже старались сплавить губернатором на Мадагаскар. Уверен: если бы Лебедь не пошел на красноярские выборы, то на президентских выборах он был бы кандидатом № 1. Даже Березовский после гибели Александра Ивановича проговорился: «Зря мы тогда его в Сибирь задвинули».

РОКОВОЙ ВЫБОР

– Когда Лебедь впервые решил взять курс на Красноярск?

– В июне 1997 года мы работали с ним над «Идеологией здравого смысла». Тогда речь шла только о подготовке к президентским выборам. Впервые тема выборов в Красноярском крае возникла где-то в августе. Шли кулуарные переговоры с людьми из окружения Березовс-

кого. Лебедю в тот период было непросто. Кремль очень боялся его. Давление шло со всех сторон. В частности, начали преследовать банкиров, помогавших ему. Тогда его команда фактически сидела без денег. Лебедь сильно злился. Он чувствовал в себе фантастический потенциал, а ему давали по рукам.

– Многие считали Лебеда марионеткой в руках Березовского. Есть в этом утверждении хоть доля правды?

– Политика Лебеда шла вразрез с той линией, которую исповедовали Чубайс, Березовский и прочие. Чубайс как-то проговорился, сказав про Лебеда, что он «слишком русский». Лебедь считал Березовского наиболее хитрым проявлением пореформенной России. Но для достижения своей цели Лебедь готов был работать со всеми, поэтому сотрудничал и с Березовским. Александр Иванович считал, что на войне для пользы дела обманывать можно и нужно – речь, разумеется, не о соратниках.

– Вам не кажется, что выбор в пользу Красноярска оказался стратегически неправильным?

– Лебедь понимал, что его отправляют в своеобразную ссылку. Но он всегда исповедовал принцип: размышлять нужно лишь до того момента, пока не перейден Рубикон. Если выбор сделан, надо идти до конца. И здесь уже не так важно, ошибкой был этот выбор или нет. Хотя отход от основной линии судьбы оказался роковым и привел его к гибели. Я думаю, что Лебедь это понимал, но никогда и никому об этом не говорил. У него был в хорошем смысле менталитет десантника. Это умение держать оборону даже в окружении. Лебедь фактически вынужден был в одиночку доказывать свою правоту этой эпохе. Но, увы, одиночки обречены, что и доказала его смерть.

– А разве соратников у него не было?

– Его соратники – это люди команды. По своему масштабу они не были сопоставимы с фигурой лидера. А равнозначных союзников у Александра Ивановича не было.

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

– Действия Лебеда часто ассоциировались со строчками Лермонтова: «А он, мятежный, просит бури...»

– Лебедь был последним российским политиком-романтиком. Трагедия Лебеда состояла в том, что по своей природе он был созидателем, но вектор эпохи был направлен на разрушение. Он был человеком завтрашнего дня. В стране, где произошло фактическое сращивание власти и криминала, странно было слышать человека, который призывал ввести диктатуру закона. Очень многим это не нравилось.

– И именно из-за этого поссорились Александр Иванович с Анатолием Петровичем?

– Быкова можно любить или нет, но личность он, безусловно, интересная. У него были серьезные позиции в крае. Поэтому Лебедь в 1998 году пошел на союз с ним. Когда они прекратили отношения, выяснилось, что вред от этого был нанесен всем: и Лебедю, и Быкову, и краю. Это тот редкий случай, когда не сработал один из принципов Лебеда, предпочитавшего худой мир доброй ссоре. Возможно, были задеты какие-то принципиальные для губернатора позиции.

– Селиванова в недавнем интервью «АиФ на Енисее» вспоминала, что Лебедь называл свою администрацию серпентарием. Вы разделяете это мнение?

– Селиванова неискренна в этом интервью. Например, мне Лебедь говорил, что блок «Надежда и опора» –

целиком затея Селивановой, а она утверждает обратное. У Александра Ивановича была своя система управления. Он ее называл системой управления хаосом. Лебедь верил, что стадо ослов во главе со львом может победить, но стадо львов во главе с ослом всегда обречено на поражение. Чтобы чиновники не закоснели в коррупции, их нужно разводить по разным углам. Он менял заместителей, чтобы они не проворовались. Основные фигуры не меняются только в банде, потому что повязаны преступлением. После ссоры с Быковым в администрации образовался кадровый вакуум. Лебедю было трудно найти управленцев в Красноярском крае. Настоящих, преданных ему соратников было на самом деле немного, при этом Лебедь не путал дружбу с профессиональными качествами. Поиск шел мучительно и не всегда оканчивался удачно.

– Лебедя жестко критиковали за фаворитизм. Почему он дал такую волю Вернеру и Селивановой?

– Лебедь был слишком добрым. Если человек казался Александру Ивановичу хорошим, то никакие разговоры на этого человека не могли изменить его отношения к нему. Лебедь был по своему характеру правителем, а не чиновником. Он царствовал, и в этом ничего плохого нет. Но времена были другие, и двор не тот. Я предупреждал Лебеда в 1998 году, что Вернер себя еще покажет, и лучше его к себе не приближать. Но Александр Иванович рассудил по-своему. Вернер сыграл на его любви к детям. Можно вспомнить, с каким пылом Николай Васильевич одаривал детей новогодними подарками и компьютерными классами. Это не могло не тронуть Лебеда. Вернер воспользовался этим, чтобы решать свои вопросы. Нельзя сказать, что Вернер и Селиванова ничего не делали, но, сделав на рубль, навредили на сто. Их эпатажное поведение реально било по рейтингу Лебеда.

БЕСКОНЕЧНАЯ ТЕМА

– До сих пор спорят о причинах трагедии в Ермаковском районе. Не все верят в роковую случайность.

– Конечно, я не могу что-то утверждать однозначно, но в этой трагедии слишком много странностей. Хозяин вертолета поменялся за пять дней до полета. Экипаж тоже сменился всего за несколько дней до 28 апреля. Почему у вертолетчиков оказалась карта только 1956 года выпуска? Наконец, Саша Юдаев – охранник губернатора, сидевший в вертолете рядом с ним, – видел, что сначала отрубился хвост вертолета, и только потом винтокрылая машина упала на ЛЭП. В официальной версии все выглядит по-другому. Думаю, что настоящую правду о катастрофе мы узнаем только лет через пятьдесят.

– Есть ли в нашей стране люди, способные поднять упавшее знамя Лебеда?

– Я долго размышлял над этим и пришел к выводу, что в нашу эпоху – вряд ли. Лидеров масштаба Лебеда невозможно выращивать квадратно-гнездовым способом. Среди нынешних политиков таких я не вижу. Потому что в нынешней России если рискнешь высунуться из строя, то можешь потерять голову.

– Как складывается посмертная судьба Лебеда?

– После смерти Лебеда интерес к нему не угас. Напротив, по моим наблюдениям, его личность стала привлекать все больший интерес. Но о серьезном анализе пока речи не идет. Будучи современником, трудно судить объективно о такой личности. Истинное величие Лебеда мы поймем только лет через десять-пятнадцать. Тема Лебеда бесконечна, как и сама наша матушка Россия.

2003

НА КАПИТАНСКОМ МОСТИКЕ

Владимир Потанин:

**«ВЛАСТЬ И БИЗНЕС ДОЛЖНЫ СИДЕТЬ
НА РАЗНЫХ СТУЛЬЯХ»**

В немногочисленной обойме российских олигархов президент холдинга «Интеррос» Владимир Потанин постоянно находится с середины 90-х годов. При этом он работал еще и вице-премьером в правительстве РФ, так что о сложных хитросплетениях российской политики и экономики последних лет знает не понаслышке. В империю Потанина входит ГМК «Норильский никель», играющий сегодня ключевую роль в формировании бюджета Красноярского края. Недавно в Новосибирске состоялась встреча журналистов ведущих сибирских изданий с Владимиром Потаниным. Во время полуторачасового разговора Владимир Олегович ответил и на вопросы обозревателя «Аргументов и фактов на Енисее».

– Путин строит вертикаль исполнительной власти, остальные в этом процессе участвуют. Именно такую модель предлагает государство. В ней у бизнеса своя роль: мы сохраняем инвестиции в стране, пытаемся, насколько законодательство позволяет, их приумножать, а также берем на себя часть социальной ответственности. Государство же создает климат, позволяющий эти функции выполнять. То есть оно не должно нас обижать – наоборот, защищать и продвигать на зарубежные рынки. Мне кажется, при таком распределении ролей все себя чувствуют комфортно. Если все это будет конструктивно развиваться, бизнесмены будут думать не только о своем личном банковском счете, но и о решении социальных проблем.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

– Эта модель стала результатом двух встреч бизнесменов с президентом в Кремле?

– Перед первой встречей в июле прошлого года бизнес-элита находилась в подвешенном состоянии. Начались разборки по «Медиа-Мосту», развернулся скандал вокруг приватизации «Норильского никеля». И мы пришли к Путину. Смысл выступления президента был примерно следующий: «Пришли жаловаться? Прижали? А как с вами еще поступать? Вы посмотрите на себя. Устраивали между собой борьбу в течение многих лет. С властью делали все что хотели. Теперь власть начинает свое самосознание проявлять, наступать вам на ноги. Скажите спасибо, что голову вам еще не оторвали... Понятно говорю?» – «Понятно», – отвечаем. – «Идите работать, займитесь делом. Но если кому въедем, не обижайтесь, потому что проблемы вы создаете себе сами». Естественно, народ верещал: «Мы же не враги, мы же работаем». Путин: «Понимаю, но вы уже у меня вот где... Ступайте».

– И после этого разговора бизнес быстренько перестроился?

– Судите сами. Вторая встреча с Путиным состоялась через полгода. Тональность – разительно другая. Путин: «Идет становление государства, бизнес имеет в этом процессе свою нишу – извольте в ней и находиться. Ставьте вопросы». Ну и началось. Говорим президенту, что нас не устраивает налоговая реформа, валютное законодательство, судебная реформа и многое другое. Путин внимательно слушает. Спрашивает: «Хотите участвовать в пенсионном страховании? Поддерживаю. По судебной реформе умные мысли есть? Излагайте». В общем, после этой встречи появился лист поручений правительству. Меня поразило, что каждая мысль в нем была изложена ясным языком. Более того, уже сейчас наши предло-

жения по налоговой реформе на 90% выполнены. Таким образом, буквально за полгода от нежелания общаться с крупным бизнесом Путин перешел к выстраиванию с нами весьма продуктивного диалога. Если вначале доминировали силовые и административные методы, сейчас превалирует более сбалансированный подход. Стимулирование и наказание идут параллельно.

С «НОРНИКЕЛЕМ» ПРОБЛЕМ НЕТ

– Известно, что когда возник кризис вокруг пересмотра итогов приватизации «Норильского никеля», Путин вызывал вас к себе на беседу. После этого скандал утих, хотя и продолжает тлеть. Какова ситуация сегодня?

– Сейчас с «Норильским никелем» никаких проблем нет. С 2000 года воздействие государства на все процессы в крупном бизнесе резко усилилось. Причем это усиление носило характер жесткого разбирательства. Цель этого понятна и лично у меня, несмотря на все неудобства первоначального этапа, отторжения не вызывает, потому что декларируемая цель – восстановление вертикали государственной власти и попытка собрать воедино рычаги власти – правильная.

– Прошлым летом многие говорили, что участи опальных Гусинского и Березовского вам не избежать. Вы этого не боялись?

– После того как Гусинский и Березовский начали против меня в 1997 году войну, я ко всему готов. Проблемы у медиамагнатов возникли не из-за того, что их не любит Путин, а потому что они пытались занять не свою нишу в политике и перешли границы. Надо либо быть бизнесменом, либо заниматься чистой политикой. Сидеть между двумя стульями получалось, когда госу-

дарственная система была неустойчивой, путаной, непонятной. Но как только в стране стали наводить порядок, стулья начали разбегаться.

– Неужели во время работы в правительстве вы совершенно абстрагировались от своих бизнес-проектов?

– Я на двух стульях не сидел. Я – пересаживался. Многие считают, что в правительстве я занимался чем угодно: продвигал свой бизнес, подсиживал старика Черномырдина, потакал «преступной» приватизации... Одним словом, занимался всем чем угодно, кроме того, ради чего меня туда пригласили. Это одна из самых обидных вещей в моей жизни. А ведь после работы в правительстве восстанавливать позиции в бизнесе было очень непросто. Мой авторитет в мире капитала пошатнулся – ведь к отставленным членам правительства у нас традиционно пренебрежительное отношение. Пришлось приложить серьезные усилия, чтобы взобраться обратно на пьедестал.

РОМАНТИЧНЫЙ ХЛОПОНИН

– Зачем генеральный директор РАО «Норильский никель» Хлопонин пошел в губернаторы Таймыра? Вряд ли он решился бы на этот шаг без вашего благословения.

– Трудно заставить человека заниматься тем, чего сам он не хочет. Извините за пафос, но хочется, чтобы след оставался не только в кошельке. Хочется, чтобы и атмосфера вокруг нас была благополучной. Если администрация недееспособна, этого достичь в принципе невозможно. После того как мы разгребли на енисейском Севере первые завалы, нам захотелось двигаться вперед. Но система власти на Таймыре была какая-то замшелой

советская. Сначала мы тормозили чиновников, дергали их за пиджаки, но все мимо. Тогда у Хлопонина и возникло желание делать все самому. Мы поддержали этот порыв. Александр Геннадиевич немного романтичный товарищ. Он хороший менеджер, у него отличная команда. Да, он работает во власти, но это совершенно не значит, что он работает на «Интеррос». Я категорически против, чтобы Хлопонин сидел на двух стульях. Сейчас он работает на государство, и это нормально.

– Как вы оцениваете поход бизнеса во власть?

– Переход из бизнеса во власть и обратно не кажется мне сенсацией. Возьмите Америку – Буш-младший вообще всю администрацию набрал из бизнеса. Бизнес гораздо сильнее подминает власть, когда некорректным образом влияет на нее извне и «под ковром».

ПРАВИЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

– Красноярск постоянно опасается, что «Норильский никель» оставит край с носом. Что может сцементировать отношения Красноярска, Норильска и Дудинки?

– Отношения между субъектами зацементировать невозможно. Есть только два способа сделать их правильными. Первое: в региональном бюджете, как и в банке, не должно быть превалирующего клиента, который платит от 50 до 70%, как это происходит сегодня в Красноярском крае с «Норильским никелем». Имея такого суперплательщика, власть должна стремиться к расширению налоговой базы за счет других предприятий. Пока этого нет, у всех будет ощущение очень рискованной ситуации. Одинаково сложной как для властей, так и для плательщика - ведь комбинату, который на 70% обеспечивает краевой бюджет, приходится быть в каждой бочке

затычкой. Второе условие: удержать любого плательщика можно, только создав ему благоприятные условия.

– **Вы хотите сказать, что личные отношения между руководителем региона и владельцами финансово-промышленных групп никакой роли не играют?**

– Капитал интернационален и признает, в некотором смысле, только свои интересы. Люди, которые за ним стоят, могут быть сентиментальны, патриотичны или, наоборот, крайне циничны. Но сам капитал нейтрален, мобилен и рационален. Какие бы амбиции ни были у главного акционера или у губернатора, капитал никогда не двинется из того региона, где для него созданы благоприятные условия. Пока в Красноярском крае будет благоприятная для инвестора обстановка, до тех пор, пока отношения между администрацией и хозяйствующими субъектами будут строиться как дорога с двусторонним движением, красноярцам бояться нечего. Если же условия ухудшатся, никакие хорошие отношения Лебеда с Потаниным, Хагажеевым или Хлопониным не помогут. В данный момент в действиях администрации Лебеда я не вижу никаких предпосылок, которые могли бы ухудшить существующую ситуацию. «Норникель» нормально взаимодействует с администрацией края и чувствует себя комфортно.

2001

Анатолий Чубайс:

«МЫ ОДЕРЖАЛИ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПОБЕДУ»

Визит руководителя РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса в Красноярский край не разочаровал. В присущем ему «блицкриговом» стиле он за два дня успел побывать на Богучанской ГЭС и Березовской ГРЭС, встретиться с угольщиками, провести переговоры с руководством края и даже погулять на пятидесятилетии своего подчиненного – генерального директора «Красэнерго» Михаила Кузичева. Сегодня мы представляем нашим читателям человека, который из всей постперестроечной генерации политиков оказал наибольшее воздействие на то, что случилось «с Родиной и с нами». Обозреватель «АиФ на Енисее» встретился с Анатолием Борисовичем перед отъездом в Москву на уютном диванчике в гостинице «Красноярск».

– Анатолий Борисович, наверное, вам уже оскомину набил вопрос о веерных отключениях?

– Когда я пришел работать в РАО, мы собирали плату за электроэнергию «живыми» деньгами только 17%, остальное простынями, валенками, компьютерами. Такая ситуация является генератором воровства, коррупции и криминала. Электроэнергия – товар, и если за нее не платят – это воровство. Может, кому-то такая постановка вопроса кажется излишне жесткой, но мы убеждены, что только так можно навести порядок в экономике.

– Говорят, вы хотите реанимировать ленинский план ГОЭЛРО?

– В этом году ему исполняется 80 лет. Я очень высоко оцениваю этот документ и считаю его историческим. Но на протяжении последних 15 лет наша энергетика находилась в застое. Именно тогда, полтора десятка лет назад, мы перестали вводить крупные объекты, начали терять позиции по передовым технологиям. Такое положение больше терпеть нельзя. Мы обязаны сейчас разработать и реализовать второй план ГОЭЛРО на современных рыночных основах с привлечением частных инвесторов. Чтобы этот план воплотить в жизнь, необходимо привлечь не менее 5 миллиардов долларов в год в течение десяти лет. Задача фантастического масштаба.

ОТЦЫ И ДЕТИ

– У большинства россиян отношение к вам характеризуется крылатой ельцинской фразой: «Во всем виноват Чубайс». Вы не устали быть вечно виноватым?

– Преобразования, которые мы проводили в стране в девяностые годы, были невероятными по глубине, масштабу, сложности и воздействию на людей. Они, без всякого преувеличения, коснулись каждого из 146 миллионов граждан России. Это очень тяжело и болезненно. На самом деле для любого нормального человека такие потрясения малоприятны.

Но есть одно маленькое «но» – если бы эти преобразования не были осуществлены, то страна погибла бы в буквальном смысле этого слова. В 1991 году мы были накануне голода. И если бы Гайдар, опираясь на либеральную идеологию, не предпринял бы тогда чрезвычайно тяжелых решений, последствия были бы чудовищны.

– Но современники вас не поняли...

– Да, цены выросли, и это никому не нравится. Но я уверен, что при всей нелюбви населения к Гайдару дети и внуки наших современников ему еще памятник поставят. Ну а если лично о себе... Конечно, мне было бы приятнее, чтобы здесь, в Красноярске, не чучело мое сжигали, а проводились бы массовые демонстрации под лозунгом: «Да здравствует Чубайс!». Но вот как-то пока не получается. Придется потерпеть.

– И долго терпеть?

– Даже для меня стали неожиданностью темпы изменений в стране. Еще год назад все ведущие аналитики страны были уверены, что нам не удастся создать политическую структуру, которая была бы поддержана народом. Но наступил декабрь, где мы одержали триумфальную победу на выборах. Это принципиально важная вещь. Нас не назначали во власть, как это было раньше, а выбрали. Народ выбрал. Да, пока за нас голосовало меньше 9% населения. Но все равно, это убедительно доказывает, что народ зреет гораздо быстрее, чем кажется политической элите.

– А вы не считаете, что приход Владимира Путина к власти знаменует поворот от либеральных реформ к консервативным?

– Не согласен. Посмотрите на экономистов Путина. Там все наши люди. Даже больше скажу – моя команда. С ними я работал 10 лет. Половина правительства – мои ученики. Дело даже не в должностях. Это люди нашей идеологии. И результаты последних месяцев это доказывают. Принят Налоговый кодекс, программа реформ Грефа. То есть то, что мы пытались реализовать еще 6-7 лет назад. Но на том политическом этапе это было невозможно. Сегодня в экономике страна живет по Гайдару и Чубайсу. И в этом, кстати, Геннадий Зюганов в недавнем выступлении был абсолютно прав. Хочу только огорчить товарищей коммунистов – Россия и следующие 500 лет жить будет так же.

В чем самая главная победа настоящего политика? Не в том, чтобы занять должность. Да занимали мы их: и я, и Гайдар, и Немцов, и Кириенко. Победа в другом: чтобы жизнь пошла по вырытому нами руслу. Она и пошла. Мы одержали триумфальную, историческую победу. Правда, пока не все еще это поняли.

«В ОТСТАВКУ НЕ СОБИРАЮСЬ!»

– Роман Абрамович хочет поручить Чукоткой, а на днях руководитель РАО «Норильский никель» Александр Хлопонин объявил о своем решении баллотироваться на пост губернатора Таймыра. Вы поддерживаете поход в региональные властные структуры крупных бизнесменов?

– Я очень хорошо помню, какие разворачивались баталии вокруг приватизации «Норильского никеля». Сколько было истерики, криков, стонов. «Кошмар, в частную собственность – святая святых промышленности, развалят, растащат, продадут за границу, остановят...» Чего только не было. Сегодня результат очевиден: «Норильский никель» – одно из самых эффективных предприятий, находящихся в частных руках. Менеджеры этой компании одни из самых профессиональных в России.

Почему бы Хлопонину и в самом деле не попробовать себя на государственном поприще? Люди, которые доказали свою способность руководить таким комбинатом в сложнейших условиях и финансовых, и природных, и экономических, у меня лично вызывают большое уважение. Таких людей нужно поддерживать.

– Периодически возникают слухи о вашей возможной отставке. Если из РАО придется уйти, то что вы собираетесь делать?

– Ей-богу, не знаю! Во-первых, потому, что не собираюсь в отставку. А во-вторых, извиняюсь за нахальство, уверен, что не пропаду.

– **Не было ли у вас желания поработать за рубежом?**

– Ничего сопоставимого с Россией по степени глубины и масштабности в мире не существует вообще. Поэтому даже если не говорить о каких-то естественных чувствах к родной стране, а посмотреть на все с прагматичных позиций, то уверен: ничего интереснее России для меня нет.

2000

Сергей Шойгу:

«НАДЕЮСЬ НА ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ЗЕМЛЯКОВ»

Герой России, бессменный министр МЧС Сергей Кужугетович Шойгу является символом того, как даже в самые смутные времена можно оставаться верным долгу и державе. За последние 15 лет он лично, не отсиживаясь в уютном министерском кабинете, бывал и самоотверженно работал в тех местах, где нашей стране приходилось наиболее тяжело. Мнение такого человека по определению не может быть конъюнктурным. Сергей Кужугетович дал эксклюзивное интервью главному редактору «Вечернего Красноярска».

НЕ ТОЛЬКО НОСТАЛЬГИЯ...

– Для вас референдум – очередная политическая акция или нечто большее?

– Ломать всегда проще, чем строить. Наши деды, наши отцы были созидателями. Именно они создали Енисейскую губернию, Красноярский край в тех границах, которые мы помним. Потом появились эти «замечательные» лозунги: «Вы их снизу, а мы их сверху», «Берите столько свободы, сколько сможете проглотить» и т.п. Мы все наелись этого досыта, но лучше жить не стали.

Сегодня я не знаю нормальных людей, выступающих против объединения. Действительно не знаю – сам здравый смысл подсказывает, что это должно быть именно так, в этом действительно есть, для меня, по крайней мере, не только политическая и экономическая целесо-

образность, но и ностальгия по доперестроечным временам, когда Красноярский край был одним из сильнейших и богатейших регионов Советского Союза.

Если говорить о ностальгических нотках, то это, скорее, не стремление к созданию некой Сибирской империи, а именно возвращение к здравому смыслу. В советскую эпоху вся страна гордилась Норильском, Красноярском, Абаканом. Мы стояли в одном ряду с Кузбассом, Челябинском, другими индустриальными центрами великой державы. Отсюда вышли многие, очень многие известные люди. Люди, которые очень много сделали для края, причем именно большого единого края. Достаточно назвать Долгих, Федирко...

Тогда была одна из сильнейших в стране школа и система подготовки кадров. В других регионах – это я уже потом понял – завидовали этой школе.

– Вам можно верить, ведь ваш путь наверх начался именно с берегов Енисея.

– Да, я знаю об этом не понаслышке. И этот бесценный опыт не раз пригодился мне в самых трудных ситуациях.

ПРАВИЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

– Тем не менее упорно говорят о неких врагах референдума...

– Я задумывался над тем, какие аргументы могут быть против объединения. И не нашёл их, за исключением, пожалуй, одного. Срыв объединения выгоден только огромному количеству чиновников, которые пригреблись сегодня во властных структурах. Часто даже не совсем понятно, кем они командуют, – один чиновник приходится на двух жителей. Вот их-то и стоит народу поставить на место 17 апреля.

– Говорят, что народ у нас настолько устал от всего, замкнувшись в своих частных скорлупках, что пока никто на 100% не может гарантировать необходимую явку. Или апатия народа – еще один миф?

– Что объединяет народ? Чаше всего народ объединяет большая беда. Общая беда, но не приведи Господи нам до этого дойти. Еще объединяет чувство ответственности за судьбу своих детей, близких. В правильно работающем государстве оно должно перерасти в чувство ответственности за свой край, за свою страну.

Что надо сделать, чтобы люди пришли на референдум, чтобы они почувствовали ответственность за свой край, за свой округ? Вот для этого власть и должна предпринимать все шаги, все меры, чтобы человек понял: он, а не кто-то другой, решает сейчас свою судьбу и судьбу региона и России.

Мы за эти годы утратили вот это самое чувство ответственности за страну, утратили одновременно с чувством гордости за народ. Когда 20 лет назад говорили, что 90% платины страны – это Красноярский край, что 76% меди страны – это Красноярский край, когда мы говорили, что единственный в Советском Союзе энергоизбыточный регион – это Красноярский край, я без пафоса говорю – гордился этим! Это была правильная идеология. И если от этой идеологии убрать: «благодаря чуткому руководству коммунистической партии у нас самая...» и оставить только «благодаря тому, что у нас такой трудолюбивый, талантливый народ, у нас самая...», то это и будет национальной идеей.

– Но, казалось бы, в чём убеждать людей, ведь и вправду против здравого смысла не поспрешь?

– Знаете старый анекдот с присказкой: «А мне по барабану»? Вот этого надо бояться больше всего. Но, надеюсь, сибиряки – мои земляки не подведут.

МНЕНИЕ НАРОДА

– Как вы думаете, если Красноярский край объединится, то его примеру последуют другие регионы, страдающие от раздробленности?

– Отвечу коротко: об этом хотелось бы только мечтать.

– Многие ставят вопрос радикально: нужно объединять весь Енисейский меридиан. Это своевременные разговоры?

– Не хотелось бы вести эти разговоры вести до того, как на эту тему не выскажутся сами жители Хакасии. Хакасия – не буханка хлеба: можно взять, а можно не взять, присоединить или не присоединить: Здесь ничего не должно быть насильственного. Наоборот всё должно быть направлено на то, чтобы пришло понимание необходимости такого объединения. Ведь Хакасия являлась неотъемлемой частью грандиозного проекта семидесятых-восемидесятых годов. Ее экономика прочно вписывалась во все экономические связи региона. Но решать людям. Это ведь как в семье: насильно мил не будешь, когда два человека женятся, они друг к другу присматриваются, прицениваются, задают вопросы: а где мы будем жить? кто будет домохозяйкой, а кто зарабатывать деньги?

– Вы представляете федеральную исполнительную власть. По вашему мнению, после объединения Красноярского края изменится нынешняя не самая справедливая модель взаимоотношений центра и регионов? Вы ведь, наверняка, знаете об известной идее «регионов-локомотивов», которую пропагандирует красноярский губернатор Александр Хлопонин? Президент ее одобрил, но что-то пока не видно изменений в региональной политике.

– Эта идея витает давно, и я слышал об этой концепции не только от Александра Геннадиевича. Я её поддерживаю, потому что российские регионы отличаются сильно по своему экономическому, социальному и культурному потенциалу. Поэтому должны появиться такие локомотивы, которые будут везти весь состав. Я считаю, что у регионов должна быть большая самостоятельность. Но я бы хотел, чтобы регионы в то же самое время делили некую часть ответственности с федеральной властью. Не заменяли, не подменяли друг друга, а именно делили бы ответственность:

Вообще я считаю, что очень многие жизненные вопросы можно было бы решать с помощью референдумов. Многие проблемы, которые решаются на федеральном уровне, должны, на мой взгляд, сначала выноситься на всенародное обсуждение. Тогда и ошибок будет меньше, и недопонимания между центром и регионом.

КОМАНДНЫЙ ДУХ

– Некоторые политологи считают вас одним из наиболее вероятных кандидатов на пост губернатора объединенного Красноярского края? Есть в этих предположениях хоть доля истины?

– Я не хочу обижать тех, кто хотел бы меня видеть во главе объединённого края. Для меня это назначение, безусловно, стало бы высокой честью и огромным доверием. Я достаточно хорошо знаю край, знаю, насколько ответственна и сложна эта работа: Но, подчеркну: я человек командный. За годы работы в МЧС была создана крепкая команда людей, которые пришли в эту службу по моему зову. То, что создано и сделано, бросать жалко. И еще. Не в моих правилах шагать по чьим-то головам и делать карьеру невзирая на все.

– Сергей Кужугетович, признайтесь, тянет ведь иногда вас вернуться в места, связанные с вашей молодостью?

– Вы опять в десятку попали. Конечно, тянуло и тянет. Не раз возникали такие мысли: оставить всё, собраться и уехать в Сибирь. Но опять же – команда. Мы собирали людей со всей страны. Многие отказывались от престижного места с гораздо большей зарплатой, социальным обеспечением и приходили работать к нам. Ребята заканчивали МГИМО, МГУ, у них были прекрасные перспективы, но они выбрали профессию спасателя. Оставлять их я не имею право. Другое дело, когда будет понятно и очевидно, что созданное нами переходит в надёжные руки: ведь вечных людей нет и незаменимых тоже. Вот эти мысли и удерживают меня на том месте, где я сейчас работаю.

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

– Перед нашей встречей специально посмотрел последние социологические опросы. По популярности вы опять на втором месте после президента...

– Будь они неладны! (морщится).

– ...тем не менее вы уже держитесь десятков лет в тройке самых популярных политиков. Популярность мешает или помогает?

– Мешает. И я бы хотел, чтобы мою фамилию убрали из этих опросов. Мне эти опросы, кроме вреда, ничего больше не приносят, потому что они были бы важны и интересны, если бы я собирался идти избираться в большую политику, но я этого категорически не собираюсь делать. Я люблю своё дело, люблю свою работу, люблю своих ребят. В конце концов, ещё многое надо сделать, поэтому тысячу раз могу повторить по поводу политических амбиций: их нет, нет и ещё раз нет!

– Но, судя по некоторым публикациям, не всем нравится Сергей Шойгу. Как вы думаете, у настоящего мужчины должно быть много врагов?

– Враги должны быть, я нормально к ним отношусь. А к заказным всяким вещам – ну, на то они и заказные – я к ним как к перхоти отношусь.

– Любовь к работе и любовь к семье – нет ли конфликта? Ведь, наверняка, вы не можете семье уделять много внимания.

– У меня абсолютно полное понимание со стороны близких и родных.

– Власть даёт многое, но и отнимает немало. Вы ни разу не пожалели, что стали большим начальником?

– Даже не десяток раз пожалел, гораздо больше. Конечно, я вспоминаю те времена, когда я был абсолютно свободным студентом, когда в заднем кармане джинсов лежали 3 рубля и мне ничего больше не надо было. Я иду по улице с друзьями в роскошной футболке, в вельветовых башмаках. Да, славные были времена.

– А что мешает все это поменять?

– В первую очередь, ответственность перед людьми, перед родителями, перед страной. Может быть, это высоко сказано, но тем не менее это так и никак иначе.

2005

Вячеслав Володин:

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ДАВАТЬ СОВЕТЫ...»

Мифов о «Единой России» предостаточно. Говорят, «медведи» подмяли под себя всю партийную систему России; якобы сегодня нельзя и мечтать о серьезной карьере без членского партбилета «партии власти»; дескать, скоро эта партия расколется на некие либеральные и консервативные крыла и т.д. и т.п. «Вечерка» воспользовалась недавним визитом в наш город одного из главных «единороссов», секретаря президиума генерального совета «Единой России» Вячеслава Володина, чтобы попытаться понять, где мифы, а где реальность.

БАНКРОТСТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

– В 2003 году, выиграв выборы в Госдуму, «Единая Россия» заявила, что берет на себя всю ответственность за происходящее в стране. Не тяжела ли оказалась «шапка Мономаха»?

– В 90-х годах, когда партии ответственность делили равномерно, страну обанкротили. Обанкротили сельское хозяйство, обанкротили промышленность, растащили недра. Вот вам, пожалуйста – равномерное распределение ответственности. Мы сегодня эту ответственность взяли на себя и видим, что по ключевым вопросам роль государства возрастает – права граждан государство начинает защищать. Самое главное, что нам удастся сохранить стабильность, которая является основой для экономического роста.

– Давайте договорим до конца: в 90-х годах мы реально стояли перед опасностью развала страны.

– Это действительно так. Налоги перестали платиться, каждый регион стал зачислять их себе в региональный бюджет, и многие республики приняли свои суверенные конституции. Осталось всего ничего, и страна просто бы рассыпалась. Путину и «Единой России» пришлось все отстраивать заново. Причем мы действовали в рамках правового поля, которое нам отвела Конституция. Выходили на решения, которые повысили управляемость, которые повысили ответственность и заставили чиновников заниматься тем, чем они должны: те, кто руководит исполнительной властью, – хозяйственными функциями, те, кто политикой, – политикой.

– Цели уже достигнуты? Или мы все еще в промежутке?

– В основном эти проблемы уже решены. Возьмем хотя бы межбюджетные отношения. Вы помните, годами не выплачивались детские пособия, мы их взяли на федеральный уровень – стали вовремя платить детские пособия. Передали их на региональный уровень и теперь говорим губернаторам: «Пожалуйста, есть у вас дополнительные доходы – выплачивайте большее детское пособие, это ваше право, это ваш мандат, если у вас на это есть доходная база».

ВСЕ ВПЕРЕДИ!

– Вы не обижаетесь, когда вас называют «вторым изданием КПСС»?

– Все хорошее, то, что было в вопросах партийного строительства в прошлые годы, нужно использовать. Что-что, а с людьми тогда умели работать, и этот институт был достаточно эффективен. Но нас ни в коем случае нельзя равнять с КПСС, потому что это была монополярная партия. Более того, КПСС срослась с государствен-

ным аппаратом, и фактически это была государственная машина. Мы же сегодня находимся в сложной борьбе с другими партиями, причем в серьезных конкурентных условиях.

Возьмем Красноярский край. Здесь губернатор – член нашей партии, мэр – сторонник. Теперь вспомним Волгоградскую область. Там губернатор – член КПРФ, и практически все его заместители являются членами КПРФ, то же самое во Владимирской области, такая же ситуация была до недавнего времени в Курской области, на сегодняшний день на Камчатке губернатор – член КПРФ.

– И все же откройте страшную тайну – правда ли, что для успешной карьеры сегодня в кармане необходимо иметь партбилет «единоросса»?

– Мнение неправильное. Да, сегодня мы стали массовой партией – у нас более 925 тысяч членов партии. При такой массовости у нас есть представительство интеллигенции, рабочих, крестьян, военных, есть и чиновничество, но всего в меру. Мы сейчас начинаем подтягивать молодежь. Но есть одно серьезное «но». Имея конституционное большинство в Госдуме, представители «Единой России» не возглавляют правительство и ключевые министерские посты. У нас в правительстве – один вице-премьер, министр МЧС и министр сельского хозяйства.

– Зато какие министры!

– Какие министры: они у нас умные, талантливые, энергичные! Но к реальным деньгам-то их не допускают! А вы говорите про членство в «Единой России»: Вот членство в СПС: Им дают доступ к монополиям, к деньгам, к международным валютным фондам. А членство в «Единой России» лишь добавляет ответственности и спроса. Об этом можно сказать действительно откровенно. Если ты в партии, то с тебя спрашивают.

– Мне кажется, у вас все впереди...

– А это другое дело, когда все впереди. Но пока не забывайте, что «Единая Россия» - партия, зачастую оппозирующая правительству, что бы там про нас ни говорили.

– В прессе сейчас много разговоров о расколе «Единой России». У вас на самом деле началась какая-то фракционная борьба?

– Речь не идет о создании фракций, речь не идет о создании каких-то там «крыльев» – речь идет о продолжении дискуссий внутри партий по проблемным вопросам. Сейчас вырабатываются реальные рецепты решения этих проблем. Допустим, в вопросах сельского хозяйства: мы создали две рабочие группы, одну возглавил Шаймиев, другую – Кулик. Причем Шаймиев в решении этой проблемы использует более либеральный подход, Кулик – более консервативный. Но мы должны изучить оба рецепта, чтобы понять, какой применять, чтобы сельское хозяйство страны развивалось. И таких тематических блоков несколько – это образование, здравоохранение, оборона.

ОХОТА И ПОЛИТИКА

– В политике не редкость грязные приемы. Лично вам часто наносили удар в спину?

– Бывало, но заикливаться на этом не стоит. Просто нужно это пережить и понимать, что в политике эти приемы достаточно распространены.

– А способы защиты от таких приемов существуют?

– От этого защититься полностью невозможно. Понятно, что переживаешь, понятно, что переживает твоя семья. Но грязь, «черные» технологии – с этим приходится сталкиваться достаточно часто.

– Власть затягивает?

– Я бы сказал по-другому: не власть затягивает, а просто формируется образ жизни, когда утром встаешь и тебя тянет на работу. Ты привыкаешь к этому ритму, к этой гонке и останавливаешься лишь тогда, когда чувствуешь, что нужно передохнуть. А когда проходит 2-3 дня, тебя вновь тянет на работу – к общению, к этой динамике. Хотя моя семья, конечно, мечтает о другом. Но я всегда им говорил, что есть и в этом «другом» свои изъяны.

– У вас растет дочь. У нее сейчас сложный период – сдает экзамены в школе. Не чувствуете, что обделяете ее отцовским вниманием?

– Чувствую, поэтому стараюсь уделять ей время, как только могу. Поэтому, если у меня выдается выходной, обязательно уделяю это время семье. Ходим вместе в кино, театр. Смеяться будете, но недавно даже на охоту их брал. И знаете, им понравилось! Хотя охоты для меня не получилось, но была хорошая прогулка по лесу.

– Кстати, никогда не проводили аналогию между политикой и охотой?

– Моральные вещи на охоте соблюдаются более трепетно, чем в политике, там есть определенные принципы, через которые нельзя переступить.

– Например?

– Нельзя стрелять в самых маленьких, в самок, в период, когда они вынашивают детенышей. А что касается политики: здесь ограничений, как правило, нет. Если захотят, то удалят.

2005

Сергей Сокол:

«ИЩУ ПРОДВИНУТУЮ МОЛОДЕЖЬ!»

Заместитель губернатора Сергей Сокол работает в кабинете, который до него занимали Шалва Бреус и Людмила Селиванова. Персоны пусть неоднозначные, но яркие и в администрации Лебеда пользовавшиеся большим влиянием. Сергей Михайлович в команде нынешнего губернатора тоже играет не последнюю роль. В зоне его ответственности – ТЭК, отношения с олигархами, алкогольный рынок, промышленность... Заметно выделяют его среди других заместителей Александра Хлопонина подчеркнутый «дендизм» в стиле поведения и эпатирующая консервативных сибиряков внешность.

– Ходили слухи, что губернатору долго пришлось уговаривать вас переехать в Красноярск...

– Это только слухи. Предложение Александра Геннадиевича поработать в администрации совпало с вектором моих устремлений. Мне интересно было попробовать себя в новой ипостаси. Тем более, что с Хлопонным мы знакомы давно. В 1997 году, когда я возглавил «Норильскгазпром», он рулил «Норникелем». Отношения наших структур были тогда враждебными. Но уже через несколько месяцев они стали партнерскими. Так что я не удивился такому повороту судьбы.

ВСЛЕД ЗА ЛЕДОКОЛОМ...

– В администрации края работают люди разных поколений. Трудно находить общий язык с

чиновниками, воспитанными еще советской системой?

– Без проблем. Идеология-то у нас ясная – достижение результата. А люди в администрации работают профессиональные, поэтому неважно, кто из какой системы вышел. Одно из достижений губернатора – он сумел создать команду из людей, пришедших в администрацию из разных систем. Хлопонин в этой команде – капитан, и его слово – закон.

– А какая у вас роль в этой команде? Если провести футбольную аналогию, вы – защитник или форвард?

– Футбол не относится к «моим» видам спорта. Мне больше по душе теннис... Да, иногда приходится выступать в роли защитника. Но вообще-то роль форварда мне больше по душе. И я строю работу своего блока в атакующем ключе. Например, нельзя отсиживаться в обороне, когда начинается реформа РАО ЕЭС. Иначе край загонят в прокрустово ложе «усредненных тарифов».

– Соглашения, которые сейчас подписывает краевая администрация с олигархами, это прорыв или просто «пакт о ненападении»?

– Хочу подчеркнуть, что это не «пиаровские» соглашения. Главная их цель – установление прозрачных и взаимоприемлемых правил игры. В процессе подготовки соглашений мы провели кардинальную инвентаризацию интересов краевой власти и ФПГ, работающих в регионе. Нас, конечно, интересовали, в первую очередь, две темы: налоги и социальное партнерство. В результате мы сумели расчистить площадку для движения вперед. И уже в ближайшее время результат этих договоренностей позитивно скажется на краевой казне.

– Вы как-то заметили, что 95% успеха в переговорах с ФПГ принадлежит Хлопонину. Ранее Сели-

ванова говорила, что все благополучие края зависит от ее личных отношений с руководителями «Норникеля». А на более прочном фундаменте отношения строить нельзя?

– Позволю себе такое сравнение. Есть атомный ледокол, а есть суда ледового класса. Атомный ледокол (в нашем случае – это губернатор) прорубает путь, а за ним уже идут все остальные. В результате лед отступает. Именно так и наша команда старается выстроить свои отношения с ФПП. Наши договоренности не носят кулуарного характера – они публичны и системны, а это гарантия того, что после очередных губернаторских выборов новой администрации не придется начинать с нуля.

МЕНЕДЖЕРЫ-ГОСУДАРСТВЕННИКИ

– **Что, на ваш взгляд, люди, познавшие вкус больших денег в бизнесе, могут найти во власти и что отдать взамен?**

– Бизнесмен во власти, как правило, очень хорошо ориентируется в современной экономике, и его не проведешь на мякине. Но, естественно, во власти начинаешь оценивать многие вещи с социальной колокольни. Налоги, занятость, отношения местных органов власти с энергетиками... Но вообще разница между бизнесом и госструктурами колоссальная. Бизнес всегда ориентирован на результат, а вот во многих бюджетных организациях почему-то торжествует сам процесс. Мне это не нравится, и я пытаюсь это искоренить. В этом плюс менеджерского подхода. А что дал поход во власть? Прежде всего – расширение жизненного горизонта и способность видеть мир более целостно.

– **Оппоненты нынешней администрации утверждают, что пора становиться государственным**

ми, а не только менеджерами. Менеджер, государственный – сочетаемые вещи?

– В силу своего нынешнего статуса мы не можем не быть государственниками. Но, видимо, существует разное понимание этого термина. Если государственным считают того, кто для решения проблем предпочитает показывать кулак, то это не про нас. Мы серьезно озабочены падением авторитета власти, но возвращать его с помощью выкручивания рук не будем. Мы умеем воевать, но этим опасным способом можно пользоваться в исключительных случаях. Чревато!

СЛУШАЙТЕСЬ РОДИТЕЛЕЙ!

– Несмотря на молодость, вы уже добились многого. За счет чего?

– Родители дали мне очень хорошую базу. В свое время именно они советовали мне поступать в МГИМО, хотя я собирался пойти в военное училище – мечтал стать разведчиком. Но папа убедил, что профессия дипломата не хуже. Так что всегда нужно слушаться родителей. Ну а потом все уже зависит от тебя. Нужно уметь использовать шансы, которые предоставляет жизнь. Они даются всем, но не все делают правильный выбор. Я, например, никогда не думал, что буду работать в газовой отрасли, но тем не менее уже в 26 лет возглавил «Норильскгазпром».

– Да, крайне неожиданный поворот...

– После окончания МГИМО я поработал в МИДе, служил в посольстве в Эквадоре. В 1994 году вернулся в Россию. В кармане было пусто. На шее родителей сидеть не хотелось. Поэтому сделал выбор в пользу бизнеса. Вроде бы получилось.

– Есть ли сегодня шанс у неглупого парня рабоче-крестьянского происхождения пробиться наверх?

– Когда поднималось нынешнее поколение тридцатилетних, возможностей, конечно, было больше, но и риск был немалый. Можно было как взлететь, так и упасть. Сегодня ситуация стабилизировалась, и путь наверх у нынешних выпускников вузов более безопасный. Все-таки сейчас не советская система, когда карьера шла по очень узкому коридору: комсомол, профсоюзы, партия. Я, кстати, убежденный сторонник привлечения молодежи в администрацию. Если человек профессионал, то при чем тут возраст? Зря думают, что администрация края – какая-то замкнутая структура, куда без связей не попасть. Я хочу предложить ректорам ведущих вузов Красноярска прислать к нам на практику лучших студентов. Чтобы мы могли на них посмотреть и лучших из них оставить здесь работать.

– **А захотят ли они остаться? Хлопонин жаловался, что никто не хочет работать за те деньги, которые сейчас платят в администрации.**

– Деньги и вправду небольшие, зато опыт приобретается крайне полезный. Я, например, нисколько не жалею о том времени, когда работал в МИДе. Зарплаты тоже едва на жизнь хватало, но именно там я понял принципы, по которым в России строится система власти. Потом мне это очень пригодилось в бизнесе.

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА

– **Вы закончили МГИМО. Знание языков помогает в жизни?**

– Не рискну заявить, что полноценно знаю языки. Неплохо говорю по-испански, чуть хуже – по-английски. В институте изучал сингальский язык. Это государственный язык Республики Шри-Ланка. Сингальский язык – самый полезный. (Смеется.) Их письменность можно

использовать для шифровок со стопроцентной гарантией, что никто ее не разгадает.

– Ваши жена и сын до сих пор живут в Москве. Как переносите разлуку с родными?

– Жена достаточно часто приезжает в Красноярск, а вот сын постоянно находится в Москве, и по нему я сильно скучаю. К сожалению, даже если бы я перевез их в Красноярск, то не факт, что мы виделись бы чаще, – слишком много работы. Ухожу рано, прихожу поздно.

– Сергей Михайлович, а к чему эти жертвы? Работа на износ, без семьи...

– Наверное, у каждого своя мотивация. Кому-то просто «в кайф» ощущать себя начальником. Но я к ним не отношусь. Мне просто интересно работать в этой сфере. Не надо делать из меня такого уж упертого трудоголика. Отдыхать я тоже умею. Наверное, уже все в Красноярске знают, что я люблю мотоциклы.

СКОРОСТЬ – НЕ ГЛАВНОЕ...

– Откуда это увлечение?

– Хотел бы подчеркнуть, что это только одно из моих увлечений. Просто оно на виду и достаточно необычно для чиновника. Я катаюсь уже года четыре. До этого считал байкеров самоубийцами, но потом один мой хороший знакомый сумел меня этим хобби зацепить. Для меня езда на мотоцикле – то же самое, что для многих людей прогулки в лесу. Просто ощущения более острые. Я не поклонник бешеных скоростей. Удовольствие можно получить и от спокойной езды.

– Как оцениваете перспективы красноярского байкерства?

– Сейчас в Красноярске ситуация примерно такая же, как в Москве в конце девяностых годов. Мотоцик-

лов мало, энтузиастов больше. Единственная проблема: культура вождения в Красноярске на низком уровне. Мотоциклисты здесь больше рискуют, потому что к ним еще не привыкли. А потенциал у красноярского байкерства очень большой.

– Как ваши «мототоварищи» относятся к тому, что рядом с ними на «Харлей Дэвидсоне» гоняет заместитель губернатора?

– Сначала я очень радовался, что они меня не узнавали. Я был в каске, в очках – все как положено. Отношения выстраивались без напряжения. Потом, конечно, узнали о моей работе. Но к этому моменту я уже был «своим» в компании и каких-то жутких проблем не возникло. Заместители, губернатора ведь тоже могут быть нормальными людьми!

2003

Сергей Субботин:

«НАШЕ ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ – ИНТЕЛЛЕКТ»

К органам государственной безопасности в нашей стране всегда было крайне противоречивое отношение. Одни ими восторгались, другие ненавидели, но вряд ли кто-то будет оспаривать тот очевидный факт, что в истории России последнего столетия спецслужбы сыграли значительную роль. И кто знает – смогла бы наша страна воскреснуть после смутной эпохи девяностых годов, если бы вслед за КПСС удалось разрушить и отечественную службу госбезопасности. Чекисты устояли под мощнейшим напором внутренних и внешних врагов, и, наверное, вполне закономерно, что именно их представитель сейчас возглавляет нашу страну.

Накануне профессионального праздника «бойцов невидимого фронта» главный редактор «Вечернего Красноярска» встретился с начальником регионального управления ФСБ России по Красноярскому краю Сергеем Субботиным. Это первое интервью, которое Сергей Дмитриевич дал СМИ за три года работы в нашем регионе.

ОТ КГБ ДО ФСБ

– Чем Федеральная служба безопасности отличается от КГБ времен Андропова?

– Прежде всего радикальным отличием исторических эпох. Раньше СССР был одной из двух сверхдержав, окружен союзниками из стран Варшавского Договора, надежно защищен границами. В стране существовал

отлаженный административный режим, передвижения иностранцев, а также выезд за границу наших граждан были строго регламентированы. Но самое главное – у подавляющего большинства советских людей был высок уровень патриотизма, который поддерживался идеологией КПСС. Безусловно, все это создавало весьма комфортные условия для работы КГБ.

Сегодня мы живем в другом, меньшем по размеру государстве. Международный авторитет России только начинает набирать свой вес. Не все из наших бывших союзников, а также ставших суверенными государств из числа республик бывшего СССР стремятся дружить с Россией. Некоторые из них вообще оказались в другом лагере и ведут разведывательную работу против нас. Огромных финансовых затрат и времени требует обустройство новых внешних границ Российской Федерации. Территория нашей страны стала открытой для посещения иностранцев, свободен выезд за границу российских граждан.

В целом возможности по проведению разведывательной деятельности против нашей страны существенно расширились. Реальную угрозу для безопасности и целостности страны представляет международный терроризм. Поэтому, естественно, для адекватного ответа на новые вызовы и угрозы существенно изменились задачи органов ФСБ. Я бы сказал, она стала более востребована для защиты интересов страны, чем КГБ в советскую эпоху.

К этому следует добавить, что в настоящее время деятельность ФСБ регламентирована федеральными законами, она подконтрольна парламенту, прокуратуре и суду, чего в советской спецслужбе не было.

– Вы упомянули КПСС. Многие называли КГБ главным репрессивным инструментом этой партии. Преувеличивали?

– «ВЧК – это вооруженный отряд партии», – сейчас не помню, кто сказал эту крылатую фразу, Ленин или Дзержинский, но она, по сути, оставалась актуальной вплоть до развала КГБ. Идеологией и партийностью была пропитана вся наша работа. С позиции сегодняшнего дня это, конечно, плохо, но тогда партия и страна, КПСС и СССР, Родина были однотипными понятиями, неотделимы друг от друга. Поэтому мы, занимаясь обеспечением безопасности страны, защищали и партию.

Что касается «репрессивного инструмента», то в период моей службы этого не было. В 70-80-е годы в Волгоградском управлении КГБ, где я тогда работал, не было ни одного уголовного дела по так называемым политическим статьям. Более того, позиция Андропова, которая неоднократно излагалась в нормативных документах комитета, была однозначной – главное, не допустить совершения преступления, не дать человеку встать на путь предательства. Поэтому главной нашей работой была профилактика, использование в этих целях административных рычагов, возможностей общественности. Видимо, уже дело историков подсчитать, сколько граждан таким образом мы спасли от тюрьмы.

– Раньше в числе постоянных «клиентов» госбезопасности помимо шпионов были диссиденты.

– Честно говоря, работая в КГБ, я не видел ни одного диссидента, имея в виду тот смысл, который вкладывается в это понятие. Да, приходилось и мне встречаться с людьми, которые были критично настроены к тогдашнему политическому режиму. Но свою задачу я и мои коллеги видели в том, чтобы эта критичность не перерастала в статью УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда», и мы эту задачу решали.

ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

– Сильно ли изменилась за эти годы содержательная часть работы службы безопасности, ее методы?

– Главная задача деятельности любой спецслужбы – это добывание информации об угрозах безопасности государства, принятие мер по их нейтрализации. В этом смысле принципиальных отличий в содержании работы я не вижу, конечно, с учетом изменившихся международных приоритетов, законодательства, условий работы и т. д.

А что касается методов, то они тоже старые, как этот мир. Конечно, развитие информационных технологий, компьютерной техники шагнуло далеко вперед, но в нашем деле по-прежнему все зависит от профессионализма и творчества оперативного работника.

– **А научно-технические вызовы XXI века – красноречивым чекистам по силам ответить на них?**

– Я думаю, по силам, хотя иностранные спецслужбы здесь имеют преимущество. И дело тут не только в нашем техническом отставании, но и в российской безалаберности и беспечности. В 90-е годы в страну хлынул поток импортной компьютерной техники. Устанавливали ее без всякой проверки и сертификации в государственных и научных учреждениях, предприятиях оборонной промышленности. А сегодня мы выявляем факты, когда информация из этой техники без ведома нынешних владельцев уходила по компьютерным сетям к поставщикам, а стало быть, и в иностранные спецслужбы. Это есть не что иное, как проявление высокотехнологичной разведывательной деятельности против нашей страны.

Да, сегодня мы технически слабее, но интеллектуально сильнее, поэтому найдем способ противодействия

этой угрозе и, думаю, в свое время приоткроем общественности некоторые из дел, над которыми сегодня работаем.

– Кто из наших соотечественников сегодня наиболее интересен для иностранных разведок?

– В первую очередь, это те люди, которые располагают или имеют доступ к той информации, которая интересует на данный момент времени правительства иностранных государств. Традиционно их интересует готовность нашей страны к отражению военного нападения, ядерной атаки, новейшие военно-технические разработки, степень охраны объектов атомной промышленности и т. д. В последние годы акцент делается на изучение политической ситуации в стране и регионе, возможных сценариев развития событий, политической элиты, лидеров, гражданского общества, перспективной молодежи, поиск среди них потенциальных деятелей государственного масштаба, могущих в перспективе влиять на политику России. Причем в подавляющем большинстве случаев эта работа проводится легально, т. е. без нарушения законов нашей страны, прав гражданина, и зачастую человек не догадывается, что стал объектом интереса разведки, так как используется он втемную, а это нередкая практика всех спецслужб.

– Которые мечтают сделать из них «агентов влияния»?

– В конечном итоге да, но в применении к Красноярску такой сильный термин я, наверное, все-таки не рискнул бы употребить.

ШУМИХА ДЕЛУ НЕ ПОМЕХА

– В последнее время российских ученых нередко обвиняют в продаже государственных секретов.

Чего только стоит известное дело физика Данилова. Неужто нашу науку так обуял бесребролюбия?

– Про «дело Данилова» сказано уже столько... Подчеркну только одну деталь: то, что он передал китайцам, – это не только его личное достижение, и создано оно было не на пустом месте, до него и вместе с ним над этой секретной темой работало много ученых, финансировало эти разработки государство. Поэтому предал он не только Родину, но и своих коллег. Как сказал один из свидетелей, «Данилов нанес ущерб межгосударственным отношениям и подорвал доверие к российским ученым». В этой связи меня возмущают публикации в некоторых СМИ, где осуждение Данилова преподносится как начало «гонения ФСБ на российских ученых». Бред какой-то.

– Общественный резонанс от таких дел нервы не портит?

– По крайней мере, лишнего здоровья от него не прибавляется. Но доподлинно известно, что поддержку в СМИ Данилова и подобных ему предателей организовали и профинансировали зарубежные фонды и их политизированные представители в России. Цель одна – сделать из изменников «героев, гонимых властью», использовать их в качестве инструмента для нападков на проводимый в стране курс.

У нас в стране в бедственном положении находятся дети-беспризорники, инвалиды, старики, которым действительно нужна материальная поддержка, гуманитарная помощь от тех же зарубежных фондов, но на них денег не хватает, а вот на поддержку публикаций о предателях – пожалуйста. Спрашивается, почему?

– Про шпионов писать интересней. Опять же рейтинг...

– Наверное, не только интересней, но и выгодней. Но общественность должна знать правду, и мы по завер-

шении процесса ее сказали, но только по завершении, а не раньше. А сколько вымыслов и инсинуаций было вылито в СМИ до суда и в ходе судебного заседания! Причем со слов людей, которые толком не знали существа дела и предъявленного обвинения, да им это, похоже, и не надо было. Их цель состояла в одном – лишний раз показать себя и покритиковать власть, придав уголовному делу политическую окраску.

ЦЕНА СПОКОЙСТВИЯ

– Чума XXI века – терроризм. Насколько реальна эта опасность для Красноярского края?

– Объективно ни один регион, а тем более Красноярский край, где сосредоточено столько привлекательных для террористов предприятий, не застрахован сегодня от такой атаки. Главное – повысить защищенность этих предприятий. Научить руководителей, да и простых граждан, правильно отреагировать на признаки террористической угрозы, тем самым минимизировать возможные ее последствия. На решение этой задачи нацелена работа региональной антитеррористической комиссии, которая, кстати, недавно была признана одной из лучших в России.

Задача оперативных подразделений органов безопасности и внутренних дел выявить на самой ранней стадии признаки подготовки теракта и предотвратить его. Сразу скажу: задача не из легких, да и опыт только нарабатывается, но определенные положительные тенденции имеются. Не раскрывая всех наших секретов, приведу один пример.

В начале этого года от одного из задержанных нами бывших членов незаконного вооруженного формирования, действующего в Чечне, мы узнали, что главарем этой банды была поставлена задача: совершить теракт

на заводе «Красноярские волокна». Нам к тому времени было известно, что предприятие находится в черте города, окружено жилым массивом, на нем хранятся опасные химические вещества, подрыв которых может привести к значительным человеческим жертвам. Предприятие находилось в предбанкротном состоянии, производственной деятельности не осуществляло и, по сути, не имело охраны. Все эти данные говорили о том, что теракт реален и принесет желаемые для его организаторов последствия.

В течение 2 месяцев личный состав РУФСБ, ГУВД, СибУВДТ, ГО и ЧС, ответственные работники краевой и городской администрации работали в усиленном режиме. В короткий срок химически опасные вещества, несмотря на технические сложности, были эвакуированы, усилена охрана предприятия, перекрыт въезд в город, усилено патрулирование прилегающих улиц, проведена проверка паспортного режима в местах возможного пребывания исполнителей. Работа была проделана огромная.

– **И результат?**

– Мы с вами сидим и спокойно говорим об этом.

– **Действуют ли на территории региона радикальные исламистские секты?**

– Угроза такая существует. Вербовщики из подобных сект заезжают и в наш регион. Опасность заключается в том, что они могут привнести радикальные формы ислама, запускающие экстремистские и террористические методы расширения своего влияния, разрешения межконфессиональных противоречий. Представители этих сект пытаются закрепиться на нашей территории, использовать в своих интересах традиционные мусульманские организации и различные национально-культурные общины. Обещают деньги, помощь, занимаются вербовкой.

– Успешно?

– Массовых успехов не отмечено, но двух красноярских девушек-студенток в свою сектантскую веру они смогли обратить. Но в целом могу сказать, что в Красноярском крае подобные организации вольготно себя не чувствуют.

ПРИЗРАК РАДИКАЛИЗМА

– На ваш взгляд, представляют ли опасность для общественной стабильности молодежные группировки? Или слухи о тех же скинхедах слишком раздуты?

– Как раз эту опасность я бы не переоценивал. Посудите сами: в крае, согласно статистике, около 500 тысяч молодых людей, а в организациях, где можно найти элементы экстремизма, состоит не больше 150 человек. А если брать активистов, то их вообще 10-15. Они часто мелькают в новостях, поэтому и создается такой эффект многочисленности. Мы эту аудиторию наблюдаем с единственной целью: чтобы они по молодости лет не пришли к настоящему экстремизму – взрывам, поджогам, межнациональной ненависти и не испортили себе жизнь в самом ее начале. Яйца, летящие в чиновников, памятники, испорченные краской, – это, конечно, хулиганство, цель которого привлечь к себе общественное внимание.

– А вот, судя по столичным телеканалам, в Москве экстремистской молодежи хватает...

– Телевидение – великий волшебник. Поверьте, там соотношение нормальной и, назовем так, политически «буйной» молодежи примерно такое же, как и в Красноярске. Просто столица раз в десять больше, чем краевой центр, поэтому и создается впечатление, что они там по

улицам толпами ходят. Я, конечно, осуждаю хулиганские поступки, но, в конце концов, это же наши дети! Видимо, надо их активность направить в нужное русло – учебу, спорт, саморазвитие и быть более внимательным к их проблемам. Они ведь не только яйцами кидаются, многие из них хотят социальной справедливости, сильной России.

ОПАСНОСТЬ № 1

– Вы можете назвать опасность № 1, которая угрожает Красноярскому краю?

– Если смотреть стратегически, то самая серьезная опасность, которая нам угрожает, это темпы сокращения людских ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке. Высокая смертность, низкая рождаемость, отток населения сопровождается приходом на их место больших групп людей, представляющих другие культуры. В последнее время много говорят о китайской экспансии. Но, как говорится, свято место пусто не бывает, и, может быть, китайцы сюда приходят, потому что мы уходим?

– У вас есть рецепты решения этой проблемы?

– Они очевидны. Нужно, чтобы уровень и продолжительность жизни людей были провозглашены в качестве национальной идеи, и оценка работы федеральных и местных руководителей и чиновников давалась именно исходя из этих двух критериев. Нужно автоматически предоставлять гражданство Российской Федерации представителям народов, исторически проживающих на нашей территории. Нужна помощь государства в их расселении и обустройстве в Сибири и на Дальнем Востоке. Нужно навести порядок в трудовой миграции, при котором количество, специальность и место работы иностранцев должны соответствовать реальным потреб-

ностям экономики и трудовым ресурсам территорий, а работодателям было бы невыгодно использовать труд незаконных мигрантов.

– Мы говорим о выживании, а вам не кажется, что по-настоящему сильные, пассионарные нации по-другому ставят вопрос: как идти вперед, расширяться?

– Мы видим, что президент именно так и ставит вопрос. Другое дело, что после того, что произошло с нашей страной в девяностые годы, нужно время для восстановления имевшегося потенциала, нужна стабильность, а уж потом двигаться вперед.

ФОРМУЛА ПАТРИОТИЗМА

– Приходилось слышать такое мнение, что Россия устояла в смутную эпоху девяностых годов во многом только благодаря спецслужбам. Вы разделяете эту точку зрения?

– Я бы сказал так: и благодаря спецслужбам тоже. Страна, обладавшая мощнейшей экономикой и крепким по духу народом, не могла рухнуть. Государственников, патриотов у нас всегда было много, а в КГБ – ФСБ они всегда составляли и составляют основной костяк кадров, потому как эти два понятия являются основной базой нашей деятельности.

И в те годы, несмотря на мощный пропагандистский «накат» на нашу организацию, нищенское денежное содержание, сильный отток профессиональных кадров, большинство моих коллег занималось своим основным делом – защитой Отечества.

– Многие обвиняют сегодня Путина, что он отдал все ключевые государственные должности вашим коллегам. Способны ли люди, чье призвание

охранять государственные тайны и бороться с предателями, на творческое созидание?

– Президент оказался востребован временем. Появился спрос на государственность, честность и неподкупность. Было понятно, что только такие люди могут восстановить страну. И теперь, что бы ни говорили оппоненты Путина, позитивное движение страны налицо. Придет следующий этап развития России, возможно, будут востребованы люди из других сфер. Поживем, увидим.

Теперь по поводу людей с «сознанием охранников». Пожалуй, не так много можно назвать профессий, где столь востребованы творческие люди. Как когда-то образно говорил мой педагог на курсах КГБ в городе Минске, «контрразведчик – это профессиональный обманщик, который должен обмануть профессионального обманщика (разведчика)». Оперативный работник, разрабатывающий контрразведывательную операцию, должен написать сценарный замысел (в нашей терминологии «план»), отобрать и подготовить участников, каждому отработать роль и легенду, организовать реализацию, добиться результатов, а потом все грамотно изложить в отчете. Вряд ли на такое способны люди с сознанием охранников.

– Интересно, где вы находите таких людей? С кадрами проблем нет?

– Отбор в ФСБ во многом сохранил старые традиции. Требования стандартные: интеллект, высшее образование, отличное здоровье, желательно, служба в армии. Но контингент кандидатов изменился. И, к сожалению, не в лучшую сторону. Найти здоровых по нашим стандартам людей сейчас очень трудно. Кроме того, имидж спецслужб сильно пострадал за последние десятилетия, не можем мы предложить и большую зарплату способ-

ной молодежи. Те, кто потенциально мог бы быть у нас, предпочитают идти в бизнес.

– Формула Дзержинского «чистые руки, горячее сердце, холодная голова» по-прежнему актуальна для органов государственной безопасности?

– Я думаю, что она актуальна не только для нас, но и для всех людей, находящихся на государственной службе. Вообще-то это можно назвать формулой патриотизма и любого порядочного мужчины. Высокие идеалы чиновникам явно не помешали бы.

– Читаете ли вы книги про шпионов, смотрите ли фильмы про разведчиков?

– Да, бывает. Хотя серьезных произведений очень мало. Последние хорошие фильмы на эту тему, которые лично мне было смотреть интересно, – это «17 мгновений весны» и «Мертвый сезон». Сериалы про спецслужбы, которыми сейчас заполнены телепрограммы, к действительности никакого отношения не имеют. Настоящие разведчики или контрразведчики не стреляют. Если контрразведчику пришлось стрелять, значит, он плохой работник. Наше главное оружие – интеллект, а это на экране показать трудно.

2005

Александр Горовой:

«О ВЫБРАННОМ ПУТИ НИСКОЛЬКО НЕ ЖАЛЕЮ»

Человек в погонах стал главной фигурой нынешних дней. Это логично: после эпохи разрушения нельзя сразу перейти к эпохе созидания. Как минимум сначала нужно восстановить порядок. Сегодняшнего гостя «ВК», безусловно, можно назвать одним из героев нашего времени. Александр Горовой, кажется, родился под счастливой милицейской звездой: попав после политехнического института по распределению в ГАИ, он сделал блестящую карьеру, возглавив ГУВД одного из крупнейших регионов России. С главным милиционером Красноярского края мы встретились накануне профессионального праздника, но разговор начался отнюдь не с парадных тем.

МЕРЦАНИЕ «ГОРЯЧЕЙ ТОЧКИ»

– Еще свежи в памяти драматические события в Нальчике. Некоторые назвали ЧП в Кабардино-Балкарии первой серьезной победой силовиков в борьбе с ваххабитами. Вы согласны с этой оценкой?

– Я не знаю всех деталей, поэтому воздержусь от каких-либо категоричных суждений. Но, в целом, могу сказать, что наши коллеги на Северном Кавказе извлекли уроки из трагических событий в Беслане. Все структуры действовали по заранее разработанному плану. Был один центр управления, один руководитель. Именно поэтому удалось ограничиться минимальными потерями.

– Я не случайно начал наш разговор с Северного Кавказа. Вы не раз бывали в длительных командировках в Чечне. До сих пор там несут службу наши ребята. Хотелось бы понять, а зачем там вообще нужны милиционеры из других регионов? Неужели местных сил правопорядка не хватает?

– Сегодня на Северном Кавказе свой конституционный долг выполняют около 300 красноярских милиционеров. Это нелегкий и опасный труд. Я искренне благодарен всем сотрудникам и их семьям. Это не дежурные слова. Несмотря на улучшение ситуации, до полного мира в Чечне еще далеко. Но постепенное сокращение количества сотрудников силовых структур из других регионов идет. В частности, количество сотрудников из Красноярского края, несущих вахту в Чечне, за пять лет сократилось примерно в два раза.

– Александр Владимирович, положив руку на сердце можете сказать, когда все-таки погаснет эта «горячая точка»?

– Этого вам никто не скажет. Меня сильно беспокоит, что в республике выросло целое поколение, которое вместо игрушек осваивало автомат Калашникова. Проблема в том, что законы кровной мести не дают возможности остановить колесо зла. Думаю, здесь свое веское слово должны сказать старейшины.

Не только проблема Чечни, но и других северокавказских регионов – массовая безработица среди молодежи. Вербовщики из радикальных исламистских группировок чувствуют себя в этих условиях очень комфортно. Силовики свое дело делают, но за улучшение социально-экономической ситуации все-таки отвечают другие структуры власти.

МИЛИЦИЯ – ВНЕ ПАРТИЙ!

– Терроризм – явление глобальное, и даже мы, находясь в центре Сибири, вряд ли можем чувствовать себя застрахованными от ЧП. Тем более, что в последнее время в крае прибывает поток мигрантов из исламских государств...

– Мы очень тесно работаем со всеми национально-культурными общинами. Несмотря на то, что в нашем регионе с террористами нам сталкиваться не приходилось, мы прекрасно понимаем, что в крае слишком много потенциально привлекательных для террористов объектов. Недавно по одному из таких объектов была тревожная информация. Мы вместе с коллегами из других силовых структур провели комплекс мероприятий. Работа оказалась бесполезной.

– Через несколько недель в Красноярске состоится потенциально привлекательное для террористов мероприятие – съезд «Единой России». На берега Енисея прибудет практически вся элита страны.

– Мы активно готовимся к этому мероприятию. Надеюсь, оно пройдет с минимальными неудобствами для красноярцев. Мне не совсем понятны спекуляции на этой теме некоторых СМИ. Говорят, якобы милиция будет задействована на охране общественного порядка, потому что съезд проводит правящая партия. Полная ерунда! Согласно закону мы обязаны обеспечивать порядок на любом массовом мероприятии. Если в Красноярске захотят провести свой съезд коммунисты или СПС, то мы будем работать в точно таком же режиме. Милиция – организация внепартийная!

– Коль мы затронули тему политики, то не могу не спросить о таком явлении, как массовый приход во власть силовиков...

– Не думаю, что он такой уж массовый и системный...

– Тем не менее, согласитесь, что такой феномен есть.

– На мой взгляд, сегодня в стране существует большой социальный запрос на порядок и дисциплину. Естественно, что такое время выталкивает на первые роли людей, которые по роду работы привыкли работать в условиях иерархии и жесткой дисциплины. Если мои коллеги востребованы во власти, то, значит, это выбор самой эпохи.

ВСЕ ПОД КОНТРОЛЕМ

– От тем глобально-террористических к традиционно-криминальным. Александр Владимирович, не так давно весь Красноярск потрясло убийство юного музыканта из Сосновоборска. Говорили, что к нему причастны радикальные молодежные группировки.

– Не хочу бросать камень в огород ваших коллег, но все-таки я бы попросил СМИ быть поосторожнее в своих оценках, которые нередко делаются по горячим следам и не всегда обоснованны. Мы практически раскрыли это преступление, и там расклад сильно отличается от той картины, которую навязывали нам СМИ. По молодежным группировкам мы ситуацию контролируем. Надеюсь, до каких-то трагических эксцессов дело не дойдет.

– А этническая преступность у вас тоже под контролем?

– Мы понимаем, что постоянный поток мигрантов может создавать хлопоты милиции, но я считаю, что ситуация нами контролируется.

Более пристальное внимание мы уделяем представителям одной из национальных диаспор, которые продолжают выяснять отношения между собой с помощью оружия. Руководителям этой диаспоры надо просто отойти от двойных стандартов, они знали и сейчас знают, что все подрывы и отстрелы земляков в Красноярске есть следствие внутренних конфликтов среди членов диаспоры. Мы всегда рады гостям, но надо жить и вести себя достойно.

– Время от времени появляются слухи, что в край приезжают так называемые воры в законе, мечтающие установить свой контроль над местным криминалитетом. Это досужие разговоры или под ними есть что-то реальное?

– Досужие разговоры, хотя организованная преступность в регионе, безусловно, существует. Край у нас богатый, а, как известно, мухи всегда слетаются на сладкое. Сегодня в разработке находится несколько дел, связанных в том числе и с коррупцией. Дела эти сложные, требующие филигранной работы. Не случайно в последнее время я большое внимание уделяю управлению по борьбе с организованной преступностью. Недавно в УБОП сменилось руководство, управление укрепляется проверенными профессионалами.

В МИЛИЦИЮ – ПО КОНКУРСУ?

– У вас репутация непримиримого борца за чистоту милицеских рядов. О том, что это необходимо делать, свидетельствует и ряд эпизодов последнего времени, когда сотрудники милиции попали в громкие скандалы. Отдел кадров недорабатывает?

– И он тоже. Раньше отбор в милицию был куда строже, чем сейчас. Нынче в органах немало случайных

людей, попавших в наши ряды благодаря тому, что нехватка кадров очень сильная. Много ли людей пойдет на зарплату в 6-7 тысяч рублей? И все же я верю, что скоро в милицию люди будут приходить работать, только выдержав серьезный конкурс.

Да, я всегда был сторонником того, чтобы не скрывать от общественности случаи неблагоприятного поведения наших сотрудников. Единственно, я бы не стал впадать в другую крайность – чернить всю милицию темной краской. Красноярская милиция, и это подчеркнул наш министр на недавнем совещании в Омске, в числе лучших региональных подразделений в стране.

– Тем не менее репутация у милиции, мягко говоря, не ахти.

– Согласно социологическим исследованиям, около 40% населения относятся к милиции негативно. Это слишком высокий показатель, который лично меня сильно беспокоит. Чтобы изменить это отношение, нужна кропотливая работа. Поверьте, все наши «прямые линии», участие в сходах граждан, активное взаимодействие со СМИ делаются не для галочки в отчетах, а для установления реального доверительного диалога с обществом.

– Получается?

– Получится, если и общество будет идти нам навстречу.

2005

ФАБРИКА МЫСЛИ

Александр Дугин:

«СИБИРЬ – ИМПЕРИЯ РАЯ»

Создатель российской школы геополитики, философ и лидер движения «Евразия» Александр Дугин, побывавший на днях в Красноярске, переживает сейчас свой звездный час. Его идеи, долгое время отвергавшиеся властью, при Владимире Путине стали воплощаться в жизнь.

ЧЕЛОВЕК СУДЬБЫ

– В свое время вы щедро делились своими идеями с лидерами оппозиции, в частности Зюгановым и Жириновским. Теперь с властью. Что вас привлекает в личности Путина?

– Мне нравится в Путине почти полное отсутствие личного элемента. Это повышает его ценность для российской, а может быть, и мировой истории. Я вообще противник индивидуальности. Чем ее больше, тем вероятнее погрешность. Хороший руководитель государства должен отказаться от своего «я» в пользу государства и народа. Это позволяет ветру истории веять в правильном направлении.

– Для многих взлет Путина был крайне неожиданным. Почему именно он оказался на вершине власти?

– Существует такое понятие «деяние недеяния». В традиционном обществе человек, который находился в центре политической власти, не правил, а был лишь символом государства. В этом заключен глубокий смысл: чем меньше правитель вмешивается в судьбу народа,

тем лучше. Путин соответствует этой традиционной схеме и к тому же обладает стратегическим сознанием. Его привели к власти ни Ельцин, ни «семья», ни олигархи. Путина привела к власти история. Он достаточно умен и глубок, чтобы это понять. Путин – человек судьбы.

– Что вы вкладываете в это понятие?

– Такие люди – проводники судьбы, через них осуществляются объективные закономерности исторического процесса. Полагаю, что у Путина колоссальная историческая миссия.

– А вам не кажется, что президент постепенно утрачивает кредит народного доверия?

– Менястораживает нынешняя огранка образа Путина, которую делают политтехнологи – бывшие советники Ельцина. На мой взгляд, они занижают и опошляют миссию Путина. В скором времени президент столкнется с очень серьезными проблемами. Благодаря инерции судьбы положение Путина пока стабильно – работают его харизма и статус. Но чем больше в судьбу вмешиваются политтехнологи, разыгрывающие искусственные сценарии, тем опасней для Путина становится ситуация.

РАВНОУДАЛЕННЫЕ

– Для Красноярского края актуальна проблема олигархов. Они контролируют практически все ключевые отрасли региона. Как государство должно выстраивать отношения с ними?

– Олигархи, как политические игроки, навязывающие свою волю стране и народу, совершенно недопустимое явление. При Ельцине они выстраивали с властью отношения, основанные на шантаже и коррупции. Но сейчас эпоха олигархов-авантюристов закончилась. Пример Березовского и Гусинского, находящихся в ро-

зыске, весьма наглядно. Олигархи вынуждены становиться евразийцами-государственниками, лояльными к власти менеджерами. Это для них единственный шанс сохранить определенное влияние и обеспечить себе относительную безопасность.

– Вам не кажется, что эти процессы происходят пока только на уровне Москвы? Во многих регионах, в частности в Красноярском крае, влияние олигархов на власть по-прежнему велико.

– Если на федеральном уровне необратимость этих процессов очевидна, то на региональном уровне, в силу инерции, олигархи будут пытаться оказывать влияние на власть. Взаимоотношения олигархов и власти на периферии являются своеобразным тестом. Кремль внимательно анализирует и отслеживает эту ситуацию. Кто не пройдет тест, будет еще больше удален, отодвинут от власти.

ТЕСТ ДЛЯ ГУБЕРНАТОРОВ

– А тест для губернаторов существует? Например, для Александра Лебеда?

– Руководители регионов, по сути дела, находятся в той же ситуации, что и олигархи. Беспредел олигархов и местничество региональных царьков – типологически очень близкие вещи. Но и те, и другие должны осознать необратимость перемен, связанных с приходом к власти Путина.

Губернаторы тоже проходят тест. Не просто на лояльность, но на соответствие новой модели государственного устройства. Сейчас Кремль пристально наблюдает за тем, как Лебедь выстраивает в крае отношения с олигархами. На основании анализа этих отношений будет решена судьба и губернатора, и олигархов.

– В чем эти решения будут заключаться?

– У президента достаточно рычагов, чтобы убрать любого неадекватного, не вписывающегося в новую модель государства губернатора. Власть в России всегда больше, чем власть. Это у нас еще со времен Византии. Поэтому Путин больше, чем Путин, и больше, чем президент.

– Почему Кремль не помешал представителям ФПГ – Абрамовичу, Хлопонину и Золотареву – занять кресло региональных руководителей?

– Когда в одном регионе существуют экономические бароны и политические царьки, они зачастую начинают конкурировать, что усложняет ситуацию. Путин идет по пути упрощения. Поход топ-менеджеров во власть представляется мне абсолютно нормальным. Две функции сливаются. А одного человека проще контролировать.

МОРАЛЬНОЕ ПРАВО

– Однажды вы назвали Сибирь империей рая. Что вы вкладываете в это понятие?

– У Сибири есть все шансы попытаться создать новую модель человеческого общежития. Если это получится, история цивилизации пойдет в более правильном направлении. Сибирь – экологический и онтологический потенциал планеты. Ее нужно защищать от грубых попыток включения в чисто хозяйственный цикл цивилизации.

– Вам не кажется парадоксальной ситуация, сложившаяся сейчас в Красноярском крае, когда север региона «кормит» южные районы?

– Нужно понять простую вещь: на самом деле Норильский комбинат не принадлежит ни Потанину, ни

Красноярскому краю, ни федеральному центру – он принадлежит народу. Поэтому каждый россиянин имеет абсолютное моральное право пользоваться богатствами, которые когда-то были освоены его предками. То, что сегодня север края перераспределяет часть своей прибыли в пользу южных районов, вполне естественно. В эффективном экономическом сообществе каждый отвечает за всех. Без солидарности и взаимопомощи, особенно здесь в Сибири, мы просто погибнем. В одиночку в таком гигантском пространстве, в таком жестком климате не выжить.

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

– Что бы вы посоветовали «юношам, обдумывающим житье – молодым людям, стоящим перед нелегкой проблемой выбора жизненного пути?

– В свое время на меня сильное влияние оказала фраза Ницше, что «человек – это нечто, что следует преодолеть». Юноши, обдумывающие житье, прежде всего должны поставить перед собой задачу преодолеть себя, не оставить от своего «я» камня на камне. Только подавив в себе так называемое «естественное», с чем мы входим во взрослую жизнь, можно понять свои истинные корни.

Индивидуальность есть нечто, что нужно раздавить, растоптать и уничтожить, освободив в себе нечто более интересное, более глубокое и более ценное. Это очень опасный путь, но в юности не нужно стремиться к безопасности и комфорту. Это дело пожилых людей. Молодой человек, который не ищет подвига и великих свершений, на мой взгляд, просто неполноценный. Если он не хочет себя преодолевать, его преодолеют другие.

2001

Павел Клачков:

«ЕВРАЗИЙСТВО – ЭТО ИСКУССТВО ПАРАДОКСА»

Россию сотрясают тектонические сдвиги. Большинство из нас этого пока не замечает, но уже скоро перемены почувствуют все. Одной из примет наступления новой эпохи стал выход на публичную сцену евразийского движения, которое раньше считалось некой «вещью в себе», этаким экзотическим теорией для кучки интеллектуалов. Но сейчас евразийцы всерьез претендуют на место интеллектуального центра, питающего идеями властные структуры. Об этом – беседа с руководителем регионального отделения международного фонда «Центр геополитических экспертиз» Павлом Клачковым.

КОНФЛИКТ КОНТИНЕНТОВ

– В чем суть евразийства?

– Классическое евразийство, концептуально оформившееся в 20-е годы XX века, связано с именами Петра Савицкого, Николая Трубецкого и ряда других известных русских мыслителей, волею судьбы оказавшихся после революции в эмиграции. Один из главных принципов евразийства – рассмотрение исторической судьбы России через призму геополитики. Евразийцы отрицают путь западной цивилизации как единственно возможный для человечества. И отстаивают право других народов мира на особый путь. Ключевую роль в противостоянии экспансии Запада, по мысли евразийцев, должна

сыграть Россия. Основной нерв мировой истории последних столетий проходит через противостояние двух типов цивилизаций: атлантистской и евразийской. Первую представляет США. Вторую – Россия.

–И как сегодня проявляется конфликт континентов?

–Он гораздо шире противостояния идеологий, хотя именно так интерпретировалась борьба двух сверхдержав во времена «холодной войны». Наши различия гораздо глубже, они охватывают все сферы жизни: от военной до культурной. Мы – разные. Наши противоречия исторически неразрешимы. Отталкиваясь именно от этой вечной борьбы двух типов цивилизаций – сухопутной (Евразия–Россия) и морской (США и НАТО), – и следует выстраивать политическую, экономическую, социальную и культурную модели поведения национальной российской элиты. Главную роль в разработке этой концепции сыграл ведущий российский геополитик, автор более десятка книг по философии, политологии, истории культуры и религии Александр Дугин.

РАДИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

– «Евразия» заявляет о поддержке Путина. В то же время сейчас внешнеполитический курс России явственно качнулся в сторону Запада. Как это соотносится с идеологической платформой евразийства, одним из основных постулатов которого является последовательный антиамериканизм?

–В реальной политике все происходит на грани парадокса. Самые талантливые политики – те, кто знает, что такое парадокс. Особенно это актуально для России. Мы можем за считанные десятилетия из глубочайшей ямы взлететь до сверхразвитой индустриальной держа-

вы и всего за одно десятилетие рухнуть до немыслимого уровня. Такие вещи на уровне учебника политологии для первокурсников не объяснишь. Недавно я разговаривал с одним очень известным в Красноярске политологом, который никак не мог понять, почему «Евразия» называет себя движением, исповедующим радикальный центризм. «Как же так, – говорил он. – Центризм – это одно. Радикализм – совершенно другое. Как они могут в одном месте встретиться?» Увы, большинство наших аналитиков мыслят именно такими плоскими клише. Очевидно, что Россия сейчас находится далеко не на первом месте в мире. И если мы в этой ситуации будем воображать себя тем, чем нам хочется казаться, не будучи на самом деле такими, то рухнем еще ниже. Путин и евразийцы это прекрасно понимают, поэтому без громких фраз, стиснув зубы делают все возможное, чтобы подняться выше.

–Какое место в планах евразийцев занимает Красноярский край? В частности, вы поддерживаете укрупнение регионов?

–Объединение регионов – правильное и геополитически выверенное дело. Но к этой идее начинают присасываться своими мелкими зубками масса вампиров, пролежавших в политических гробах энное количество лет. Сейчас они мечтают с помощью свежей крови здоровых идей вновь стать розовощекими. Но геополитическая логика абсолютно не зависит от того, что скажет губернатор или спикер. Она осуществляется помимо человеческой воли, потому что является концентрированным выражением воли многих поколений народа. И даже самый умный человек, вообразивший себя политиком или супертехнологом, перед логикой геополитического развития всего лишь былинка на ветру.

НЕАДЕКВАТНАЯ ЭЛИТА

– За последнее десятилетие в России появились десятки партий и движений, которые тоже вроде бы говорят правильные слова, но народу почему-то от этого легче не становится. Чем вы отличаетесь от них?

– В евразийстве нет комфорта для тех, кто хочет жить на всем готовом и питаться продуктами быстрого приготовления. Ведь все, что мы видим в политическом спектре России сегодня, – это идеологические полуфабрикаты. Их не нужно долго готовить, не нужно вкладывать свою энергию, не нужно обладать каким-то поварским искусством. Достаточно бросить этот полуфабрикат на тарелку, налить туда растительного масла и быстро проглотить. Потом вы, конечно, будете долго болеть, у вас будет изжога, но тем не менее на какой-то период вы испытаете чувство комфорта. Евразийство же отличается от них тем, что его нужно очень долго и тщательно готовить. Но зато это вкусная, здоровая и питательная духовная пища, от которой организм народа и государства крепнет и становится сильнее.

– Но «Евразия» ведь тоже собирается бороться за власть...

– Сейчас абсолютно не идет речи о том, чтобы тотально обрабатывать массы и расклеивать наши фотографии на улицах, заниматься популизмом, проводить велопробеги, дарить в детские дома тридцать потрепанных книжек. России можно принести гораздо большую пользу, если влиять на тех людей, которые принимают решения. Должен же кто-то думать за наших чиновников.

– Где гарантия того, что евразийские идеи будут адекватно ими восприняты?

– Это серьезная проблема. Именно поэтому мы приступили к воспитанию новой управленческой элиты.

В «Евразии» есть люди, способные взять рычаги управления экономикой и государством в свои руки. Может быть, от этого какая-то таинственность веет над нашим движением. Ведь многие «сильные мира сего» понимают, что уже идут серьезные процессы, которые радикально изменяют весь политический и экономический ландшафт в стране. Они чувствуют это, они испуганно озираются, у них под ложечкой засосало, но они не могут предугадать: откуда же будет нанесен удар? Иногда начинают бить в пустоту, махать руками и ногами, обвиняя евразийцев в несусветных грехах. Доходит до абсурда – появляются романы, где евразийцев обвиняют в том, что они якобы организаторы взрывов в Москве в 1999 году, утверждается даже, что евразийцы взяли под контроль все спецслужбы и даже Генштаб. Это истерика. Их кидают от одной догадки к другой, вместо того чтобы сделать попытку понять весь грандиозный евразийский план переустройства страны целиком. Но для этого нужно не скакать по верхушкам, а заниматься серьезной интеллектуальной работой.

– Ваши слова, наверное, можно спроецировать и на красноярскую элиту?

– Процесс смены элиты в нашем регионе идет неверно. Для того чтобы попасть в нынешнюю элиту, ничего сложного не надо – главное не быть для нее опасным. В основном туда попадают те, кто не входит в конфликт с порочной системой ценностей тех, кто попал во власть при Ельцине. Элиту же, способную к радикальным позитивным сдвигам, должны составить люди, не замаранные причастностью к нынешним «сильным мира сего». Ее будут составлять убежденные патриоты, динамичные и широко мыслящие. В этом отношении мы очень надеемся на Путина, который является идеальным воплощением типа патриота-интеллектуала. Так как все ради-

кальные изменения в России всегда инициируются из центра, именно он должен стать застрельщиком очищения нынешней элиты. Сама она на это уже неспособна.

2002

Петр Щедровицкий:

«МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ»

Недавно состоялось совещание, на котором обсуждалась концепция стратегического развития Сибири и Дальнего Востока. Одной из центральных фигур на этом форуме был известный философ Петр Щедровицкий. Он руководит центром стратегического планирования Приволжского федерального округа и возглавляет программу по разработке стратегии Северо-Западного округа. Серьезное внимание Щедровицкий уделяет и проблемам сибирских регионов.

–Принимать всевозможные концепции развития сейчас стало модным поветрием. Что стоит за этой тенденцией?

–Мы вынуждены думать о будущем, потому что России уже сейчас надо давать стратегические ответы как минимум на три геοэкономических вызова. Один – европейский. Мы должны найти приемлемый формат взаимодействия с европейским интеграционным процессом.

Петербург является центром при решении этой проблемы. Второй вызов – ислам. Нашему центру в Нижнем Новгороде приходится серьезно заниматься разработкой государственной политики в отношении конфессий и, в частности, ислама. Не менее важным является азиатско-тихоокеанский вызов. Особенно вызов со стороны Китая, который в основном сегодня направлен на Сибирь и Дальний Восток.

МАСШТАБНАЯ СТРАТЕГИЯ

– Как же, по-вашему мнению, нужно строить отношения с Китаем?

– Понятно, что если развитие Китая будет идти такими темпами, как сейчас, то после 2030 года Россия неминуемо испытает масштабное влияние со стороны этого центра экономического роста. Прежде всего, это влияние будет выражаться в диффузном проникновении на территорию РФ китайцев, которые осядут здесь, будут вести экономическую деятельность, таким вот чешуйчатым образом осваивая территорию прежде всего на юге Сибири и Дальнего Востока. Это происходит уже сейчас. Китай, испытывая бурный индустриальный рост, все больше будет нуждаться в сырьевых ресурсах и в интеллекте. Если сырьевой компонент нашей геоэкономической стратегии более-менее понятен, то инновационный аспект этого взаимодействия, роль наших научных и инженерных кадров сегодня не прорисована. К сожалению, сегодня у государства нет достаточной силы для того, чтобы давать какой-либо вразумительный долговременный ответ.

– В Красноярском крае сейчас активно обсуждается концепция социально-экономического развития региона. Насколько она вписывается в общую стратегию развития всей страны?

– Вызовы сегодняшнего дня настолько сложны, что в подавляющем большинстве ни одному из регионов ответить самостоятельно на них не удастся. Поэтому главными субъектами стратегического планирования должны быть сетевые структуры, которые включают в себя и власть, и бизнес, и общественные институты. Стратегия должна быть масштабирована в более широком пространстве. Федеральные округа – минимальная единица,

перед которой можно поставить реальные стратегические цели. Поэтому, например, стратегия Красноярского края должна позиционироваться и вписываться в масштабный контекст. Только тогда ее можно будет реализовать.

ГОСУДАРСТВО – ЭТО НЕ КОРПОРАЦИЯ

– Прислушивается ли власть к рекомендациям ученых и всего общества и насколько она способна воплощать их в жизнь?

– Одна из ключевых проблем нашего государства – информационный тромбофлебит, то есть непрохождение сигнала, когда даже разумные и дельные мысли не доходят до адресата, а теряются среди шумов и общественной разноголосицы. Вторая проблема заключается в том, способна ли власть принимать волевые решения. Даже если сигнал будет услышан и будет понятно, куда двигаться, все равно возникнет вопрос: кто должен принять решение? Кто возьмет на себя ответственность за последствия этого решения, будет обладать достаточным набором полномочий и ресурсов для его осуществления? Третий вопрос: если мы знаем, где точка принятия решений, обладаем ли мы достаточной квалификацией и компетенцией для того, чтобы их реализовать? Это проблема подготовки и переподготовки кадров для государственной службы. И это, конечно, вопрос прихода нового поколения управленцев в систему государственной власти. Это еще один вызов, на который придется отвечать.

– Вам не кажется, что одним из ответов на этот вызов является поход во власть людей из крупного бизнеса? Например, Александр Хлопонин, став губернатором Таймыра, привел туда команду топ-менеджеров из «Норильского никеля».

–С одной стороны, да. Думаю, что в ближайшие три-четыре года нужно ожидать прихода во власть людей, которые самостоятельно нашли свои схемы управления в бизнесе. Здесь есть, правда, одна серьезная опасность. Государство – это не корпорация. В 1998 году Кириенко, объясняя причины августовского дефолта, говорил, что он поступил как внешний управляющий. Он оценил прибыль и убытки и совершил действия, которые бы делал на его месте директор предприятия-банкрота. Но государство – не предприятие! Многие действия, которые могут быть сделаны в отношении предприятия, в государстве недопустимы. И губернаторы-бизнесмены столкнутся с этой проблемой. Они, наверняка, попытаются сделать ряд шагов, которые были бы эффективными в бизнесе, но которые неприменимы на уровне региона. В государственном управлении нужны иные технологии. Поэтому, поддерживая в целом «поход бизнеса во власть», я бы предложил этим людям думать и о следующем шаге, чтобы действительно отрабатывать новые технологии территориального государственного управления.

–Как вы относитесь к инициативам в области образования группы «Интеррос» (тысяча стипендий Владимира Потанина) и компании «ЮКОС» (открытие интернет-классов)?

– Одной из проблем России является имидж социально ориентированного бизнеса. Если он создается таким образом и совпадает с реальными интересами корпорации, то это очень здорово. Да, пускай предмет социального партнерства будет образование. Это хороший пример. Также немаловажно, что крупные корпорации уже столкнулись с дефицитом кадров. Они хорошо понимают, что это надо было делать раньше, потому что образовательные программы – вещь более

длительная. Чтобы получить реальный результат, нужно 7-10 лет. Поэтому, думаю, многие из этих руководителей сегодня кусают локти из-за того, что не стали заниматься этим раньше.

ОТВЕТЫ НА ВЫЗОВЫ

– Сибирь принято называть сырьевым придатком России. Она и в XXI веке будет рассматриваться в таком качестве?

– Мы никуда не уйдем от сырьевой специализации Сибири. Говорить о Сибири как о сырьевом придатке России то же самое, что говорить о Москве как об информационном придатке страны. Важно понять, что мир сегодня переживает одновременно два кризиса. Первый – кризис системы обращения глобальных ресурсов. Здесь Россия занимает очень важное место, потому что на ее территории расположен целый ряд стратегических запасов, хотя и не так много, как мы думаем, – 12-14% от общемировых. Этого достаточно для более-менее обеспеченной жизни и ответственного участия в мировых процессах. Вторая проблема связана с развитием инновационной экономики, с созданием новых технологий. Еще Менделеев писал, что топить нефтью все равно что топить ассигнациями. Если Россия нащупает взвешенную линию между инновационной экономикой и сырьевым включением в мировую систему разделения труда, то, я думаю, мы справимся с подавляющим числом тех вызовов, которые сегодня есть. В том числе и в Сибири.

2001

Владимир Княгинин:

**«ГУБЕРНАТОРУ НУЖНА ЛОЦИЯ,
А НЕ СХЕМА КОРАБЛЯ В РАЗРЕЗЕ»**

В Красноярске прошла конференция центров стратегических разработок России. У нас собрались те «мозговые центры», которые претендуют на концептуальную проработку региональных стратегий. После второй мировой войны в Америке появился особый тип исследовательских организаций – так называемые «фабрики мысли» (Think Tanks). С приходом к власти Александра Хлопонина в Красноярском крае была создан Центр стратегических разработок (ЦСР). Красноярская «фабрика мысли» не придумывает рецептов для решения социально-экономических проблем региона. Цель ЦСР другая – формирование стратегического партнерства между представителями науки, бизнеса, власти и частными лицами, работающими на перспективу развития региона. Наш собеседник – руководитель лаборатории политико-правовых работ ЦСР Владимир Княгинин.

– В последние годы красноярцев буквально завалили программами стратегического развития края. Но красиво они смотрятся только на бумаге. Почему?

– Эти программы не были логиями, по которым можно вести корабль. Это, скорее, инструкции по внутреннему устройству судна, схема корабля в разрезе. Но они не отвечали на главный вопрос: куда и как плыть дальше? По таким программам в лучшем случае мож-

но что-нибудь поменять в самом корабле: лампочки или двигатель. А руководителям края нужно принципиально иное знание: куда будут дуть ветры, где рифы, с какой скоростью двигаться... Например, мы знаем, что у нас край богат природными ископаемыми, но никто не может внятно ответить, а что же с этим богатством делать.

– А вы знаете?

– Готовых решений сейчас нет ни у кого в России. Кто говорит, что они есть, или лукавит, или пиарится, или просто занимается демагогией. Мы же только-только начали эту работу. Тем не менее уже предложили самый совершенный в стране концепт межбюджетных отношений, регулирующий финансовые потоки между региональной властью и муниципальными образованияами. Из Москвы приезжали специалисты Центра фискальной политики и удивились нашим методикам, которые они еще только собираются делать. Сейчас идет аналогичная работа по реформе ЖКХ и естественным монополиям.

НЕ ТЕ РЕСУРСЫ

– А что все-таки делать с богатством, которое лежит буквально под ногами, но от которого жители региона ничего не получают?

– Пора всем понять одну простую вещь: ресурс только тогда представляет ценность, когда превращается в капитал. Тот, кто уметь превращать ресурс в капитал, действительно управляет всей нашей жизнью. Фондовый рынок РФ меньше активов любого серьезного западного банка. Получается забавная (хотя и печальная) ситуация. С одной стороны, мы являемся держателями всех этих природных ресурсов, но при этом капитал на них делают другие люди, и явно не на берегах Енисея.

Отсюда вывод, что если бы мы не обладали этими ресурсами, то, в сущности, мало чего потеряли бы.

– **И как же капитализировать наш край?**

– Многие страны сталкивались с подобными проблемами и научились их решать. Например, в Перу в 1990-е годы активы в основном вращались в теневом секторе, и это резко сужало возможности экономического развития всей страны. Возникает очевидная управленческая задача: как легализовать теневой сектор, оценить и легитимно его оформить, чтобы он был включен в нормальную экономику и приобрел стоимость. 80% активов, которые находятся в крае, – недвижимость. Пока мы не произведем реструктуризацию ЖКХ, пока не появятся собственники, пока конкретный дом не приобретет реальную стоимость, говорить о капитализации земли в Красноярском крае невозможно. Кстати, сейчас многие с долей скепсиса относятся к стремлению Пимашкова обустроить город, например набережную Качи («вовремя ли», «важно ли это сейчас...»), а зря. Можно предположить, что земля вдоль очищенной речки резко возрастет в цене. Это и есть капитализация.

О КРАСНОЯРСКОМ «ПАТРИОТИЗМЕ»

– **Любимая песня местных патриотов: все захватили москали, которые ничего бедным красноярцам не оставили. А ведь и вправду как-то обидно: Норильск и Красноярск производят продукции на миллиарды долларов, а достаются они непонятно кому.**

– Пусть это звучит непатриотично, но возвращать управление этими предприятиями в край нельзя по одной простой причине: их стоимость резко упадет в цене. Соответственно, возникнут проблемы с кредитами, рейтингом регионов и прочими малоприятными вещами.

Именно поэтому создаются холдинги. Те же «ЮКОС» и «Сибнефть» сливаются ведь не для того, чтобы увеличить добычу нефти, а чтобы повысить стоимость акций на фондовом рынке.

– Получается, для того, чтобы сменить рабочую робу нашего региона на приличный костюм, нам нужно семимильными шагами встраиваться в глобальную экономику?

– Самое интересное, что на самом-то деле в глобальную экономику нас уже активно встраивают. Но, к сожалению, мы в этом процессе не самостоятельные субъекты, а используемые объекты. И поэтому мы все воспринимаем в страдательном залоге. Мы возмущаемся: «Что они с нами делают?!» Но нас не спрашивают, ведь мы безликие и безголосые. Причем по собственной воле.

– Отсюда основной мотив последних политических кампаний в нашем регионе.

– Это точно. Игроки двигают фигуры и пешки по огромной доске, не особенно интересуясь нашим мнением. С нами будут считаться только в том случае, если мы сможем предъявить этим игрокам что-то реальное. Можно обвинять Чубайса в зловещих планах реформирования ЖКХ и РАО ЕЭС, но ведь его оппоненты козыряют чудными аргументами, вроде «а нам вообще этого не надо». Предложите свою концепцию устройства энергорынка, иначе нечего обсуждать, нет платформы для договоренностей и кооперации.

В ОЖИДАНИИ «ПЕТУХА»

– За последние годы в России появилось немало людей с современным мышлением, а страна по-прежнему находится в неприличном месте. Почему так происходит?

– Еще петух как следует не клюнул. Рынок, как и природа не терпит пустоты. Тот, кто не хочет в нем существовать, исчезает. Но в отечественной традиции ждать внешнего толчка. Вот пришли в край московские торговые сети, и весь торговый бизнес нашего региона вынужден радикально менять свою структуру и работать по новым правилам. Я видел, как это происходит в Польше, – впечатляет. И многие местные игроки, увы, просто исчезнут со сцены.

– **Соппротивление бесполезно?**

– Я бы так все-таки не сказал. В нашей экономике достаточный потенциал для конкуренции даже с глобальными игроками. На Урале, например, местные бизнесмены смогли выжить и под напором московских торговых гигантов.

– **При этом многие красноярские политики время от времени призывают к защите местного товаропроизводителя. Как вы относитесь к этим призывам?**

– Все очень банально. Например, сельхозпроизводители из южных районов края везут свою продукцию в Абакан, а не в Минусинск по одной причине – им это выгоднее. В Хакасии очень эффективно работает компания «Саянагро», которая отстроила эффективную логистику и ценовую политику. Выход для нашего региона один: создавать эффективные вертикальные агрохолдинги, способные конкурировать с «Саянагро», и создавать их должно не государство, а бизнес.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

– **Что-то совсем грустно от ваших слов становится. Хоть на что-то мы рассчитывать можем?**

– Известный философ Петр Щедровицкий считает, что у Красноярска есть одно несомненное конкурентное

преимущество. По его мнению, наша система образования является наиболее гибкой и продвинутой в Сибири. Если бы она получила внятный сигнал, какие профессии будут в цене завтра, то она с наименьшими издержками могла бы перестроиться. Дело в том, что основа нашей системы образования закладывалась в годы знаменитых красноярских пятилеток, когда очень оперативно менялся социально-экономический ландшафт региона. Но проблема в том, что сегодня сигнала нет.

– **А кто его должен послать? Рынок?**

– Это слишком абстрактный ответ. Можно ведь воспитывать прекрасных профессионалов, а они после получения образования махнут рукой на вскормивший их регион и уедут туда, где им будут больше платить. Сигнал может быть дан только совместными усилиями бизнеса и государственной власти. В том числе и для этого создаются программы стратегического развития. Капитализация – это уже не умозрительная задачка, для многих россиян – это очень живая проблема выбора судьбы.

2003

Юрий Москвич:

**«ЭПОХА ФАНЕРНЫХ ПОЛИТИКОВ
СКОРО ЗАКОНЧИТСЯ»**

В начале девяностых годов прошлого столетия в краевую власть ворвалось поколение незаурядных политиков: Новиков, Зубов, Усс... В этой плеяде особое место занимает Юрий Москвич. Семь лет он был полномочным представителем президента РФ в Красноярском крае, затем некоторое время работал заместителем министра по региональной политике. Сейчас он отошел от активной политики, вернувшись в науку. Сегодня Юрий Николаевич – профессор Красноярского педагогического государственного университета, известный эксперт в области общественных отношений.

– Почему вы расстались с политикой?

– Вряд ли я с ней полностью расстался. Тот, кто пребывал в этой сфере долгое время, обречен жить с клеймом политика. Даже если сам он к политике остыл и занимается другими вещами. Это как звание олимпийского чемпиона. Если ты выиграл золотую медаль, то она останется с тобой до самой смерти. Я ушел из активной политики по нескольким причинам. У меня возникли семейные проблемы, на решение которых нужно было тратить немало времени и сил. Была и важная концептуальная причина: я считаю, что сейчас наступила эпоха фанерных политиков, поющих с чужого голоса. Я же всегда пел только свои песни.

ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА ПРАГМАТИЗМА

– Вы хотите сказать, что, когда вы начинали свою политическую карьеру, все были такие уж самостоятельные?

– Да. Вообще, я думаю, что время, когда можно будет спокойно оценить значение девяностых годов прошлого столетия в истории России, наступит только лет через десять...

Я вспоминаю выборы народных депутатов России 1990 года. Тогда я победил в Октябрьском избирательном округе, потратив на выборы всего 53 рубля. На меня бесплатно работало не менее десяти друзей и сторонников. Сейчас такое невозможно. То поколение политиков было самостоятельным, активным и невероятно искренним в желании сделать что-то хорошее для страны и людей. Тогда торжествовали идеалистически-романтические подходы. Сегодня первенствует прагматизм. И этот порочный подход, как шагреновая кожа, проступает на лицах представителей нынешней элиты.

– Но ведь среди нынешних политиков есть и те, кто начинал вместе с вами...

– Отчасти это верно, но немало моих соратников от власти отошли. Сегодня очень многие самостоятельные люди, серьезно относящиеся к политике, просто переживают, когда нынешняя фанера закончится. Во все времена и во всех странах люди, начинавшие реформы, потом от них отходили и внимательно со стороны наблюдали, что происходит. Потом они зачастую возвращались в политику. Я не исключаю, что в ближайшее время подобный сценарий воплотится и в России. Вернутся или они, или их ученики.

– Они сами вернутся или их попросят?

– Попросят. Власть уже нуждается в таких людях. И не случайно некоторые из них сейчас призваны в Со-

вет Федерации. Путин в своем ежегодном послании ведь прямым текстом заявил, что в стране сейчас почти нет достойных управленцев и политиков. Он говорил это в лицо министрам, губернаторам и депутатам. Путинское признание дорогого стоит.

Поэтому простые люди бегут от власти и от государства. Количество людей, голосующих против всех, резко нарастает. Во власти сейчас нет людей, способных увлечь народ за собой, способных создать атмосферу, воодушевляющую на подвиги.

О ПОЛЬЗЕ ПАФОСА

– Александр Хлопонин на это способен? Его концепция «экономического рывка» может воодушевить красноярцев?

– Я со скепсисом отношусь к людям, которые слишком заикливаются на экономике. Черчилль в свое время сказал, что война – это настолько серьезная вещь, что ее нельзя доверять генералам. Перефразируя его, считаю, что экономика – это настолько серьезная вещь, что ее нельзя доверять экономистам. В политике ценятся не экономические знания, а потрясающая воля и способность мобилизовать команду на достижение цели. Я вообще считаю, что многие беды последних лет в России происходят, в первую очередь, от экономистов.

– А как же Валерий Зубов, ведь он как раз вышел из экономической среды?

– В 1993 году экономисты были востребованы. Зубов был неизвестен широким массам, но это не помешало добиться ему убедительной победы на губернаторских выборах. Он был самым легитимным губернатором в новейшей истории края. Валерий Михайлович получил 49% голосов от числа всех избирателей. У Лебеда этот

показатель равен уже 36%, а у Хлопонина вообще 22%. Это показывает, что население последовательно убегает от власти. И это, с одной стороны, хорошо. Значит, народ стал самостоятельным субъектом и устраивает свою жизнь, не особенно оглядываясь на государство. Например, мне, по большому счету, какая власть будет в регионе, интересно только с точки зрения будущего моих детей. В принципе, во всем мире губернаторы – начальники, которые знают свое место. Это завхозы. Правда, есть в этой ситуации безразличия к власти и его лидерам один очень серьезный нюанс. Население лишено мотивации к консолидации. Как бы ни относиться к Стахановскому движению, но ведь это на самом деле был сильнейший мобилизационный порыв. В тех рекордах сыграли свою роль два фактора: правильная организация труда и воодушевление людей. Сейчас пафоса явно не хватает. Те регионы, где он есть (Москва, Орловская, Новгородская и Кемеровская области), имеют очевидное конкурентное преимущество и реально осуществляют прорыв в экономике.

ПЕРЧАТКА БРОШЕНА

– Вам не кажется, что эту роль лидеров в нынешней России берут на себя не губернаторы, а олигархи?

– Крупный бизнес просто лучше других понимает, какой колоссальный вызов брошен сейчас стране. Если в России не будет устойчивого роста ВВП свыше 7% в год, то вскоре мы навсегда покинем сообщество развитых стран. Нас уважают в мире благодаря большим прошлым заслугам. Сейчас мы члены большой восьмерки и пока входим в неформальное мировое правительство, определяющее судьбу многих регионов планеты. Но если

эти страны совокупно производят 75% мирового ВВП, то мы только 1%. И скоро может возникнуть закономерный вопрос: а что вы среди нас – великих – делаете? Путин об этом в своем последнем послании и сказал. Думаю, для многих представителей элиты эти слова стали откровением и предупреждением. Стабильность – хорошо, но ее недостаточно. Рядом наготове стоят соперники, готовые с нами разделаться в пух и прах.

– По вашему мнению, способны Потанин, Дерипаска и другие капитаны российской экономики поднять эту перчатку?

– Все наши олигархи вовлечены в процесс глобализации. Это очень жестокая штука. Слабым в мировой экономике места нет. У наших ФПГ скудный выбор: либо победить, либо исчезнуть. В случае победы они принесут России деньги и славу. И тогда многие люди из этих ФПГ пойдут во власть. Если же проиграют, то содрогнется вся страна. Представьте, что «Русский алюминий» и «Норникель» проиграли конкурентную борьбу мировым игрокам. Сколько край и Россия тогда потеряют рабочих мест, сколько налоговых поступлений? И это ведь вполне реально. Недавно гендиректор «Норникеля» Михаил Прохоров опубликовал потрясающе откровенную статью, где он прямо говорит, что все жители России находятся в очень сложной ситуации и выбор на самом деле один: либо менять психологию, либо перестать существовать. Я бы очень хотел, чтобы эти молодые люди выиграли. Только в этом случае у России может быть будущее.

– А Красноярский край в целом готов ответить на вызовы глобализации?

– Пока нет: когда у территории нет серьезной объединяющей цели, то у нее нет и будущего. Сейчас край стал одним из политически депрессивных регионов России.

Таким он стал при Лебеде. Появление в крае федерального тяжеловеса с невероятно агрессивной командой привело к угасанию политической активности. Лебедь совершил громадную ошибку, не став опираться на местную элиту. Это закончилось плохо и для Лебеда, и для элиты.

ПРАВО БЫТЬ ЛОКОМОТИВОМ

– Многие не согласятся с вашей оценкой, ведь как раз при Лебеде политическая борьба в крае достигла апогея.

Я не имею в виду склоки и интриги. Речь идет о другом. Первый признак политически депрессивного региона: в нашем крае до сих пор нет авторитетной партии, которая могла бы выработать вменяемый и реальный план стратегического развития края хотя бы на двадцать–тридцать лет. Не было планов у Лебеда. По «гамбургскому счету», не было их и у Зубова, хотя команда у него была по-хорошему амбициозной и сделала много разумного. Останется ли что-нибудь после ухода Хлопонина? Посмотрим. В любом случае губернаторы приходят и уходят, а региональные элиты остаются. Во всем мире хранителями таких планов являются серьезные политические структуры.

Второй признак – необходимость в политической поддержке из центра. Это ярко показал октябрь прошлого года, когда наш кризис пришлось разрешать Путину. Такого в новейшей России еще не бывало.

Третий признак депрессивности: в нынешней администрации превалирует мнение, что нужно заниматься делом, а не политикой. Это неправильный подход. Хозяином Лужков успешен не только благодаря своим деловым талантам, а, в первую очередь, благодаря умению со всеми договариваться.

– Что вы посоветуете нынешнему руководству края, чтобы после них не осталась очередная «пустыня»?

– Нет ничего более прагматичного, чем правильное политическое решение. В крае пока бал правят технократические элиты, которые всегда с легким презрением относились к политикам. Это чревато большими проблемами и для них самих, и для края. Пока он в десятке регионов-доноров. Но в стране уже сейчас разворачивается острейшая конкуренция среди территорий. Для того чтобы остаться в пуле доноров, краю нужен ежегодный рост ВВП в 12-15%. Нужен амбициозный патриотизм. Я уверен, что в ближайшее время Путин пригласит к себе пятнадцать–двадцать губернаторов и скажет им: «Вы – надежда России, и именно в ваши регионы мы будем вкладывать ресурсы. Вы обязаны стать локомотивами нового экономического подъема России. Вместе с вами мы должны подготовить план мобилизационного развития России». Очень хотелось бы, чтобы мы оказались в числе этих избранных регионов.

2003

Алексей Ситников:

«ИНОСТРАНЦЫ НАМ НЕ КОНКУРЕНТЫ»

Президент консалтинговой группы «Имидж-Контакт», доктор психологических наук Алексей Петрович Ситников уже давно стал легендой отечественного PR. Его считают одним из ведущих специалистов в области психологического воздействия, коммерческой и политической рекламы, индивидуального и массового гипноза. Его называют творцом президентов, губернаторов и депутатов.

—Как бы вы оценили сегодняшнее состояние российского пиара?

—Он состоялся. В инфраструктуре российской PR-индустрии сейчас налицо все основные компоненты. В стране существует профессиональное объединение пиарщиков. Более шестидесяти ВУЗов готовят специалистов. Есть система рейтингов, профессиональные конкурсы и издания. Мы включены в мировое PR-сообщество и входим в международный каталог.

—Неужели все так идеально?

—Естественно, есть и проблемы в нашей профессии, которые характерны для всего российского бизнеса. Мы же не можем ездить по правой стороне, когда в стране левостороннее движение. К цивилизованной индустрии еще идти и идти. Но если говорить в целом о перспективах нашей профессии, то они очень неплохие. Ведь сейчас важнейшим компонентом в продукции ведущих производителей является брэнд (торговая марка), а его формируем и продвигаем как раз мы. Для примера, если сейчас будет продаваться Coca-Cola,

то только 5% будет заплачено за ее заводы, а 95% – за бренд.

– Много шума вызвала известная акция фирмы «Промако», которая под видом обычных статей разместила в центральных изданиях заказные материалы о несуществующем магазине. Как вы оцениваете эту акцию?

– Они нечестно сыграли по отношению к своим коллегам. Между прочим, их поддержали за рубежом. Нам звонили и требовали, чтобы и мы одобрили эту провокацию. Я ответил: «Ребята, вы поддерживайте кого хотите, но не лезьте к нам. Мы лучше знаем российские реалии. И если не будем следовать принятым в России правилам игры, то завтра вся отечественная PR-индустрия развалится». «Промако» очень сильно подорвало доверие журналистов к пиарщикам. А отношения и так были непростые. Ведь очень многие в журналистском мире считают, что пиарщики отнимают у них деньги.

РОССИЯ И ЗАПАД

– Может быть, такая реакция международного PR-сообщества вызвана тем, что там опасаются покушения российских консалтинговых фирм на их рынок?

– У нас нормальные связи с ведущими мировыми PR-группами, многие из отечественных фирм работают в плотной связке с ними. Но, конечно же, на Западе нас никто не ждет. И мы сейчас туда с коммерческим пиаром не выйдем. Мы туда выйдем только со своими клиентами. А это случится только тогда, когда сам российский бизнес появится там с товарами, которые будут пользоваться спросом. Не раньше.

– Наверное, и с политконсалтингом ситуация аналогичная?

– Как раз наоборот. Наш политконсалтинг на мировой рынок уже вышел. Мы вытеснили всех зарубежных политконсультантов из России и СНГ. Мы ведем в странах бывшего СССР все парламентские и президентские кампании. Иностранцы пытались поначалу конкурировать с нами на этом рынке, но мы доказали, что российские специалисты лучше. Скажу больше. Лично я избирательные кампании вел не только в СНГ, но и в Южной Америке, Юго-Восточной Азии, в Восточной Европе. Да где мы только не были! В Африке даже были.

ЕЛЬЦИН, КУЧМА И ДРУГИЕ

– Кто из ваших клиентов был самым интересным?

– Мы работали с семьей Ельцина. Разрабатывали всю концепцию его избирательной кампании. В частности, «Имидж-Контакт» особое внимание уделил образу Наины Иосифовны. Я думаю, что этот проект был одним из самых профессиональных в российском консалтинге и дал много дополнительных очков Ельцину. Мы вели президентскую кампанию Кучмы, принимали участие в создании «НДР» и «Единства». Всего провели 260 избирательных кампаний. 220 человек с нашей помощью стали президентами, губернаторами, мэрами и депутатами.

– Насколько сегодняшняя власть прислушивается к рекомендациям политконсультантов?

– Конечно, власть стала более грамотной и для себя какие-то уроки сделала. Кремль сейчас анализирует реакцию общественного мнения, пытается влиять на него. Но влияние известных политтехнологов (например, Глеба Павловского) на Путина я бы не переоценивал.

На мой взгляд, если бы Павловский мог бы воплощать свои идеи, говоря о них напрямую президенту, то он не пытался бы их донести через прессу, как это происходит сейчас, а делал бы это без лишнего шума.

– Вашему бизнесу не мешают личные отношения с сильными мира сего?

– Мешают, и именно это заставляет остерегаться близких отношений и лишней информации. Это спасает от неприятностей и дает возможность выстраивать нормальные деловые отношения. Я часто прерываю собеседника, когда он начинает фразу со слов: «Хочу тебе честно признаться...».

СОВЕТ ЗУБОВУ

– Говорят, «Имидж-Контакт» работал на Валерия Зубова в 1998 году?

– В 1997 году Зубов предложил мне вести его избирательную кампанию. Я приехал. Он познакомил меня со своей командой. Меня поразило, какие они все сидели успокоенные, – «конкурентов, мол, нет, победим малой кровью». Им же первая победа Зубова далась легко. Я же им говорю: «Не знаю, кто будет вашим конкурентом, но в любом случае, если вы будете слабыми, обязательно найдутся сильные. Нужно так разворачивать кампанию, чтобы противники понимали – у них никаких шансов нет. Нужно готовиться к битве». Я их не убедил. Они считали, что победа у них уже в кармане и незачем напрягаться. Я уехал. То, что произошло через год, всем известно.

– Но вы же не будете отрицать, что во время выборов находились в Красноярске?

– Я в это время был в Китае. После первого тура мне позвонил Зубов и попросил срочно приехать, чтобы его поддержать. Но кампания уже была проиграна. Я при-

летел в день второго тура. Был прямой эфир на «Афонтово», когда Лебедь с Зубовым комментировали итоги выборов. Консультанты Валерия Михайловича ему советовали говорить, что Лебедь победил нечестно, что он это так не оставит, что будет судиться. Я же посоветовал ему вести себя как подобает мужчине и честному человеку: «Если ты сейчас честно признаешь свое поражение, то спасешь тех людей, которые тебя поддерживали. Не объявляй войну». Он так и сделал. Через год ко мне в Москву приехал и поблагодарил за тот совет.

КАРТА ЛЕБЕДЯ

– А с Александром Лебедем вам приходилось встречаться?

– Мы с ним иногда общаемся. Лебедь сильный и независимый. Специфический, правда. Я не ошибусь, если скажу, что в администрации Буша это сегодня самый уважаемый российский политик. Я знаю о его долголетней личной дружбе с обоими Бушами. Они его очень уважают и поддерживают с ним постоянные контакты. Не удивлюсь, если на следующих президентских выборах они поставят на него. Думаю, что карта Лебеда еще не разыграна.

– Вы его не консультируете?

– Нет. Интересно, что меня пытались с ним даже поссорить. Не так давно Александр Иванович мне позвонил, причем в это время я проводил пресс-конференцию в Москве. Он меня прямо спрашивает: «Алексей, ты где?» – «В Москве.» – «Точно в Москве?» – «Конечно.» – «Я так и думал, а мне вот сказали, что в Красноярск приехал Ситников, поселился в гостинице. Приехал с миллионом долларов и с большой командой, которая будет устраивать против меня провокации». Потом Лебедею еще из нескольких источников донесли, что якобы меня даже

видели завтракающего в гостинице. Самое интересное, что ведь на самом деле некие силы нашли моего полного однофамильца, поселили в гостинице и запустили информацию о нем Лебедю.

ВЫБОРЫ В ЗС

– Как вы думаете, что будет главным фактором на предстоящих выборах в Законодательное Собрание края?

– Много будет зависеть от того, будет ли Анатолий Быков на свободе. Удастся ли Лебедю все-таки команду сформировать. Сегодня ведь фактически, кроме Люды Селивановой, у него никого нет. Я ее хорошо знаю. Мы друг к другу на дни рождения ходим. Она сильный менеджер и сильная личность. У Быкова есть свои инструменты, и для выборов неважно – хорошие они или плохие. А у Лебеда, в отличие от Быкова, ведь и денег особых на выборы нет. Очень много зависит от того, как удастся губернатору выстроить отношения с местными СМИ, с олигархами, с градообразующими предприятиями вроде «Норникеля», с местными органами власти, потому что они напрямую с населением общаются. И, конечно, немаловажно, какие профессионалы будут работать на него и какие – на противника.

– Если Быков вас пригласит работать на него, вы согласитесь?

– Нет. Несмотря на то, что я не работаю с Лебедем, все-таки я с ним знаком, знаю его какие-то слабые и сильные стороны, которые он мне доверил в личном общении.

– А если Быков пойдет на выборы, например в Госдуму, не в Красноярском крае, а в другом регионе, вы будете с ним сотрудничать?

– Я его не знаю. Решения я принимаю только после личного общения. Если потенциальный клиент мне не понравится, то не за какие деньги я не буду ему помогать. В клиенте мне важны уровень мышления, его история и цели.

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

– Вас не пытались перекупить?

– Нас пытались купить и мафия, и западные структуры, и даже спецслужбы, но я слишком дорожу независимостью и репутацией, чтобы сейчас ими пожертвовать. Стоимость «Имидж-Контакта» – это на 99% брэнд и команда.

– О вас сложено немало легенд. Бремя такой славы не мешает?

– Я четко разделяю Ситникова-легенду и Ситникова – реального человека. Я уже был мифом, когда первым в России стал заниматься нейролингвистическим программированием. Мои семинары гремели по всей стране, и для некоторых я на самом деле был полубогом и мессией, который все может. От груза такой славы меня спасает команда. Они – не в мифе. Это люди, с которыми я работаю 12 лет и которым очень доверяю. С ними я не теряю чувства здравого смысла и не отрываюсь от земли. На самом деле я нормальный человек – со своими проблемами, привычками и «глюками».

(В соавторстве с Ольгой Полинской.)

2001

Ефим Островский:

«ЖМЕЙКЕРЫ» СЪЕЛИ РЫНОК ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ»

Основатель и руководитель корпорации «ГОСТ» Ефим Островский – фигура легендарная. В конце восьмидесятых годов он одним из первых в СССР стал создавать рынок политтехнологий. За его плечами десятки выигранных избирательных кампаний. Он работал с такими неоднозначными людьми, как Тулеев, Горбачев, Мавроди... В 1996 году Островский помог Петру Пимашкову стать мэром Красноярска. А в 1998 году спрогнозировал поражение Зубова и отказался от участия в его кампании. Но весной этого года он публично заявил о расставании с этим рынком. Для человека, входящего в десятку самых высокооплачиваемых на планете специалистов по управлению политическими кризисами и избирательными кампаниями, это заявление прозвучало сенсационно. Недавно Ефим Викторович побывал в Красноярске на очередном PR-форуме. Обозревателя «АиФ на Енисее» заслуженный политтехнолог России принял в номере гостиницы «Яхонт».

НИЩЕТА ПИАРА

– Почему вы решили уйти из области политического PR?

– Да, я оставил рынок управления избирательными кампаниями, которому отдал более 12 лет. Сейчас я наслаждаюсь, глядя со стороны на эту предвыборную суету. А причины... Если 10 лет назад еще были ожидания, что

именно в пространстве политических технологий начнет капитализироваться интеллектуальный капитал, то сейчас таких иллюзий больше нет. Этот рынок заполнили люди поверхностные, жадные и не очень рефлексивные. Есть, конечно, на этом рынке и очень достойные люди, но не они играют первую скрипку. Политический PR погрузился в трясину низкокачественной массовки. Снижение интеллектуальной планки способствовало тому, что из политических технологий ушло содержание.

– Вам стало неинтересно?

– У слова «интерес» есть разные смыслы. «Распилить» очередной предвыборный бюджет кому-то, может быть, и интересно, но мне такой интерес был чужд всегда. А в плане интеллектуальном эта сфера интереса уже не представляет. Рынок окончательно съеден «жмейкерами». Так я называю людей, которые подменили создание интеллектуальных концептов производством и продажей избирательных товаров – плакатов, маек и роликов.

– Этот грустный финал был предопределен?

– С одной стороны, заказчик оказался не готов оценить качество интеллектуальных продуктов. Думаю, это связано с материалистической обработкой, которой в советскую эпоху подверглась вся страна. С другой стороны, сказалось отсутствие воли у участников рынка. Они не смогли внедрить и навязать этому рынку свои правила игры. Политтехнологический рынок вырастил плеяду серьезных концептуалистов, но большинство политтехнологов потеряли свое высокое предназначение, став пустыми и безобразными.

– Похоже, пустота уже очевидна не только профессионалам, но и электорату. Нынешняя избирательная кампания не радует откровениями.

– Я не очень внимательно слежу за этими выборами и не хотел бы их оценивать. Единственно, могу предпо-

ложить, что следующая Дума будет очень фрагментирована. Стратегии всех основных игроков полностью обнулились уже к началу кампании – и будет она достаточно отвратительной. Такой же, как слово «пиар».

– А чем оно вам не нравится?

– Перетаскивая в наш язык непереведенные слова, мы нарушаем грибницу языка. Когда количество слов-интервентов превышает разумные пределы, язык начинает распадаться и нарушается смысловая связность. Мы подразумеваем под «пиаром» набор зачастую бессвязных информационных поводов, дурно пахнущих перформансов, какого-то бесконечного КВН. Но как только мы начинаем говорить об «общественных связях», то сразу понимаем разницу между полезными и вредными технологиями. Мы сразу видим, какие технологии нарушают общественную связность, а какие ее развивают.

ГУМАНИТАРНЫЙ ШАНС

– Вы решили пойти в область гуманитарных технологий. Поясните, пожалуйста, что это за «зверь»?

– Популярно объяснить это довольно трудно, но попробую. Любому внимательному наблюдателю очевидно, что элита и масса сегодня обмениваются между собой совершенно бессвязными посланиями. Речь и тех и других полна противоречий. Эта проблема протекает отнюдь не из злого умысла. Связность мысли и концептов, присутствующих в общественном сознании, во многом зависит от связности языка. Она существует благодаря ультраструктурам, которые состоят из знаков, слов или образов. Русская связность была атакована во времена «холодной войны» и в результате нарушена. Вместе с крахом коммунистической системы в России потеряли один тип связности, а нового не возникло. Моя

сегодняшняя деятельность и связана с созданием этой новой связности.

– Глобальную вы себе задачу поставили. Справитесь?

– Когда в конце восьмидесятых годов мы начинали создавать политехнологический рынок, то очень уважаемые мною люди долго мне объясняли, почему это невозможно сделать. Причем эти люди прекрасно предвидели ближайшее будущее, развал Советского Союза, а вот в рынок политехнологий не верили. Они ошиблись. Сейчас я пробую сложить тот круг людей, которые могли бы творить связность на уровне системы.

– У России еще есть шанс «догнать и перегнать» Запад?

– Россия гораздо в большей степени, чем другие страны, способна сегодня воспользоваться шансом на культурную трансформацию. Есть хороший исторический пример – рывок Германии и Японии в пятидесятые-шестидесятые годы. Их экономическое чудо объяснялось просто. Война разрушила их экономику. Новые и актуальные технологии пришли на пустое место. Не было сопротивления и инерции прошлого. Там мертвые хоронили своих мертвецов... Недавно мы с главным редактором журнала «Эксперт» Валерием Фадеевым обсуждали, где в России есть сферы, в которых может произойти рост мирового масштаба. Вчера это был сырьевой сектор и отрасли первого передела. Сегодня растут средние компании, производящие продукты потребления. Завтра это будут как раз гуманитарные технологии, связанные с производством знаковых управляющих систем – ультраструктур. В силу особенностей России такие технологии будут расти у нас гораздо быстрее, чем в остальном мире. Стабильные структуры трудно менять. А мы сейчас находимся в очень динамическом состоянии, и это нам еще поможет. У нас кри-

зис, но это не всегда плохо. Он заставляет искать новые возможности.

ДЕФИЦИТ «ДЛИННОЙ ВОЛИ»

– Очень многие политики сегодня говорят о необходимости консолидации общества, но без особого толка.

– Одна из самых больших бед страны связана с тем, что в сознании как масс, так и элиты отсутствует такая ценность, как «длинная воля». Почему-то многим кажется, что если кто-то где-то собрался, то завтра должен быть какой-то результат. Да не бывает так! Изменения накапливаются постепенно. И здесь каждый должен совершить свой выбор: или постоянно помогать этому процессу, высвечивая пусть маленькие, еле заметные сдвиги к лучшему, или по-мазохистски смаковать чернуху. Подрывать любой шанс на позитивное изменение – значит, насаждать в общественном сознании комплекс неполноценности. Это то же самое, что постоянно говорить опасно больному человеку: «Не расстраивайся. Ты скоро умрешь. Зачем ты пытаешься исцелиться? Иди помирай и не дергайся!»

Я уже много лет обращаюсь к представителям элиты, ответственным за массовые коммуникации: «Либо мы начинаем наших соотечественников вдохновлять, подсвечивая даже намек на перспективу, либо скоро обнаружим, что живем в пустыне». Нужно как можно меньше говорить о том, что в людях есть плохого. Плохое и без нас дорогу найдет.

– Нынешняя российская элита эти призывы способна услышать?

– Сегодняшняя элита еще в процессе формирования. Новая волна предпринимателей только сегодня вышла на уровень самостоятельной жизни. Она уже капитализировалась настолько, что может мыслить не

только в масштабе года или даже 10 лет, а в масштабе рода, наследников, в масштабе вертикальной семьи, уходящей в вечность. Такая способность возникает не у всех и не сразу. Для этого нужно капитализироваться, создать традицию, бренд. Сейчас «ГОСТ» работает именно в этом горизонте. Мы консультируем по инвестициям и инновациям в родовые дела. Родовые в том смысле, в котором мы говорим о роде как семье, династии – о «роде деятельности». Их масштаб и стратегия лежат за пределами сроков жизни одного человека.

– Вы говорите о людях из поколения Хлопонина?

– Конечно, он человек более современный, чем многие его коллеги по губернаторскому цеху. Правда, современность – это не всегда достоинство. Впрочем, я не хочу говорить о красноярском губернаторе. Я не за тем ушел с политехнологического рынка, чтобы сегодня оценивать Хлопонина. Если бы я был политехнологом, то стал бы или хвалить его, чтобы получить выгодный контракт, или ругать, чтобы напугать и тоже получить хорошее предложение. Однако для меня сегодня речь идет не о персоналиях и не об истории в масштабе года.

ЧЕРВОНЕЦ И ФОНТАНЫ

– Вы довольно часто бываете в Красноярске. Наш город может стать колыбелью «новой связности»?

– Я очень люблю Красноярск. У меня здесь много друзей и немало единомышленников, которые работают в направлении, близком моим поискам. Поэтому, может быть, общественная связность у вас появится раньше, чем у других. Сам город развивается динамично, и это трудно не заметить. Семь лет назад, когда я впервые побывал в Красноярске, это был совсем другой город. Не было исторических ворот, фонтанов...

– **И вы – о фонтанах...**

– Возможно, красноярцам история со 140 фонтанами уже набила оскомину. Однако все не так скучно. «Фонтанизация» Красноярска – это очень интересный способ преодолевать ужасное архитектурное наследие советской эпохи. У вашего города возникает нечто, о чем можно говорить. По большому счету, что может вспомнить о Красноярске житель, например, Москвы или Смоленска? Ничего, кроме изображения часовни на червонце. А сейчас есть факт, который цепляет внимание. Думаю, сейчас в России как о Красноярском, так и о Краснодарском крае знают одинаково мало, но благодаря фонтанам о вашем регионе узнают гораздо раньше.

2003

НА ЛЪДИНЕ

ТИХАЯ ОККУПАЦИЯ

Россия и Китай опять дружат. Владимир Путин и Цзян Цзэминь подписали договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. Впрочем, и без всяких соглашений Дальний Восток и часть Восточной Сибири уже фактически стали китайской вотчиной. В Иркутске, например, есть свой чайна-таун с невидимой (пока) табличкой «только для китайцев». Проблема неконтролируемой широкомасштабной иммиграции из Китая и других стран Юго-Восточной Азии становится все более актуальной и для Красноярского края.

Зоны влияния китайской диаспоры на берегах Енисея – знаменитый рынок в районе КрасТЭЦ и китайский торговый город на Стрелке. Большинство китайских мигрантов живут в краевом центре без регистрации. В 2000 году из края было депортировано 105 граждан КНР, 366 китайцев были привлечены к административной ответственности за незаконное проживание на территории нашего региона. Но точного числа «мигрантов-невидимок» не знает никто.

ДЕНЬГИ ДЛЯ ПОДНЕБЕСНОЙ

По данным Федеральной миграционной службы, сейчас в России незаконно проживает миллион китайцев. Ежедневно российско-китайскую границу нелегально пересекают около 150 граждан КНР. В год это составляет 55 тысяч человек. Все они находят работу: торгуя ширпотребом, получают неплохой доход. Налоги большинство не платит, выручку переводят в доллары и вывозят валюту

в КНР. По самым скромным подсчетам, наш южный сосед получает от своих российских «челноков» (в том числе и из Красноярского края) более 6 миллиардов долларов в год.

На одном из последних заседаний Совета безопасности края впервые обсуждалась проблема незаконной миграции. Речь шла не только о китайцах, но и о гостях из Вьетнама, Кореи и ближнего зарубежья, скрывающими свои доходы. Только в прошлом году в ходе специальных операций с мигрантов было взыскано в краевой бюджет 3 миллиона 495 тысяч рублей, а в первом квартале этого года – 686 тысяч рублей. Но это верхушка айсберга. «Страны Азиатско-Тихоокеанского региона проводят политику выкачивания из России финансовых средств, – утверждает секретарь краевого Совета безопасности Александр Лычковский. – Потом российские деньги успешно инвестируются в экономику этих стран, а мы остаемся с носом».

Большой проблемой «мигранты-невидимки» стали для Норильска. Они проникают в мировую столицу никеля, даже несмотря на жесткий пограничный контроль. По словам губернатора Таймыра Александра Хлопонина, на заполярном полуострове сейчас проживает 20 тысяч азербайджанцев и 3 тысячи китайцев и вьетнамцев. Многие из них нелегально работают на местных бизнесменов, другие живут за счет продажи наркотиков и сбыта ворованных цветных металлов. Лишь небольшая часть мигрантов занимается легальным бизнесом, в основном в сфере услуг.

В 2000-м году между правительствами РФ и КНР было подписано три соглашения, затрагивающих проблемы незаконной миграции, одно из них – «О временной трудовой деятельности китайских граждан в РФ». Китайцам разрешено работать в России, только если

они платят налоги. Однако, по словам Лычковского, сотрудники силовых ведомств по-прежнему задерживают нелегальных иммигрантов, которых уже более 10 раз (!) депортировали из России.

КАТАСТРОФА?

Сибирь и Дальний Восток оказались перед лицом демографической катастрофы. Численность населения в России постепенно сокращается. И наши восточные соседи уверенно осваивают гигантские пространства. Сегодня российская власть не может адекватно ответить на «китайский вызов». С одной стороны, государство не в силах перекрыть каналы нелегальной эмиграции. С другой – до предела усложняет процедуру получения российского гражданства братьям-славянам, покидающим бывшие союзные республики.

В то же время правительство КНР разрешило китайцам, проживающим в приграничных с Россией районах, иметь двух детей (на остальной территории – не более одного). По мнению ведущих российских геополитиков и экономистов, пассивная позиция правительства России приведет к тому, через 20 лет на месте Сибири и Дальнего Востока может возникнуть Великий Китай. Причем все произойдет само по себе, без пальбы и взрывов. Пока это только футурологические сценарии, но, к сожалению, они слишком реальны и близки, чтобы беззаботно от них отмахиваться.

РАДИКАЛЬНЫЕ РЕЦЕПТЫ

Рецептов решения этой проблемы предлагается немало. Самый радикальный – поставить перед мигрантами «железный занавес». К такому инструменту готовы

прибегнуть власти Таймыра и Норильска. Но в современном мире политика изоляционизма непродуктивна. В современной геополитической ситуации КНР – самый серьезный стратегический партнер России, противостоящий американскому экспансионизму.

Второй вариант – вообще не сопротивляться «китаизации» Сибири. Пускать в страну только китайцев-мужчин, чтобы они вступали в смешанные браки с русскими женщинами. Сторонники этой концепции утверждают, что таким образом через 20-30 лет в России появится новая нация – русокиты.

Кстати, идея переселения китайцев в Сибирь была популярной в пятидесятые годы прошлого столетия. Никита Хрущев в своих воспоминаниях рассказывал: «Мы хотели около миллиона китайских рабочих привлечь для освоения богатств Сибири». Мао Цзэдун сначала сопротивлялся этой идее, но все же отправил в СССР 200 тысяч китайцев». Но вскоре советское руководство почувствовало опасность такой акции. «Сложилось мнение, что Пекин хочет переселить к нам как можно больше людей для «оказания помощи» в разработке богатств Сибири, с тем, чтобы внедриться в экономику Сибири и ассимилировать ее небольшое русское население. В результате Сибирь этнически станет китайской», – пишет Хрущев.

ЕВРОПА ТОЖЕ ПЛАЧЕТ

Проблема иммиграции стала головной болью не только для России. В Европе эту тему активно обсуждают и в СМИ, и в парламентах. Однозначного решения она не имеет. Сейчас демографическая ситуация в Западной Европе характеризуется депопуляцией коренного населения. В недавно опубликованном докладе ООН

сказано, что если страны Западной Европы перестанут ввозить по миллиону иммигрантов в год, то через 15 лет их население уменьшится на 20 процентов. Но с ростом числа иммигрантов, особенно цветных, в Европе все сильнее проявляется бытовой национализм.

Руководители этих стран вынуждены считаться с настроением своих избирателей и принимать соответствующие меры. Так, недавно правительство Испании приняло решение о депортации 70 тысяч иммигрантов незаконно проживающих на территории этой страны. Во Франции и Германии хотят принять очень жесткие законы, которые должны ограничить бурный поток иммигрантов из Африки и Азии. Самое интересное, что эти меры могут аукнуться в России.

Иммигранты работают в основном на трудоемких и экологически грязных предприятиях. Избалованных европейцев туда не загонишь. Следовательно, чтобы перенаправить поток иммигрантов эти предприятия будут выводиться в страны «третьего мира», в том числе и в Россию. Благо, у нас есть и индустриальная база, и сырье.

ЭТНИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

Реально защитить национальные интересы России при решении сложнейшей проблемы иммиграции можно только с помощью тонких геополитических инструментов, которые включают в себя осмысленную демографическую и экономическую политику. Известный русский геополитик Александр Дугин считает, что Россия должна активнее привлекать к освоению Сибири и Дальнего Востока японцев. Они по многим позициям являются конкурентами Китая как в политической, так и экономической сферах. При этом они не представляют

никакой демографической угрозы для России. Их технологический и экономический потенциал нужен нашей стране. В свою очередь Япония испытывает объективную потребность в природных ресурсах Сибири и Дальнего Востока.

Необходима государственная программа заселения Сибири автохтонными россиянами. Препятствовать неконтролируемому проникновению китайцев в Россию можно и с помощью создания этнических барьеров, например, поддерживая Монголию, которую Китай стремится сделать своим вассалом. Очевидно, что все эти действия могут быть эффективными только в рамках единой федеральной политики. На региональном уровне тихую оккупацию остановить невозможно. Даже такому мощному региону, как Красноярский край.

2001

...+ ИСЛАМИЗАЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ?

Бывают в жизни знаковые совпадения. Попала мне намедни в руки захватывающая антиутопия Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери». В романе повествуется о печальной судьбе Европы, где в середине XXI века власть захватывают мусульмане, ислам объявляется государственной религией, «неверные» ссылаются в гетто, а знаменитый католический храм превращается в кафедральную мечеть. Евросоюз живет под знаком полумесяца. Немногие уцелевшие христиане пытаются сопротивляться, но без особых шансов на успех.

Грустный роман, очень похожий на правду. Но все-таки пока еще только литература. Так успокаивал я себя, откладывая памфлет православной писательницы в сторону, когда, не веря своим глазам, прочитал в Интернете, что глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин поставил вопрос о появлении в системе государственной власти страны поста вице-президента, который должен быть отдан представителю российских мусульман. Идея поразительная в своей откровенности. Не будем сейчас говорить об очевидных вещах, в частности, о том, что даже сама постановка вопроса противоречит принципам светского государства. Проблема в другом: похоже, мы на самом деле подошли к тому порогу, когда в православной стране, оплоте истинного христианства, замаячил призрак грядущей исламизации. И это не паранойя и не фантастика.

Тот же Гайнутдин объективно констатирует, что если «количество мусульман будет расти сегодняшними темпами, а демографическая ситуация будет ухудшаться»,

то ислам станет играть все большую роль в политической жизни страны. И не случайно некоторые столичные эксперты предсказывают, что уже на следующих выборах в Госдуму должна появиться исламская партия, которая сможет всерьез претендовать на преодоление семипроцентного барьера. Почему бы и нет? По данным последней Всероссийской переписи, в России ислам исповедуют 15 миллионов человек. И, как граждане России, они имеют законное право быть представленными в российском парламенте.

Нужно отдать должное исламистам: слова у них не расходятся с делом. С девяностых годов в России действуют специальные организации для обращения русских в ислам. Идеологический лидер российского политического ислама Гейдар Джемаль открыто поддерживает и вдохновляет самые радикальные религиозные группировки. Работа идет.

В этой ситуации удивляет другое: почему подобные провокационные речи и действия некоторых лидеров российского ислама не находят отповеди в самой мусульманской среде? Уж им-то грех жаловаться на российскую власть. Вся отечественная элита пышно празднует тысячелетие Казани, Путин произносит речи на татарском языке, строятся новые мечети, да и СМИ не обходят мусульман своим вниманием. Слава богу, пока находят общий язык лидеры православия и российского ислама, других традиционных религий. Но межконфессиональные отношения – слишком тонкая и чувствительная вещь: любые претензии на «исключительность» способны нарушить хрупкое равновесие.

Впрочем, справедливости ради отмечу, что и мы, называющие себя православными, во многом способствуем ползучей исламизации страны. Ибо большинство из нас – «православные» в кавычках. Несколько лет назад

был проведен соцопрос, принесший удивительные результаты. Оказывается, в России людей, считающих себя православными, на 20% больше, чем верующих в Бога! Так не бывает?! Увы, похоже, в нашей стране на самом деле может быть все. К сожалению.

P.S. Еще о совпадениях. Когда писал эту заметку, из Красноярской епархии РПЦ прислали анкету для руководителей СМИ. Последний вопрос звучит так: «Как вы оцениваете роль православной церкви в жизни современного общества в целом и в вашей жизни?». Хотелось бы ответить оптимистично, но... Возможно, и вправду наступают последние времена.

2005

УРОКИ ПРАВОСЛАВИЯ, ИЛИ ОБ ИНСТИНКТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОХРАНЕНИЯ

Старая новая тема – быть или не быть урокам православия в средней школе? – вновь в центре общественного внимания.

В конце января патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй высказался о необходимости преподавания основ православной культуры и этики в школах, призвав образовательные учреждения к сотрудничеству с церковью: «Если государство признает как национальное достояние православные храмы, иконы, возникает вопрос: почему в нашей стране отсутствует государственное и общественное признание ценности религиозного образования?».

Союзником Алексия Второго несколько неожиданно выступил Генпрокурор РФ Владимир Устинов, который считает, что «социальное партнерство религиозных организаций и государственных образовательных учреждений востребовано сегодня как никогда раньше, особенно при выработке ценностных ориентиров у подрастающего поколения».

За введение уроков православия и общественное мнение. По данным разных опросов, около 40% положительно относятся к «введению в школах уроков православной религии», еще 19% относятся к этому, «скорее, положительно». Лишь 12% относятся к этому отрицательно и 9% – «скорее, отрицательно», 20% не смогли определиться с оценкой этой идеи. Высока поддержка и среди самой молодой возрастной группы – от 18 до 25 лет: более 60% в целом поддерживают введение религиозного образования в школах.

Казалось бы, остается только законодательно закрепить в школьной программе этот предмет и ждать духовного возрождения России, ан нет – дискуссии на эту тему ведутся уже лет пять, но воз и ныне там. Почему? Аргументы противников известны. Россия – светское государство, у нас несколько официально признанных религиозных конфессий, да и вообще школьникам нужны практические знания, которые пригодятся в нашей насквозь рыночной жизни, а не какие-то абстрактные религиозные догматы.

Как ни странно, эти аргументы перевешивают и авторитет РПЦ, и желание общественности, хотя достаточно легко разбиваются фактами.

В светской Германии, например, государство финансирует изучение религии и религиозной культуры в государственных и муниципальных школах, на них отводится до десяти процентов учебного времени. Подобная же ситуация в Италии, Финляндии и ряде других европейских стран.

Теперь по поводу многоконфессиональности России. Как раз с преподаванием ислама, иудаизма и буддизма в регионах РФ, где большинство населения исповедует эти религии, дела обстоят сравнительно неплохо. Например, уже несколько лет курс исламской культуры преподается в Дагестане и Ингушетии. В конце концов, школьников, исповедующих другие религии, можно просто освободить от посещений уроков православия.

Что касается евангельских заповедей и реальной жизни: как ни странно для некоторых прозвучит, но религиозный фактор в XXI веке будет играть все большую роль. Прошлогодние осенние погромы во Франции, сегодняшние «карикатурные войны» показали, что миллионы мусульман-пассионариев готовы уже сейчас смести с лица земли западную цивилизацию, забывшую о своих

христианских истоках. Да что далеко ходить – наша Чечня доказывает, что религиозные фанатики, которыми умело манипулируют кукловоды из «Аль-Каиды», могут на протяжении многих лет сопротивляться одной из лучших армий мира. Мы проигрываем именно в духовном факторе, который оказывается важнейшим компонентом инстинкта национального самосохранения. К сожалению, мы забыли известную мысль Достоевского, который считал, что русский, отказавшийся от православия, перестает быть русским. Введение уроков православия, конечно, не может быть панацеей от всех наших бед, но то, что это будет шаг в правильном направлении – лично у меня сомнений не вызывает. И лучше этот шаг не откладывать на завтра.

2006

ВЕЛИКИЕ ШАХМАТНЫЕ ПЕШКИ

Люблю перечитывать именитого русофоба Збигнева Бжезинского. В отличие от доморощенных павловских и белковских, способных в лучшем случае заглянуть на пару месяцев вперед, в работах этого американца польского происхождения дается четкий прогноз на десятилетия. И, что самое главное, прогноз сбывается!

«В связи с расширением ЕС и НАТО Украина для усиления своего особого статуса захочет вступить в обе организации. Десятилетний период (2005-2015 годы) – приемлемый срок инициации постепенного включения Украины в эти структуры». Это Бжезинский написал в книге «Великая шахматная доска», опубликованной в 1997 году. Можно было бы назвать эти строки и известные события на Майдане в конце 2004 года поразительным совпадением, если бы не активное участие тех же американцев в так называемой «оранжевой революции». В Америке планы стратегов-геополитиков, как правило, обязательны к исполнению.

Бжезинский и Украина вспомнились не случайно. Когда постновогодними полупохмельными глазами россияне пилились в телящик, который транслировал вести с «газового фронта», многие в упоении сжимали кулаки и говорили: «Так им и надо, проклятым хохлам-предателям, – не захотели быть с нами – получайте по полной программе!» Ура-патриотические настроения, подогреваемые в том числе и околосударственными СМИ, упали на благодатную почву: давно у россиян не было приемлемого образа «врага», которого можно было бы отправить в нокдаун сильным «газовым»

ударом и тем самым получить удовлетворение за все свои давние обиды. Самое интересное, что все-таки отравили: нынешний острейший внутривнутриполитический кризис на Украине – в немалой степени и наша заслуга. Вот так, под «газовые» залпы, звучат последние аккорды похоронного марша, провожающего в последний путь русскую мечту девятнадцатого века о великом панславистском союзе. И будем уж откровенны: нет никаких оснований полагать, что и последняя наша верная сестра – Белоруссия со временем не повернется к России задом, а к Западу – передом. Наверное, только Сербия останется с нами. Но только душой.

Во всей этой истории есть один немаловажный аспект. Славянские игрища-2006 идут с таким пафосом, на такой высокой ноте, что поневоле у многих возникает иллюзия, будто мы вернулись в стан великих держав. Еще бы: вся Европа вздрогнула, даже Кондолиза Райс нам пальчиком погрозила... Не надо обольщаться: несмотря на то, что Россия по-прежнему в «восьмерке» избранных стран и даже будет в ней председательствовать в текущем году, это, скорее, дань великому прошлому, ядерным боеголовкам и сырьевым ресурсам, чем признание реального геополитического веса нашего Отечества.

Российско-украинские разборки напоминают битву «великих шахматных пешек», в которые бывшие республики СССР превратились после преступления, совершенного в декабре 1991 года в Беловежской Пуще тогдашними лидерами России, Украины и Белоруссии. Скорее, все происходящее сегодня – всего лишь постскриптум к событиям пятнадцатилетней давности. Конечно, инерция имперского комплекса давит на нас со страшной силой, и трудно не согласиться с теми, кто говорит, что Россия может существовать только как империя или не будет существовать вовсе. Но, с другой

стороны, будем реалистами и еще раз заглянем в Бжезинского: «Без Украины реставрация империи стала бы нежизнеспособным делом. Империя без Украины будет в конечном счете означать, что Россия станет более «азиатским» и более далеким от Европы государством».

Бжезинский предрекает нам судьбу геополитического изгоя, если мы не «ляжем» под Запад. Но стоит, наверное, поискать и другую альтернативу. А для этого нужно сначала просто избавиться от иллюзий.

2006

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС?!

Недавно довелось принять участие в ток-шоу, где обсуждалась острейшая для России проблема абортов. По официальным данным, в нашей стране ежегодно совершается 4 миллиона абортов, по неофициальным – в два раза больше. С учетом низкой рождаемости (1,32 ребенка на женщину) и высокой смертности (средняя продолжительность жизни мужчин у нас – 58 лет, а женщин – 73 года) прогнозы аналитиков о том, что к концу XXI столетия русская нация окажется на грани вымирания, уже не кажутся лишь страшными выдумками фантастов.

В финале упомянутого ток-шоу ведущая задала участникам вопрос: почему в нашей стране так популярны аборты? Помимо лежащих на поверхности социально-экономических трудностей, на мой взгляд, не менее важна (а, скорее всего, даже более) та цивилизационная модель поведения, которая была навязана нашей стране в последние десятилетия. Нас заставили поверить, что для России наиболее перспективен путь Запада, и мы с неоправданным энтузиазмом, презрев высокие идеалы русской цивилизации, жадно стали впитывать так называемые либеральные ценности.

Одним из главных постулатов этих квазиценностей является примат прав человека над всем остальным. В повседневной жизни это выражается в формуле «здесь и сейчас». В самом крайнем варианте – «после нас хоть потоп». В философии такое отношение к жизни называется гедонизмом. Довольно точное определение современной версии гедонизма дал Далай-лама XIV. Духовный лидер буддизма, говоря о современном западном обществе, отметил: «У вас большие дома, но в них жи-

вут маленькие семьи. Вы можете ездить по всему миру, но вам сложно пересечь улицу, чтобы зайти к соседу... Легкая жизнь вредит людям. Они становятся менее гибкими, их запросы все выше, они постоянно сравнивают себя с окружающими, кроме того, у них слишком широкий выбор, который в действительности означает отсутствие свободы».

Увы, эту характеристику во многом можно применить и к нашему обществу. Надо признать, что соблазны Запада внешне и вправду весьма привлекательны. Зачем думать о будущем, которое подразумевает ответственность и нередко преодоление своих многочисленных недостатков, своей душевной лени? Зачем обременять себя тяжелой необходимостью растить и воспитывать детей, когда все искушения мира лежат перед тобой, когда хочется прожить жизнь так, чтобы потом «не было мучительно больно»? Не нами подмечено, что в деле создания труднопреодолимых искушений дьяволу нет равных.

В этом зловещем контексте совершенно не случайно, что тема возвращения к своим духовным истокам стала центральной на юбилейном X Всемирном Русском народном соборе. В блестящем докладе митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла впервые на столь высоком уровне было заявлено, что у России особый путь, что нам необходима своя система ценностей, свой свод прав человека. В его выступлении был приведен замечательный пример гнилой западной морали, когда Европарламент принимает резолюцию, в которой фактически призывает к пропаганде гомосексуализма! Отныне сексуальные меньшинства становятся флагманом западной цивилизации. И это закономерно. Цивилизация, в которой даже религиозные ценности превращены в шоу-бизнес (вспомните теле-

вакханалию вокруг прошлогодних похорон Папы Римского), логично приходит к тупику бесплодия. Россия пока тоже находится в этой ловушке, но хочется верить, что у нас еще есть шанс свернуть на правильную дорогу. Для этого нужно одно – вспомнить, кто мы есть на самом деле.

2006

Борис Пушкарев:

«ЕДИНСТВО СТРАНЫ НЕ ПОСТРОИТЬ НА ЛЖИ И ФИКЦИЯХ»

После краха Советского Союза в умах многих наших современников поселилась сумятица. Холодная война осталась в прошлом, и на первое место вышел поиск национальной самоидентификации. Найти ее можно только с помощью истории, национальных ценностей, традиционной религии и языка.

Мой собеседник – Борис Пушкарев – один из современных апологетов «белой идеи». Ее можно считать одним из вариантов ответа на судьбоносный вопрос: кто мы есть. Руководитель знаменитого антисоветского издательства «Посев» и председатель совета Народно-трудового союза (НТС) долгие годы жил в США, в Россию перебрался только после краха коммунистического режима.

– Борис Сергеевич, вы боролись против Советов в годы, когда коммунистическая империя казалась незыблемой громадиной и трудно было поверить, что всего через несколько десятилетий она разлетится на куски. Но тем не менее это событие произошло... Вы счастливы?

– Безусловно. Мне даже стыдно быть таким счастливым, потому что многие сотни тысяч людей, мечтавшие о крахе большевистского режима, не дожили до этого дня. Наша работа в НТС была большой операцией, которая завершилась только в 1991 году со свержением коммунистического режима... Среди прочего «Посев» в 1956 году изобрел «Тамиздат», когда в журна-

ле «Грани» было опубликовано воззвание к советским писателям с призывом публиковать в нашем издательстве произведения, которые не пропускала советская цензура. Несколько лет было затишье, первые ласточки появились в конце пятидесятих годов, когда «Посеву» удалось наладить систему связи. Всего мы в «Посеве» опубликовали около 200 книг опальных советских авторов, в том числе политические статьи Андрея Сахарова и первое собрание сочинений Александра Солженицына.

– Вам не кажется, что те, кто в перестройку использовал благородные идеи и лозунги «Белого движения» для сокрушения коммунистического режима, делали это ради своих прагматично-циничных целей и плодами антикоммунистической революции воспользовались в основном антинациональные силы?

– Конечно, воспользовались. Но не только они. Процессы были неоднозначные. Революция была очень противоречивой, а потому интересной. Интересен был лозунг: «Сохранение легитимности демократически избранной власти против узурпации ее ГКЧП». Очень важно, что революция получилась практически бескровной.

БЕЛЫЕ И КРАСНЫЕ

– Вы отстаиваете «белую идею». Вам не кажется, что сейчас, в новом тысячелетии, эта идеология уже стала анахронизмом, таким историческим курьезом?

– Думаю, что сейчас она гораздо актуальнее, чем в начале девяностых годов. После августовской революции 1991 года была попытка возврата к истокам. Это проявилось хотя бы в возвращении государственной символики:

вернули трехцветный флаг, герб с орлом, парламент назвали Думой. Но эти элементы преемственности так и не стали системой. В 1994 году, когда Ельцин объявил о примирении и согласии, белые и красные элементы начали уравнивать друг друга. Фактически это означало возврат к власти носителей большевистской идеологии. Обществу послали очень явный сигнал, что новая Россия куда в большей степени ощущает себя наследницей Советского Союза, чем той страны, которая была до 1917 года. И это очень мешает нашей стране в ее движении вперед.

– Неужели в советскую эпоху все было так безусловно плохо?

– В любой жизни всегда есть что-то хорошее. Дело не в этом. Дело в античеловечном замысле, на котором строилась советская, коммунистическая власть. Большевики считали, что ни у кого не должно быть ничего своего, у всех все должно быть общее. Этот принцип они насаждали тотальным насилием. Ради этого были погублены миллионы людей, имевших собственные идеи или собственное имущество, в результате была искалена страна. Но мы от этого замысла публично не отреклись, не признали, что Октябрьский переворот был величайшей ошибкой XX века. Статуи Ленина у нас до сих пор повсюду... А между тем в личной жизни мы, потерпевшись от принудительного альтруизма, бросились в крайний эгоизм, забыв об общих делах, но при этом лицемерно вздыхая: «а ведь не так уж все было плохо в советские времена».

– Мне кажется, что вы все-таки чересчур субъективны в оценке сложной советской эпохи, при этом слишком идеализируете все, что было до прихода большевиков к власти.

– Императорская Россия – это не только славное прошлое, в ней можно находить и брать массу полезных

вещей, которые и сегодня востребованы в нашем Отечестве. Например, мощное кооперативное движение, которое сделало сибирские маслобойни знаменитыми на всю Европу. Это особая организация крестьянских хозяйств. Было земство, давшее пример реального эффективного самоуправления. Нынешняя власть тщетно пытается решить эту проблему всевозможными реформами, хотя, казалось бы, зачем придумывать велосипед – вот он, позитивный опыт, бери и используй. В дореволюционной России был по-настоящему независимый суд, который не боялся исполнительной власти. Но проблема в том, что нынешняя власть, генетически связанная с Советами, не может взять то, что противоречит ее сущности.

ПУТЬ В НИКУДА

– Реально ли отказаться от семи десятков лет истории? Как можно все перечеркнуть, если больше половины населения страны родом из СССР?

– Это реально сделать в контексте времени. Нужно понять, что в 1917 году был сделан неправильный, тупиковый выбор. Сегодняшнее сидение в луже – результат этого рокового выбора. Сам отказ от следования советским традициям будет означать очень много. Идеиное единство страны невозможно построить на лжи и фикциях. Нельзя все мешать в кучу и, например, говорить, что и Ленин, и Николай Второй были хорошими. Эта дурная эклектика – путь в никуда. Мы не утописты и понимаем, что полностью реставрировать порядки дореволюционной России невозможно. В конце концов, в ту эпоху подавляющее большинство населения жило в деревне, а сейчас 80% живет в городе. Но почему же не попробовать восстановить все самое лучшее, что было до 1917 года?

– А как вы оцениваете путинский режим?

– Путинская система – попытка мягкой автократии. Режим внутренне очень противоречивый. Демократическая оболочка снаружи, советская гниль внутри.

– Вы говорите только о белых и красных. Однако, например, евразийцы говорят об особом, третьем пути. Как вы относитесь к этому интеллектуальному течению?

– По поводу третьего пути расскажу одну байку. Как-то в Праге я купил журнал и там увидел замечательную карикатуру. Два подвыпивших бомжа стоят перед развилкой и размышляют, куда свернуть – направо или налево? Наконец один из них говорит: «Я знаю третий путь – назад в кабаки!»

Почему-то все вариации «третьего пути» заканчиваются именно там...

Мой отец – известный историк, лично знавший многих представителей этого интеллектуального течения, – считал, что «евразийство» обязано своим появлением Западу, который после Гражданской войны кинул «белое движение» на произвол судьбы. Именно из этой обиды и появилось «евразийство», которое с самого начала носило ярко выраженный антизападный характер. Я с уважением отношусь к первым «евразийцам», но отмечу, что раскололись и они, причем линией раздела стал вопрос о советском патриотизме. Стоит отметить, что некоторые из патриотических идей евразийца Устрялова очень талантливо в свое время использовал Сталин. Но, думаю, что настоящее «евразийство» закончилось еще в тридцатые годы.

СОЕДИНЯЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

– После недавней страшной серии терактов руководство страны заговорило о солидарности нации.

Как известно, идеология, которую исповедует НТС, называется солидаризмом...

– Эта идеология возникла в противовес теории классовой борьбы. Социализм и Советы строились именно на идее размежевания. Не случайно Ленин сказал, что Учредительное собрание не нужно большевикам, потому что это общенациональный орган. Идея солидаризма очень проста – это идея национального единства. Солидарность требует сглаживания материальных контрастов в обществе, в частности прогрессивной налоговой системы. Мы всегда старались быть над схваткой. «Белая идея» пыталась примирить и монархистов, и меньшевиков на единой патриотической платформе. Не случайно в тридцатые годы в НТС была популярной идея беспартийной демократии.

– А вокруг чего может быть единение?

– Честное реальное объединение может быть только вокруг правдивых и нравственных вещей. В этом контексте наш рецепт – единение вокруг идеи преемственности исторической традиции. Преемственность – это не просто умозрительная, красивая идея чудаков, а инструмент радикального исправления нравственных координат общества. Августовская революция 1991 года давала хороший шанс на воплощение этой идеи. Но революцию осуществляли функционеры КПСС, и это обусловило половинчатость и незавершенность этих реформ. И многие проблемы нынешнего общества идут от этой идейной двойственности. От нее все равно придется избавляться.

– Вы не хотите предъявить счет «Единой России» за плагиат вашей идеи солидаризма, которую нынешняя партия власти откровенно пародирует?

– Согласен, пародирует. Но я не хочу много говорить о «Единой России». Жаль, что настоящая партий-

ная система в России подменена фантомами, хотя очевидно, что нашей стране не помешала бы настоящая правая партия с патриотическим фундаментом.

– Вы видите в сегодняшней России силы, которые реально могли бы восстановить связь времен?

– Это вопрос вопросов. Могу сказать, что мы пытаемся способствовать этому процессу, но за несколько лет такие вещи не делаются. Только когда окончательно уйдет поколение советской эпохи и власть в стране возьмут люди, не связанные с коммунистическим режимом, тогда и будет восстановлена связь времен.

2005

Елена Ахмыловская:

«Я ВЫБРАЛА ЛЮБОВЬ»

Впервые автор этих строк увидел живую легенду красноярских шахмат в далеком 1978 году. Елена Ахмыловская приехала в Назарово, где тогда проходил краевой турнир клуба «Белая ладья», чтобы дать сеанс одновременной игры юным поклонникам шахмат. Мы смотрели на Ахмыловскую как на небожительницу. Елена тогда только-только стала «своей» в высшем шахматном обществе. Ей не хватило совсем немного, чтобы изменить ход шахматной истории. В полуфинальном матче претенденток с Майей Чибурданидзе она за три партии до финиша вела в счете и все-таки в конце концов проиграла... После этого в жизни Ахмыловской было еще немало блестящих побед и обидных поражений, «нешахматная» сторона ее биографии тоже изобилует крутыми поворотами сюжета. В 1987 году она уехала жить в США. После долгой разлуки Елена Брониславовна в качестве почетной гостьи чемпионата России по шахматам вновь приехала в Красноярск.

ДРУГИЕ БЕРЕГА

– Американский период вашей жизни красноярцам практически неизвестен...

– В Америке первое время было очень тяжело. Нужно было много работать, и для шахмат времени просто не оставалось. Адаптироваться в Америке не так просто, как кажется. С одной стороны, сама жизнь легче и комфортнее, но в эмоциональном отношении жить там

довольно тяжело. У некоторых начинается даже депрессия, тоска по родине.

– А вам тяжело было привыкать к американскому образу жизни?

– Очень тяжело. Я приехала в Америку фактически с пустыми руками. Уже через два года я поняла, что мне трудно с моим вторым мужем. У нас оказались разные взгляды на жизнь. Друзей тоже не было. Первое время на меня смотрели, как на диковинку. «Надо же – русская, да еще и шахматистка». Потом привыкли, и я стала мало кому интересна.

– Не жалели, что уехали?

– Одно время я мучилась этим вопросом. С другой стороны, в СССР начались революции, наступили тяжелые времена. Было очень страшно жить в такой стране.

– Сегодня вы чувствуете себя полноценной американкой?

– Я заставила себя ею почувствовать. Я не из тех, кто жалуется и долго жалеет себя. Я преодолела себя. По-русски говорю сейчас мало. В Сиэтле, где я живу, бывших соотечественников не очень много. Мой сын немного говорит по-русски, но специально учить языку, когда нет соответствующей среды, достаточно сложно. Я сейчас и думаю на английском, и общаюсь со своими шахматными воспитанниками, естественно, на их родном языке.

– Вы все-таки вернулись к шахматам?

– Полноценной профессии у меня не было, а без нее в Америке тяжело. В СССР я училась в КГУ, причем пыталась заниматься добросовестно, ходила на лекции, помню, даже ставила какие-то опыты, когда была на физфаке, но, конечно, реально совместить большие шахматы с учебой невозможно. В США я сначала устроилась на работу в банке. Платили мало, а сил приходилось тратить много. Весь день была на ногах, а ведь еще нужно было заниматься семьей. Потом я стала бухгалтером,

освоила профессию программиста. Но все-таки вернулась к шахматам, потому что это то дело, которое я знаю лучше всего. Мой муж руководит школьными шахматными программами Сиэтла. Шахматы преподают в 50 школах города. Они не входят в обязательный курс, но немало школьников после занятий собираются на полтора-два часа, чтобы подвигать фигуры... Благо, в Америке спонсоры шахматы любят.

СПРАВЕДЛИВАЯ ЖЕСТОКАЯ ИГРА

– В семидесятих годах вы были очень близки к шахматной короне, но решающий шаг так и не сделали. Жалете об упущенных возможностях?

– Поверьте, нет. Шахматы – очень справедливая игра, которая всем раздает по заслугам. Я проиграла матч Майе Чибурданидзе, и она потом стала чемпионкой мира. Значит, она победила заслуженно. Если я проигрывала, то винила только себя и просто старалась исправить свои слабые места. Шахматы – очень жесткая игра, если ты расслабляешься, то рискуешь навсегда выбыть из мировой элиты.

– Современные женские шахматы далеко ушли от эпохи, когда на первых ролях были грузинки и вы?

– Я не уверена, что нынешние шахматистки сильнее нашего поколения. У нас была очень серьезная конкуренция. Другое дело, что сами шахматы очень изменились, стали другими.

– Что в них может измениться? Доска и фигуры все те же, правила тоже практически не изменились.

– Появился компьютер. Это радикально изменило всю подготовку шахматистов-профессионалов, резко

повысило роль дебюта и счетной игры. Хотя для любителей, конечно, все осталось как прежде.

– **Шахматам грозит «компьютерная смерть»? Ведь даже «великий и ужасный» Каспаров несколько лет назад проиграл матч суперкомпьютеру «Дипблю».**

– Опасность, на мой взгляд, преувеличена. Компьютер, конечно, сильнее человека при расчете вариантов, но ведь партии-то играют между людьми! Можно, конечно, устраивать чемпионат мира по тяжелой атлетике между штангистами и краном, но кому это будет интересно?

– **Но престиж шахмат все же не столь высок, как в те годы, когда, например, вы начинали свою карьеру.**

– Престиж упал не из-за компьютеров. Я думаю, шахматам гораздо больше повредили разборки между ведущими гроссмейстерами. Сейчас уже и сказать-то трудно, кто все-таки у нас чемпион мира. А в шахматном королевстве чемпион должен быть один. Я уверена, что престиж будет восстановлен, когда появится новый яркий лидер масштаба Фишера или Каспарова. Когда в мировых шахматах наступит ясность, тогда появятся серьезные инвесторы и спонсоры, которые смогут поднять рейтинг этого вида спорта.

– **В красноярских девичьих шахматах сейчас наблюдается ренессанс, появилось сразу несколько талантливых шахматисток, которые уже замечены в России и в мире. Им по силам достичь высот, которые в свое время покорили вы?**

– Честно говоря, я о них знаю очень мало, поэтому каких-то прогнозов делать не могу. Я встречала имена Убиенных, Фоминых и Кирилловой в шахматных журналах. Я знаю их тренеров, они очень хорошие специалисты. Хочется, конечно, надеяться, что у девочек будут

серьезные успехи. Важно, что они идут не в одиночку, а группой. Кто из них шагнет дальше других – пока сказать трудно. Меня в юности списали как бесперспективную из школ Ботвинника и Котова, но я сумела доказать, что они ошиблись. Для больших побед нужно, чтобы у девочек была реальная поддержка и властей, и состоятельных людей. Красноярск достоин иметь своих шахматных суперзвезд.

ЛЮБОВЬ И РОДИНА

– Парадокс: шахматы, наверное, один из самых тихих видов спорта, но почему-то вокруг них очень часто возникают всяческие скандалы. Вас тоже не миновала чаша сия. В 1987 году вы оказались в центре скандала, покинув олимпийскую сборную страны. Что все-таки тогда случилось на самом деле?

– Да, история неожиданно для меня получилась довольно шумной, и этому поспособствовал ваш брат-журналист. В Греции проходила Всемирная Олимпиада, а у меня параллельно развивался роман с американцем. Но у меня была проблема – я еще не развелась со своим первым мужем. Предвидя неизбежные проблемы, мы решили тайно пожениться. Возможно, спорное решение.

– Слегка авантюрное...

– Я так не считаю. Намерения были совершенно безвинные. Я знала этого человека довольно давно, он тоже шахматист. Я хотела выйти за него замуж, и нас в мэрии Афин обвенчали. Наверное, это хорошая история для газеты, но лично я в ней ничего особенного не видела. Через пару дней после венчания нам позвонил друг и сообщил, что в одной из популярных греческих газет вот-вот появится большая статья про нас и разразится большой скандал. Мне посоветовали по-тихому бежать. Никакой

политики или отчаянного диссидентства в моем шаге не было, но перестройка тогда в СССР только-только началась, и вполне реальной была опасность, что меня из-за связи с американцем сделают «невъездной» и разлучат с любимым человеком. Команду было жалко, я ее объективно подвела, но иногда приходится делать трудный выбор. Я выбрала личное счастье.

– Но некоторые постарались использовать ваш побег в политических целях.

– Пусть это останется на их совести. Я вполне комфортно чувствовала себя в СССР, особенно когда провралась в элиту. Тогдашняя власть мне много помогала, хотя и были иногда неприятные моменты. Например, однажды мне по линии спорткомитета вклеили выговор за то, что на одном из международных турниров, после очередного тура, я зашла в бар потанцевать. «Руссо шахматисто, облик морале!» Но в целом я не могу сказать, что была на ножах с Советской властью. И свой шаг я не расцениваю как измену.

– В советские времена шахматы были одним из самых престижных видов спорта. Люди, которые добивались в них заметных успехов, становились очень популярными. Вы почувствовали на себе эту любовь народную?

– Я по характеру была человеком довольно замкнутым, однако без особого напряжения принимала знаки внимания от земляков. Я никогда не отказывалась выступить на радио или ТВ. Болельщики меня любили искренне, и я всегда чувствовала их поддержку. В Америке, кстати, свой характер мне пришлось менять. Там замкнутые люди не котируются.

ЭКСКУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

– Вернувшись в Красноярск после столь длительной разлуки, слезу, случаем, не обронили?

– Скажу честно, я не сразу решилась приехать сюда, потому что не очень люблю возвращаться в прошлое. Тоски не было, но щемила какая-то грусть. Родина всегда останется родиной. Я погуляла по Красноярску. Много, конечно, изменилось. Даже в центре я не все сразу смогла вспомнить. Меня сильно удивило, что в Красноярске до сих пор много руин. Правда, потом мне объяснили, что это не руины, а новостройки.

– Вы согласны с пословицей: везде хорошо, где нас нет?

– Ее можно понимать в широком смысле. Например, когда я в шахматах достигала какой-то цели, то иногда задавала себе вопрос: «А стоила ли эта цель тех усилий, которые пришлось потратить, чтобы ее достичь?» Не нужно маниакально заикливаться на одной цели, жизнь слишком разнообразна, чтобы ограничивать себя чем-то одним. Хорошо, конечно, стать чемпионкой мира, но детям же этот титул по наследству не передашь.

– Ваша жизнь после остросюжетного дебюта перешла в стабильный миттельшпиль. Что для вас сегодня в жизни на первом месте?

– Семья и сын. У меня было не очень простое детство, поэтому я хочу, чтобы у моих детей все сложилось удачнее. И я счастлива теми радостями, которые у меня сейчас есть.

2003

Сергей Ломанов:

**«Я ВСЕГДА СТРЕМИЛСЯ ДОКАЗАТЬ
СВОЕ ПРАВО НА ЛИДЕРСТВО»**

Он никогда не был олимпийским чемпионом, но тем не менее был признан лучшим красноярским спортсменом двадцатого века, а также почетным гражданином краевого центра. Он потерял счет своим золотым наградам и звучным титулам, не говоря уже о решающих голах и пасах, зато их навсегда запомнили многочисленные болельщики. Он мог бы припеваючи жить в благополучной Швеции, но предпочел вернуться домой, чтобы помочь терпящей бедствие родной команде. И блестяще с этой задачей справился. Все это – главный тренер самой народной команды Красноярска – Сергей Иванович Ломанов.

НЕ ВСЕ РЕШАЮТ ДЕНЬГИ

– «Енисей», несмотря на все финансовые невзгоды, по-прежнему радуется болельщиков победами. Как вы умудряетесь выживать в столь трудное время?

– Да, перед началом сезона были опасения, что мы можем потерять лучших игроков. Ушли несколько человек, но в команде они были на вторых ролях. Проблемы, конечно, связаны с финансированием. Мы же бюджетная команда, и все трудности в крае сказываются и на нас. Но главная угроза для «Енисея» исходит от конкурентов. Они уже не раз пытались переманить наших лидеров, предлагая им зарплаты в несколько раз выше,

чем можем платить мы, но ребята пока устояли перед искушением. Ведь бывали сезоны и похуже, когда игрокам вообще в течение сезона зарплату не платили.

– А как они жили-то все это время?

– На энтузиазме, на желании победить. Ведь команда на самом деле была готова к высшим достижениям. Хотя, конечно, всему есть предел. И в 2001 году Иван Максимов не выдержал и чуть не уехал в Швецию. Тогда вмешались Лебедь и Селиванова, которые отговорили нашего капитана от этого шага. После гибели Лебедя судьба команды вновь оказалась в тумане. Но сейчас мы, похоже, нашли общий язык с Александром Хлопониним. В последнее время жили в основном благодаря помощи «Норильского никеля». Надеемся, что и дальше будем сотрудничать.

– В русском хоккее когда-нибудь зарплаты будут сопоставимы с теми, которые получают люди в футболе или хоккее с шайбой?

– Если и будут, то очень не скоро. Лучшие игроки чемпионата самой обеспеченной российской команды архангельского «Водника» получают около 10 тысяч долларов. Максимум. А посредственный хоккеист, гоняющий шайбу, за три тысячи долларов сегодня даже стула не встанет. Отношение к «русскому хоккею» может измениться, если на матчах появится Путин. Но президент – человек занятой, поэтому для поднятия престижа нашего вида спорта надо тормозить губернаторов, чтобы, например, Хлопонину было бы интересно с помощью «Енисея» утереть нос Тулееву, опекающему «Кузбасс».

МОСКОВСКИЕ ИГРЫ

– Непререкаемое лидерство «Енисея» в русском хоккее в восьмидесятые годы, наверное, можно

сравнить только с золотым периодом футбольного «Спартак» предыдущего десятилетия. Как возник этот красноярский феномен?

– Все было естественно. В Красноярске выросло целое поколение талантливых игроков. Причем успехи лучших подстегивали всех остальных. Помню, Андрей Пашкин съездил на сборы национальной команды и после этого стал расти как на дрожжах. Мое самолюбие было задето, и я устремился в погоню за ним. Конкуренция была здоровой. Для нас часто принципиальней было победить в двухсторонней игре своих товарищей по команде, чем противников из других городов.

– Ходили слухи, что вас «сватали» в знаменитое «Динамо»...

– Очень хорошо, что мы в тот момент смогли удержаться в Красноярске. Ведь тогда столичное «Динамо» использовало все свои немаленькие возможности, чтобы перетянуть нас в столицу. Меня уговаривали знаменитые тренеры Севидов и Трофимов. Были настоящие детективные сериалы. Сюда приезжали динамовские послы. Наши руководители этих гостей «вычисляли», и с помощью чуть ли не спецслужб «брали» их «тепленькими» прямо в гостиничных номерах, и отправляли обратно в Москву.

МЕСТЬ ПАТРИОТА

– Что вам дал шведский опыт?

– Наше появление серьезно усилило шведов. Ведь в их средние команды пришли лучшие русские игроки. Я тогда сильно удивился уровню «Сириуса», ведь его хоккеисты не могли даже отобрать у меня мяч. Я им в лицо говорил, что они играют в хоккей так же плохо, как мы живем.

– Неужели у скандинавов совсем нечему было учиться?

– Игре в защите. В Союзе тренеры учили нас в основном атаковать, тому, как взламывать оборону, а в Швеции, наоборот – как разрушать. Мне этот опыт очень пригодился, когда я стал тренером «Енисея». Жена мне как-то сказала, что в Швеции были мои лучшие годы. Как ни странно, там в мой адрес даже чаще аплодисменты раздавались, чем в родном Красноярске. Здесь если я обыгрывал всю команду, то это считалось в порядке вещей, в Швеции же овации устраивали даже после того, как я обводил всего одного соперника.

– У вас никогда не было желания назвать Швецию своей второй родиной?

– Да вы что?! Шведский образ жизни не для меня, хотя я там и прожил шесть лет. Меня, кстати, шведы сильно уважали за то, что я, живя у них, никогда не хаял Россию и не прыгал в радостном экстазе от Швеции. Я терпеть не мог их высокомерного отношения к нашей стране и, признаюсь, на льду нередко им мстил, специально делая то, что они не умеют, доказывая им, что даже в 35 лет я на голову лучше их. Ставил их на место.

– Для вас, наверняка, принципиально было выиграть у шведов Кубок европейских чемпионов, который принадлежал скандинавам долгие годы...

– Российские команды не выигрывали этот трофей 9 лет. Мне особенно радостно, что историческую победу одержали ребята, с которыми я, как тренер, начинал, когда им было всего 17-19 лет. Принципиально было и то, что это сделал именно «Енисей».

БЕЗ ФАЛЬШИ

– Вы стали тренером. А мыслей кардинально сменить род деятельности никогда не возникало?

– С хоккеем я связан навечно. Возможно, если бы в то время, когда я решил повесить коньки на гвоздь, мне встретился друг-бизнесмен, то судьба бы и затащила на другую дорогу, но все получилось так, как получилось. Хотя тренером я стал, может быть, и вопреки желанию некоторых людей. Существовало устойчивое мнение, что из хороших игроков не может получиться хороших тренеров. Впрочем, говорят еще и о том, что природа отдыхает на детях талантливых людей. Надеюсь, что моя жизнь успешно опровергает эти штампы.

– Почему вы решили стать тренером именно «Енисея»?

– Вообще-то, я всегда хотел стать детским тренером и знал, что это у меня должно получиться. Я абсолютно уверен, что смог бы из многих мальчишек сделать классных игроков. Мне самому повезло с тренерами, у которых я прошел очень хорошую школу. Они были личностями.

– Этого достаточно, чтобы стать хорошим тренером?

– Нужен еще характер, чтобы терпеть и добиваться цели через силу, а нередко и через боль. У меня это было всегда в крови – свое лидерство я стремился доказывать, когда играл еще в дворовых командах. Этому я хочу научить и сегодняшних игроков. И еще – внутренней самодисциплины и искренности. Фальши коллектив не прощает. Я тоже.

– Во время матчей вы очень эмоционально себя ведете, часто ругаетесь с судьями...

– Характер у меня не сахар. Но я никогда не встану на сторону судей, буду всегда защищать своих хоккеис-

тов. Бывали ведь случаи, когда ребята приходили в раздевалку и плакали от обиды после того, как нечистоплотные судьи нагло воровали у них победу. Я никогда не назову черное белым и, например, мне непонятны некоторые коллеги-тренеры, которые в раздевалке вроде бы заодно с ребятами, а прессе говорят совершенно противоположное, дескать, «доволен судейством». Ребята потом читают и начинают считать его, мягко говоря, двуличным человеком.

ЛЮБОВЬ НАРОДНАЯ

–Вы выиграли все титулы, которые есть в хоккее с мячом. Никогда чувства пресыщения не наступало?

–Да ну! Побеждать не устаешь. У меня всегда была серьезная мотивация, чтобы не расслабляться. Ведь не только в Красноярске люди специально «ходили на Ломанова». И я должен был им постоянно доказывать, что на самом деле лучший. Скажу честно, не люблю, когда обо мне плохо говорят и пишут...

–Известных спортсменов всегда сопровождает множество слухов и домыслов. Вы с этим не сталкивались?

–Ну а как же! Пресса, может быть, и не писала, а вот люди посплетничать любили. Рассказывали, например, что, дескать, мы вместе с братом и отцом каждый день пьем в парке, хотя я, когда играл, спиртное вообще в рот не брал. А однажды, помню, Юрий Непомнящий вдруг неожиданно позвонил мне домой в неурочный час и поинтересовался моим самочувствием. Потом оказалось, что ему позвонили из какого-то ресторана, в котором якобы я в пьяном состоянии побил все стекла. А для меня спортивный режим не был пустым понятием,

по кабакам вообще никогда не ходил. Я был единственным человеком в «Енисее», который перед матчами жил дома, а не на базе, потому что тренеры мне доверяли.

– Вы столько лет ради хоккея отказывались от маленьких человеческих радостей. Сейчас об этом не жалеете?

– Сложно сказать. Может быть, и дураком был. Сейчас уже в сорок пять вспоминаешь жизнь, а в ней только хоккей, хоккей, хоккей. Я на этом зациклен и даже ночью во сне, бывает, играю. Тем более, что по натуре я максималист и все, за что берусь, стараюсь делать на совесть. Хотя все это было здорово. Я на самом деле знаю, что такое любовь болельщиков. Ведь, бывало, чтобы попасть на матч, некоторые даже ночевали на стадионе.

– Какие победы вам наиболее дороги?

– Те, которые я одержал вместе с «Енисеем». Медали, которые я завоевывал в сборной, тоже дороги, но меньше. И еще особую гордость я испытал, когда в прошлом году нынешнее поколение красноярских хоккеистов, наконец-то, вернуло на берега «Енисея» звание чемпионов.

– А самые обидные поражения?

– Для меня все они обидные. После них я не могу нормально спать, переживаю страшно. Помню, как-то проиграли в Красноярске на глазах у своих болельщиков. Так мы с Виталием Ануфриенко специально ждали, когда на улице стемнеет, и дворами шли домой, потому что людям в глаза стыдно было смотреть.

НАСЛЕДНИК

– Вам психологически не сложно тренировать Ломанова-младшего?

– Поначалу я относился к Сергею излишне требовательно. Он переживал, и в какой-то момент возникли

проблемы. Помог мой старый друг, известный футболист и тренер Александр Тарханов. Он поговорил с Сережкой и после этого разговора подошел ко мне и сказал: «Старик, не дави на сына. Он сильно переживает за тебя и все сделает как надо». И я его отпустил, перестал делать замечания. Серега, наверное, поначалу вообще обалдел от такого счастья и заиграл ведь здорово после этого. Полетел, распахнулся!

**– Ваш сын оказался достойным наследником.
По силам ли ему превзойти вас?**

– Сергей очень предан хоккею. Он очень добрый парень. Если он превзойдет меня, я этим буду только гордиться. В конце концов, кто его сделал-то?!

2002

Александр Бердников:

«У КАЖДОЙ ЭПОХИ – СВОЯ ИНТОНАЦИЯ»

Председатель русского национально-культурного общества «Русло», диктор, чей голос с детства знаком многим красноярцам и жителям Хакасии, автор популярнейших теле- и радиопрограмм, шеф-наставник многих известных сегодня в крае журналистов. У нас в гостях – Александр Бердников – человек, который, впрочем, в особом представлении не нуждается.

ИЗ ПЕДАГОГОВ – В ДИКТОРЫ

– Вы более тридцати лет работаете в электронных средствах массовой информации. Это был осознанный жизненный выбор?

– Скорее, стечение обстоятельств. После четырех лет службы на Тихоокеанском флоте я поступил на филологический факультет Курганского педагогического института. За время учебы успел жениться, у нас родилась дочь. И вот получил диплом. Куда пойти работать? Знакомый привел меня к начальнику интерната, в котором обучались дети железнодорожников. Мужик сталинской закалки. С порога – вопрос в лоб: «Что умеешь делать?» Я не стушевался и смело ответил: «Я талантливый человек и умею делать все: и петь, и танцевать, и детей учить». Он взял неделю на раздумье, потом устроил мне пару проверок и в конце концов принял меня.

– Как же вы все-таки сменили педагогическую стезю на журналистскую?

– С телевидением получилось случайно. На местной телестудии работали знакомые, они и предложили мне

попробовать себя в качестве диктора. Меня пригласили читать поэму Роберта Рождественского «Пятнадцать минут до старта». Потом еще приглашали. Но слишком серьезно я это не воспринимал – для меня это была лишь возможность подзаработать. И только в 1968 году решился уйти из интерната на телевидение. Выдержал серьезный конкурс (пятнадцать человек на место). И четырнадцать лет проработал на областном телевидении и радио. В 1982 году переехал в Красноярск и стал работать уже здесь.

ГОЛОС РОДИНЫ

– Журналисты старшего поколения любят рассказывать о сверхжестких требованиях, которые в советские времена предъявлялись к дикторам. Это не байки?

– Раньше отбор в дикторы действительно был жесточайший. Сейчас требования помягче. И сегодня, увы, не всегда ведущие телерадиопрограмм отвечают профессиональным критериям. Ведь в работе диктора важно все: и правильное дыхание, и дикция, и мастерское владение языком. Советская дикторская школа была очень сильной.

– А вы у кого учились?

– Ни у кого. Хотя, естественно, не мог пройти мимо творчества лучших мастеров нашего жанра: Юрия Левитана, Нонны Бодровой, Игоря Кириллова. Иногда даже подражал им.

– Встречаться с Левитаном приходилось?

– Да, однажды довелось с ним полтора часа разговаривать. К Левитану у меня – особое отношение. Для меня это голос Родины. Родины немного официальной. А вот голос России, народной и простой, для меня отождествляет все-таки Виктор Татарский. Его интонация доходила до души каждого русского человека.

– Партийная цензура в советские времена не сдерживала творческий полет?

– Как-то, еще работая в Кургане, читал информацию, в которой назвал третьего секретаря областного комитета партии первым. По тем временам это было большим кощунством. Что тут началось! Меня вызывает начальник. Что делать? Решился на откровенную наглость – стал отрицать сам факт: «Не говорил я этого и все».

– А разве записи не осталось?

– А тогда еще не было записи технического контроля. Начальство удивилось моей наглости, но ничего со мной сделать не смогло. Хотя все это тянуло на «идеологическую диверсию».

КЛАСС МАСТЕРА

– Почему на краевом телевидении закрыли программу «Вы помните...», которая пользовалась большой любовью телезрителей?

– Я не хотел бы сейчас затрагивать эту тему – для меня она слишком болезненная. Скажу только, что главной проблемой тогда стали деньги. Когда эфирное время стало продаваться направо и налево, то для таких программ, как «Вы помните...», места на телевидении уже не осталось. Впрочем, многие мои программы ждал такой же грустный финал. Закрылись еще несколько программ: «Я встретил вас» и «Сибирской давности строка», «Давным-давно окончен бой», «Печки-лавочки».

– Что вам не нравится в современной журналистике?

– Слишком много ерничанья. Слишком много склок и раздоров в самом журналистском сообществе. Раньше такого не было.

– Если бы сегодня провести конкурс профессионального мастерства среди представителей старой школы и нынешних дикторов, кто бы победил?

– Для каждой эпохи – своя интонация и свой голос. Сравнивать, наверное, некорректно. Хотя, конечно, меня передергивает, когда я слушаю ди-джеев, которые буквально издеваются над русским языком. На мой взгляд, на так называемых музыкальных радиостанциях вообще никакого понятия о русском языке не существует.

– Не слишком ли вы суровы к молодым?

– Не хочу выглядеть старым брюзгой. Мне искренне нравятся многие сегодняшние ведущие телевизионных программ. Личности в Красноярске есть и сейчас, а телевидение ведь на них и держится. Из нынешних тележурналистов сильно уважаю Вадима Вострова. Настоящий умница и, самое главное, мужик. Я с удовольствием слежу за творчеством других своих учеников: и Оли Тепляшиной, и Андрея Гришакова, и Иры Андреевой. Да всех не перечислишь.

– О вашем мастер-классе ходят легенды. Все-таки педагогическое образование пригодилось?

– В моей жизни очень многое решал случай. Лет десять назад на меня неожиданно вышел Сергей Миних, который тогда создавал первую в Красноярске независимую радиокомпанию «Местное время». Он попросил поучить своих молодых сотрудников дикторскому мастерству и культуре речи. Я согласился, и мне это неожиданно понравилось. Конечно, за десять лет многое изменилось и сегодня я учу по-другому. Вместе со своими учениками, я учился сам. Да и сейчас учусь.

УХОДЯЩАЯ КУЛЬТУРА

– Сейчас многие с тревогой говорят о том, что русский язык сильно засорен, в частности, американизмами. Этой экспансии можно как-то противостоять?

– Этому противостоять можно только личным примером. Говори сам правильно и чисто, другие за тобой потянутся. Раньше, например, еще на виниловых пластинках, постоянно выпускали концерты, на которых известные актеры читали произведения классиков. Сейчас этого нет, а жаль. На этом ведь тоже можно было бы учиться.

– Вы давно занимаетесь творчеством Василия Шукшина. В частности, вы прочитали десятки его рассказов на радио, дали сотни литературных концертов в крае. Как воспринимают сегодняшние слушатели его творчество?

– Шукшин, на мой взгляд, до сих пор нераскрытый писатель, которого нужно читать и перечитывать. Но даже и Шукшина забывают. В позапрошлом году отмечали его юбилей. И везде в афишах написали, что отмечается 60 лет, а не 70, как было на самом деле. И что вы думаете, хоть кто-то заметил эту опечатку? Никто. И это в городе, где находятся два филологических факультета!

При этом в народе его по-прежнему любят и всегда воспринимают очень душевно. Помню, однажды приехал я на станцию Солянка. Накануне там был большой праздник – то ли получку давали, то ли аванс. Моя аудитория состояла из двадцати хмурых мужиков, у которых на лице было написано одно желание: быстрее бы опохмелиться. А тут я с Шукшиным. Читаю – вроде бы никаких эмоций. Думаю: все – провал. Но после концерта каждый из них подошел ко мне и сказал искреннее «спасибо».

– Кроме Шукшина вы читали произведения и других мастеров современной русской прозы.

Серьезно отличаются ли они по манере исполнения?

– Абсолютно разный подход. Шукшина читать легко, а вот, например, Виктора Астафьева или Александра Солженицына читать очень трудно во всех смыслах.

– Почему Астафьева трудно читать?

– Его я читал очень много. Но легче не стало. Он слишком личностный.

– У вас нет ощущения, что та культура, на которой вы воспитывались, безвозвратно уходит?

– Такое чувство есть. Но мы не сдаемся. И, кстати, наше национально-культурное общество «Русло» и одноименный ансамбль пытаются этот процесс сдерживать. Недаром же мы постоянно колесим по краю и на сегодняшний день дали уже более 170 концертов! Хотя по-настоящему мы не востребованы до сих пор...

– Недавно вам исполнилось 65 лет. Позади насыщенная и интересная жизнь. Не думали о мемуарах?

– Мысли-то были, да только руки никак не доходят. Но, может быть, когда-нибудь дозрею. Да и молодой я еще, чтобы писать воспоминания.

2001

Галина Шленская:

«ФЕНОМЕН АСТАФЬЕВА ЕЩЕ ЖДЕТ СВОЕГО РАСКРЫТИЯ»

Еще свежа боль утраты, еще не забылись скорбные лица тысяч красноярцев на похоронах Виктора Петровича Астафьева. Наверное, когда-то мы сможем более спокойно оценить все значение и величие писателя, которого по праву можно назвать совестью русской литературы. «Как сердцу высказать себя, другому – как понять тебя?» Очевидно, что до конца разгадать тайну гениальности Астафьева невозможно. Но приблизиться к этой разгадке – в наших силах.

Так считает ведущий красноярский литературовед, специалист по современной русской литературе, профессор Красноярского государственного университета Галина Шленская.

РАЗРУШАЯ ГРАНИЦЫ

– Галина Максимовна, у вас нет ощущения, что с уходом Астафьева завершилась целая эпоха русской литературы?

– Я оцениваю творчество Астафьева, Распутина и Солженицына как последнюю главу русской классической прозы. Я не одинока в этом мнении. Недавно я получила письмо от своего чешского коллеги, литературоведа Мирослава Заградки. Он считает, что даже для великой и многообразной русской литературы Астафьев – феноменальное явление. И этот феномен еще ждет своего раскрытия. Нам еще предстоит оценить и его дар,

и личность, и его гражданский масштаб, и поразительную творческую энергию. Ведь только в последние десятилетия им были созданы такие выдающиеся произведения, как роман «Прокляты и убиты», повести «Веселый солдат», «Обертон», «Так хочется жить».

Сам его жизненный путь от беспризорника до вершин мировой славы феноменален. Конечно, он был сыном своего времени, но критика так и не смогла затолкать его ни в одну из своих любимых ниш, хотя с редким упорством и пыталась это сделать. Ему приклеивали ярлык деревенщика, традиционалиста, почвенника, эколога... Сам Виктор Петрович относился к этим потугам критики совершенно равнодушно. Это и понятно – он не стереотипен в постановке и решении общих в его творчестве с другими писателями-современниками проблем. Уникальны его жанровые формы, а язык астафьевских творений способен и восхищать (порой целые страницы воспринимаются как стихотворения в прозе!), а иногда и обескураживать...

– А вообще можно ли затолкать в какую-то нишу Гоголя, Толстого и других по-настоящему больших писателей?

– Любой громадный талант всегда разрушает все рамки и ограничения. При этом он, находя новые пути в искусстве, впитывает в себя многие традиции. Кстати, если говорить о предшественниках Астафьева, то я хотела бы обратить внимание на писателя, которого с его именем критика никогда не связывала. Это Иван Бунин. Для меня абсолютно очевидна их литературная перекличка. Вслед за автором «Окаянных дней» Астафьев мог бы обратиться к своим оппонентам полный достоинства вопрос: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?» Бунинская традиция в творчестве Астафьева прежде всего – в боли за нереализованные возможности и талантли-

вость русского человека, за так и не состоявшийся в его жизни ожидаемый праздник.

«И ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ЛИРОЙ ПРОБУЖДАЛ...»

– Довольно пессимистично звучит ваша фраза «о последней главе». Вы считаете, что в современной России литература утрачивает свое значение?

– Несомненное разрушение отечественной литературы, конечно, ударяет по нашей ментальности. Причем это удар по тому, где мы были наиболее сильны, ярки и самобытны и в чем нас мир признавал. И все же я верю, что сегодняшняя кич-культура не вытеснит из нашей жизни настоящую русскую литературу. Ведь вся наша философия и понимание русской жизни в подтексте литературы заключена. И Астафьев прежде всего интересен как писатель, выступающий в русле этой традиции. Без соотнесения прозы Астафьева с русской философской мыслью невозможно проникнуть в глубинные смыслы его творчества.

– Как вы думаете, во имя чего писал Астафьев, особенно в последние годы, когда бывшие «властители дум» русской интеллигенции были оттеснены конъюнктурными литераторами?

– Я думаю, к творчеству Астафьева хорошо подходят пушкинские слова: «И чувства добрые я лирой пробуждал». Об этом, кстати, забыли сегодня многие в России, мнящие себя интеллигентами и интеллектуалами. Достаточно распространенным стало мнение, что «литература и нравственность» сегодня разлучены. А ведь большого писателя без нравственности не бывает.

– А как сам Виктор Петрович оценивал свой литературный труд?

– Виктор Петрович всегда строго оценивал свое творчество. Он считал, что, когда за нами возвышаются такие гиганты, как Толстой и Пушкин, каждый должен сто раз подумать: имеет ли он право отнимать время своими вещицами у читателей? Я была свидетелем одной очень показательной истории, случившейся лет двадцать назад. Ко мне обратились представители крайкома комсомола и попросили принять участие в семинаре, где собирают всех поэтов-строителей. Я была обескуражена. Мне это напомнило времена РАППа, когда был выдвинут лозунг: «Ударников от станка – в литературу». Но мне сказали, что на семинаре будет Астафьев, и я все же туда пошла. Встреча проходила в Студгородке. В зале, предоставленном под семинар, было, наверное, человек сто. Виктор Петрович какое-то время внимательно, но все более недоумевающе слушал оратора, а потом вдруг встал и резко выступил: «Если из всех вас получится хотя бы один писатель, то это будет самый лучший итог семинара. Писательское ремесло – это колоссальный труд плюс талант от Бога данный». Бедный организатор этого семинара сидел и во время этих слов обливался потом.

СЛЕЗА «НЕСБЫВШИХСЯ НАДЕЖД»

– Многие произведения Астафьева можно назвать философскими притчами. В частности, «Царь-рыбу», которая по праву считается вершинным произведением Астафьева. После его публикации к нему пришла мировая слава. Чем же так «зацепила» она читателей?

– Когда я впервые прочитала этот роман, то ощутила в авторе человека, который уже понял, что бесполезно взывать к разуму и сердцу современного человека. Люди настолько очерствели, что Астафьеву приходится говорить о «законе возмездия», который с неизбежностью

настигает человека, поправшего законы природы. Практически все герои «Царь-рыбы» были наказаны за совершенные когда-то прегрешения. Кстати, о философии. Во многих произведениях Виктора Петровича, а особенно в «Царь-рыбе», то гневно, то убеждающе звучит требование опаматоватьсь, отважиться на самоосуждение, за которым, по словам русского мыслителя Константина Леонтьева, неизбежно следует покаяние и возрождение.

– Но ведь о том же «законе возмездия» Астафьев говорит и в романе «Прокляты и убиты». Тем не менее, в отличие от «Царь-рыбы», немало людей, в том числе и бывших фронтовиков, этот роман не приняли.

– Да, этот роман сильно ругали. И Виктор Петрович от этого страдал. Я это очень сильно почувствовала во время последних разговоров с ним. На одной из последних встреч с читателями Астафьев заявил: «Не буду я врать о войне. Я был именно на такой войне. На войне было такое, чего вообще быть не может». Виктор Петрович рассказывал, что как-то видел пленного немца, закутанного в бабьи тряпки, у которого ресницы были белые от гнид... При этом, справедливости ради, отметим, что он получал ведь и немало писем от ветеранов, которые глубоко разделяли его понимание войны. Но дело не в критиках, которые часто нападали на Астафьева чисто из политических конъюнктурных соображений. Правы те, кто принципиальную новизну этого романа увидел в том, что впервые за всю свою историю священную Отечественную войну ведет Русь расхристианившаяся. В то же время Астафьев убедительно показывает, как велика душевная потребность в молитве, которую в трагические минуты испытывают даже те из его героев, кем имя Божье предано забвению. И еще об одной важной грани творчества Астафьева хотелось бы сказать. В свое время Михаил Исаковский написал знаменитые строчки о солдатской

слезе «несбывшихся надежд». В советские времена этой слезе в литературе пролиться не давали. И, кстати, песню на слова Исаковского разрешили только после 1956 года. Астафьев в своей военной прозе (вспомним хотя бы произительный рассказ «Пролетный гусь») показал, что наши солдаты, отстоявшие страну, нормальной жизни для себя и своих близких так и не получили. И у Астафьева слеза «несбывшихся надежд», наконец-то, пролилась.

– Если я не ошибаюсь, впервые эта тема была заявлена еще в ранних произведениях Астафьева о войне и в «Проклятых и убитых» получила свое естественное завершение?

– Астафьев всегда тосковал о нормальном образе жизни. А война, безусловно, выламывала человека из его естественного состояния. Вспомним «Пастуха и пастушку». Герои этой повести за то мимолетное время, которая отвела им судьба, пытаются построить семью. При этом они не играют. Они совершают обычные семейные дела: трапезничают, стирают, идут в баню. То есть совершают своеобразные семейные обряды. Все это – выражение тоски по естественному образу жизни. Астафьевские герои очень редко говорят слово «люблю». Для него любовь, это когда мужчина и женщина, чтобы вместе выжить в этом огромном и часто враждебном мироздании, тесно прижимаются друг к другу в своем доме. Астафьевские герои постоянно пытаются лепить дом. Особенно в его военной прозе. Дом – это антитеза разрушению, которое приносит война. Стремление к своему дому – у нас в генах и Астафьев это гениально выразил.

ПРИВИВКА ОТ «ЛАКИРОВКИ»

– Кажется, Горький предсказывал, что следующий великий русский романист родится в Сибири. Как вы думаете – это предчувствие Астафьева?

– В одном из интервью Виктор Петрович сказал, что у него есть предощущение появления гения в литературе, того, на которого его поколение работает. Буквально его слова звучали так: «И на этот раз гений появится не в пределах российского Нечерноземья, а на нашем сибирском просторе, где содержится еще мощь, энергия, сила». Астафьев ли это? Судить читателям.

– Вы не боитесь, что сейчас Виктора Петровича «залакируют» и превратят в памятник?

– Лучшая прививка от «лакировки» – любовь читателя, а Астафьев признаваем народом. Недавно со мной произошла в чем-то даже символичная история. Одна хорошая знакомая сообщила мне, что в Иркутске проживает женщина, которая от руки переписала «Последний поклон». Она дала мне ее адрес, который я, к несчастью, потеряла. Но уже после смерти Виктора Петровича моя знакомая вновь позвонила мне и сообщила, что эта поклонница Астафьева сейчас проживает в Боготоле. Я взяла ее адрес, написала ей письмо и недавно получила ответ. Как выяснилось, эта женщина очень бедно живет и книги может брать только в библиотеке. Но «Последний поклон» настолько ее поразил, что она захотела иметь его постоянно под рукой. И вот она брала эти книги, ночами не спала и все-таки переписала... Кто из нынешних модных писателей может мечтать о таком признании?

У меня, наоборот, ощущение, что нам предстоит его еще открыть. Это для меня совершенно ясно. Сможем мы ли его открыть? Если сможем вернуться к своей исконной русской натуре, русской ментальности, то да.

2002

ТОСКА ПО АВТОРИТЕТАМ

Нынешние времена недаром иногда называют эпохой безверия и цинизма. Процесс обесценивания всего и вся начался не сегодня и не вчера. Еще в девятнадцатом веке Фридрих Ницше в отчаянии воскликнул: «Бог умер!» Идеалы эпохи просвещения подобно коррозии размыли устои традиционного общества. Религиозные ценности и страх Божий уступили место безудержной вере в прогресс и фанатичному поклонению золотому тельцу. Это умонастроение стало, как модно сейчас говорить, основополагающим трендом истории человечества.

Однако даже в самые мерзкие времена в нормальных людях все еще живет тоска по настоящему, по неким незыблемым авторитетам, которые несут свет истины жаждущим ее, авторитетам, которым хочется (и надо!) верить. Если такой тоски нет, то на человеке можно ставить крест – в духовном смысле он мало чем отличается от зомби.

И тут важно не обмануться. Мы живем в мире тотальных иллюзий, обществе зрелищ, искусных подделок и лукавых подмен. Под благообразной маской кормчих современности зачастую скрываются хрюкающие рожи делегатов преисподней. Производство кумиров и ложных божков нынче поставлено на конвейер. Эти божки стали главными персонажами разноцветного карнавала искусственных телесновидений. В этом калейдоскопе легко затеряться, забыть самого себя, принять за путеводную звезду лживые болотные огоньки, которые коварно заведут вашу душу в трясины забвения, где она и погибнет безвозвратно.

Вторая опасность грозит с другой стороны. Казалось бы, логичным ответом на глобальную секуляризацию может быть возрождение религиозности. По некоторым признакам нечто подобное уже наблюдается в исламском мире. Не так уж далеки от истины иранские аятоллы, называющие передовой отряд Запада – США «большим шайтаном». Однако религиозный фанатизм, возведенный в ранг государственной политики, неминуемо ведет к конфликту цивилизаций, чреватому полным уничтожением человеческого рода. Это верный путь в никуда, и вряд ли он угоден Аллаху. И такие лжеавторитеты, рядящиеся в религиозные одежды и прикрывающиеся волей Всевышнего, вряд ли заслуживают доверия. Именно про них сказано в Писании: «Не сотвори себе кумира».

Где же найти-то настоящее, как отличить его от эфемерных блесков? А не надо далеко ходить: на нашей с вами земле жили люди, которые своей жизнью доказали, что даже в атеистическом государстве есть место духовному подвигу. Только два примера. Знаменитый священник-хирург святой Лука Войно-Ясенеvский, который уникально сочетал в своих деяниях служение Богу и людям. Спасал не только их тела, но и души. Или Виктор Петрович Астафьев, человек совсем не святой, не всем нравящийся, но сумевший что-то такое понять в нашей жизни, что до сих пор заставляет пристально вглядываться в его книги в поисках некоего откровения. Хоть и говорят, что нет пророков в своем отечестве, но иногда стоит отбросить замусоленные клише и вглядеться в лица современников.

Конечно, это исключительные образцы, и не всем дано пройти по тонкому канату истины над бездной современного мира. Энтропия нарастает в геометрической прогрессии, и, честно говоря, немного шансов противостоять ей. Каждый, кто по-настоящему ищет, найдет,

наверное, свой маршрут. Кто хочет, тот сможет отделить зерна от плевел. Не стоит только, расставаясь с иллюзиями, прощаться с надеждой. Как сказано в книге пророка Исаяи: «Кричат мне с Сеира: сторож! сколько ночи? Сторож! сколько ночи? – Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь». Да, темнее всего перед рассветом...

2006

Алексей Мещеряков:

«ЗАМОЧИМ В САТИРЕ!»

Критики называют его «сибирским Шендеровичем» и наследником традиций Салтыкова-Щедрина. Его литературно-политический сериал «Девки для президента» вызвал немало шума в политозабоченной тусовке. В книгах в весьма язвительной форме описывается изнанка жизни звезд политической сцены, которую сам автор обозначает как некую красноЯМСкую политсцену. Простые (и непростые) читатели надрывали от смеха животики, прототипы героев бледнели и краснели.

Мещеряков уже в ближайшее время обещает опубликовать продолжение этой исторической сатириады. Но интересен он не только своей сатирой.

– Сатирик, поэт, журналист, телеведущий... Алексей, а не пора ли вам определиться?

– Мне часто задают вопрос, кто же я по профессии... Пытался как-то подсчитать, сколько профессий приходится совмещать, выполняя ту или иную работу. Насчитывал до тридцати. А после стал отвечать так: поскольку я столь уж «многофункциональный», профессия моя – «то, чего не может быть». А на визитках своих пишу просто: литератор.

«ДЕВОК...» ИМ ПОДАВАЙ!

– Другая визитная карточка – «Девки для президента»...

– Эти «Девки...», точнее, глупые вопросы только об этих книгах меня уже порядком достали! Журналисты постоянно отождествляют героя повествования со мной, совершенно не понимая, что такое художественный образ. Сериал пишется уже лет 15, и я определил его жанр как летопись. С ударением на последнем слог! Можно назвать сие и сатирическими хрониками, где «все на всех похожи». Ибо реальных героев в книге все же нет.

– Думаю, Алексей Николаевич, вы лукавите. И персонажи до боли знакомы, и узнаваемые ситуации вы в книге описываете.

– Это проблемы тех, чьи жизни похожи на карикатуры. Да, «Девки для президента» – это карикатурные зарисовки, остро сатирические, но я не задавался целью писать биографии прототипов. Реальные факты стали лишь основой для художественного воплощения. Фрагменты этих книг печатались 8-10 лет назад в тиражных красноярских изданиях, первая книжка полностью перепечатывалась в «Сегодняшней газете» в 1996 году, вторая – в «Красноярской газете» в 1998-м. И – вдруг приезжают наемные журналисты из одной газеты и подробно расспрашивают, а что же я думаю, извините, о голубых, да еще и в конкретной красноярской политике?! Извините, но о голубых в Красноярском крае что-то там свое думал мой литтерой Витка Караулов. А я... что я думаю... В Красноярском крае педерастов нет. Это же не Франция какая. Вымерзли здесь давным-давно все педерасты!

– Проблем с прототипами «Девки для президента» не было?

– Осмелюсь заметить, что эту книгу писал не самый глупый человек в Красноярском крае, наверное. Повторю: нет там реальных героев. (Кстати, замечу на всякий пожарный, что название книги родилось в эпоху совсем другого президента – Бориса Нелокаевича.) Только

место и время событий реально – иногда. Вначале я поработал в этом сериале над коммунисто-демократами, потом над демократо-коммунистами. И те и другие от смеха закатывались, когда читали про своих оппонентов, но как только повествование доходило до них, их лица что-то мрачнели. Рассказывали, как мою книгу читали в одном из высоких кабинетов, где обитал один из ее прототипов. Рабочий день давно закончился, а он читает эту книжку по телефону другому ВИПу, а его сотрудники домой уйти не могут. А он читает, аж в приемной слышно, ржет... Все ведь зависит от степени ума того или иного политика.

Забавно получилось с главным героем – Виктором Карауловым. Я уже позже узнал, что, оказывается, сто лет назад в Красноярске жил и работал журналист-сатирик с такой фамилией. Был еще политссыльный В. Караулов, которого потом избрали депутатом III Государственной думы от Енисейской губернии. Такая вот реинкарнация.

Вообще я стал в какой-то степени заложником «Девоч для президента». Мало кого интересует, что сейчас большим тиражом выходит итоговый сборник моих стихов «Искренность». В Союз писателей России меня ведь не за сатирические произведения приняли, а именно за стихи. Нет же! «Девоч...» им подавай!

ЭПОХА ГЛЯНЦЕВОГО ЛУБКА

– Стихи у вас тоже сатирические?

– Стихи у меня другие... Хотя попадаются и сатирические, конечно. В этой же книге «Искренность» впервые будет опубликовано полностью интервью с известнейшим отечественным литературоведом, историком Вадимом Кожиновым, открывшим в свое время русско-

му читателю поэта Николая Рубцова. Вот только кто сегодня серьезные вещи читает?.. Кстати, сатира – страшная вещь. Я из-за нее и стихи почти перестал писать. Не диктует Господь, Ангел, Космос, кто там их диктует. Наказывают... Поэтическая тишина сейчас.

– На ваш взгляд, серьезная литература еще имеет шансы на возрождение? Или нам осталось только говорить над ней пышные надгробные речи?

– Недавно праздновали 60-летний юбилей Красноярской писательской организации. Были речи, были награды, даже мне вручили благодарственное письмо от Петра Пимашкова «за многолетнюю плодотворную творческую деятельность». Банкет был, на который я не пошел, естественно... В отличие, скажем, от застолья по поводу открытия памятника Виктору Петровичу Астафьеву, куда я зашел. Почему? Да слишком уж много «близких друзей» у Астафьева, их все больше и больше, хотел посмотреть отдельным в глаза. К слову, окружающие памятников, что само по себе дело хорошее, увы, поэзию понимают в лучшем случае на уровне буриме. Некая «девушка с баяном», которую я только так и называю и которая шьет себе неплохие юбки, не дала намеренно звание «Заслуженный работник культуры» лучшему, на мой взгляд, поэту края Анатолию Ивановичу Третьякову. Его творчество высоко ценил Виктор Астафьев. Третьяков написал гимн Красноярска. Только что в Швеции его стихи оценили первыми в каком-то там всемирном конкурсе... А красноярские чиновники-чиновницы не понимают, что такое ПОЭЗИЯ! Беда их, конечно. Сейчас в литературе царствует попса. Какое время на дворе, таковы и мессии: Донцова, Бушков... Хотя людям нужен лубок в глянце, конечно, так же, как нужны туалетная бумага, хозяйственное мыло... Выпускали же в начале прошлого века копеечные книжицы о Нате Пинкерто-

не, о Ваньке Чуркине. Народ их с удовольствием читал. Только это не совсем литература, как бы.

Большая литература осталась все-таки в прошлом. Но ведь в разные времена люди не переставали писать стихи и романы. И если бы не было многопишущих, не было бы почвы, на которой творили Астафьев, Распутин, Шукшин, Третьяков, Рубцов. Короче, не дождутся смерти литературы. Не дождутся!

РУСОФОБЫ И ПАТРИОТЫ

– Алексей Николаевич, а вам не кажется, что и сатира в нынешнюю эпоху ушла в подполье? Ваш коллега Шендерович, прославившийся на всю страну в середине девяностых годов своими «Куклами», вообще куда-то пропал.

– Сатира не умрет никогда! Просто сейчас она, мягко скажем, не в фаворе, ибо нельзя назвать сатириками тех, кто круглосуточно вещает с телеэстрады, это – массовики-затейники. А с Шендеровичем я шапочно знаком. Встречались несколько раз, водку пили. Но я кто угодно, в том числе и «то, чего не может быть», но только не «сибирский Шендерович». Опять же, многие вещи мы на красноярском ТВ вместе с режиссером Юрием Мячиным стали делать раньше его лет на несколько; по красноярским газетам пошли мои сатирические рубрики еще с начала девяностых, когда о Шендере никто и не слыхал. Но – у них у всех огромное преимущество: федеральное телевидение, радио. Впрочем, «сочтемся славою»...

– Но все-таки именно Шендеровича еще недавно считали сатириком № 1 России. Вы согласны с такой оценкой?

– Мне не по душе его сатирическая проза не только из-за ее мелкости (ну, не Розанов он, извините) – просто

от шендерятины так и несет русофобским душком. Не считаю я его, мягко говоря, патриотом в духе того же Рубцова – «Я люблю Родину. Я очень люблю Родину». Виктор Шендерович, по моим оценкам, Россию любит не очень. Хотя это не мешало мне, повторю, водку пьянствовать вместе, обниматься, фотографироваться с ним. Мы – русские – с кем только не пьянствуем?! Когда отдыхаем, конечно, то есть ну-у очень редко.

– Вы противопоставили себя Шендеровичу по линии: патриот – русофоб. Вам не кажется, что сегодня эта оппозиция не слишком актуальна?

– Я не называл Шендеровича русофобом. Впрочем, как и себя патриотом. Не будем говорить о госпоже далекой Истории, ибо в самое ближайшее время, еще в современной России, люди разберутся, кто же здесь у нас патриот, а кто не очень.

– Насколько я знаю, вы состоите в переписке с еще одной знаменитостью – Михаилом Ходорковским...

– Да, я на самом деле переписываюсь с ним. Переписка началась еще до суда, когда он сидел в Лефортове. Я ему написал. Он неожиданно ответил. Мы нашли немало общих точек соприкосновения. Не без удовлетворения я нашел отзвуки нашей дискуссии в его знаменитых открытых письмах. Потом он слово «Бог» стал писать с большой буквы... Ходорковский ответил, что благодарен мне за поддержку и за помощь в работе, это было как раз после шумихи, когда вся Россия гудела: а кто ж написал «Кризис либерализма в России»? Кто, кто?! «Шендерович»! По сей день считаю, что МБХ сидит избирательно. По его уголовным статьям можно было бы пересажать всех российских олигархов, но они почему-то на свободе наслаждаются жизнью, а Ходор рукавицы шьет на зоне. Увы, прошение о помиловании он, види-

мо, писать не будет. Значит, сидеть ему – не пересидеть. Дай Бог ему здоровья, конечно.

– Положа руку на сердце, Алексей Николаевич, вы разве всегда работали только по вдохновению? Так уж и никогда не работали «по заказу»?

– «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать» (А. С. Пушкин). Однако справедливости ради замечу, что я, с кем бы ни работал, не лгал никогда. Люди так говорят. Я всегда говорил и писал искренне, по-другому просто не умею. Мне приходилось работать на самых разных выборах, приходилось, вылепливать «из того, что было, всяких мэров-пэров-депутатов, которые действительно ввали иногда – но от себя и за себя, и это все же несколько иное. Да – нас всех нередко обманывали кандидаты. Писал я потом об этих хамелеонах, ведь для моих сатирических хроник подобные «хождения под мухой с политиками» – бесценный материал.

ВЕЧНОЕ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

– Бедные ваши кандидаты!..

– Наши кандидаты, уважаемый Сан Саныч, наши! И не бедные они давно, в депутатах, чай, походили. А кандидаты действительно бывают разные. Хотя сейчас в нашей стране вроде как одна партия – и все остальные?

– Скучно ведь, когда все предсказуемо?

– Это уже из другой оперы. Существовала в свое время КПСС. Мне на нее было глубоко наплевать. Я ведь не был членом партии. Вы же не были?

– Не состоял.

– Вот и славно! Однако лично мне КПСС не мешала. И «Единая Россия» сегодня мне не мешает. Наверное, все-таки нужен для нашей страны какой-нибудь партий-

ный перст. Указующий и направляющий. Вот он снова и появился. Главное, чтобы народ не страдал. Правда, редко можно встретить политика, который искренне болел бы за интересы нашего народа.

– Так и выборы, получается, не нужны?

– Выборы нужны, и одномандатные округа нужны. Тот, кто хочет сказать правду, должен иметь возможность ее сказать. Для этого нет лучшей возможности, чем избирательные кампании в одномандатных округах. Вот если выборов вообще не будет, нас опять ждут застой, отсутствие перспективы и полнейший развал. Я считаю большой глупостью отмену порога явки. Тупость даже не в том, что отменили порог явки, а то, что трезвонят об этом на каждом углу: «Не ходите, не ходите, не ходите!» А мы возьмем и пойдем!

– Вы думаете, народ у политика так уж интересна?

– Правда о настоящей политике на поверхность выходит редко. Ведь политика для народа, к которому я имею смелость и себя причислять, – это шоу, маскарад, страсти на экране, это – зрелищный спектакль, фрагментами – клоунада. По большому счету, настоящий политик у нас в стране сейчас один, и все мы его знаем. А все остальное – тараканьи бега, как называл все это покойный Александр Иванович Лебедь. Но в этом нет ничего плохого. Шоу было и в России сто лет назад, без него не обходятся выборы и в так называемых цивилизованных странах.

– Вы же сами сказали: у нас только один настоящий политик. Всех остальных «построили». Так стоит ли огород городить?

– Не верю я в то, что у нас в стране авторитаризм и отсутствует свобода слова. Считаю, что многие самостоятельно испугались неких призраков и попрятались по норам. Лично я говорю все, что думаю, и никто мне

за это по шапке не дает. Может, юродивым считают? И это хорошо. Могу только посоветовать прочитать, что написал тот же Вадим Кожин о юродивых в своей книге «Победы и беды России». Я же в своем сатирическом творчестве следую своему девизу, который намекает на известный путинский афоризм: «Замочим в сатире!». Уверен, что и в Госдуме, и в нашем Законодательном Собрании должны быть люди, которые пусть и не будут играть там главную скрипку, но смогут говорить народу правду о том, что на самом деле творится в коридорах власти.

– Не только сатирой жив писатель. Что все-таки дает силы творить?

– К сорока пяти годам я понял, что будь ты читатель или писатель, Шендерович или Солженицын, все-таки главное в жизни – это дом, семья, дети. Ради них я живу, ради этого я пишу, именно это и дает мне некие творческие силы. Предполагаю, что я все-таки верно оцениваю себя и свое творчество. Если вся моя сатира и будет интересна кому-то в будущем, то лишь историкам, даже не литературы, а тем, кто лет через сто будет рыться в подшивках старых газет, возможно, изучая все углы нашей Смутной эпохи. Верую, как и все нормальные граждане нашей страны, что «смутное время» уже на закате. А надежда, что от тебя в истории останется хоть «одна строчка», есть у любого пишущего. И ежели это так – такой строчкой (от меня) будет только строка поэтическая... Вообще же я давно хочу и, наверняка, еще успею написать сказки для детей. Я своему младшему сыну за четыре-пять лет несколько «сказочных мешков» с аудиокассетами нарасказывал. Эх, месяца бы три-четыре «свободного времени»!.. Но – время-то еще есть. Я так думаю.

«ДО БОЛИ НАМ ЯСЕН ДОЛГИЙ ПУТЬ...»

Поэзия нынче не в моде. Возможно, сомнительные потуги ОРТ по популяризации Сергея Есенина и приведут к кратковременной вспышке интереса к творчеству поэтов Серебряного века, но вряд ли это станет устойчивой тенденцией – в бескрыло-прагматичное время угораздило нас родиться!

И все же не могу пройти мимо юбилея Александра Блока, отмечаемого в ноябре. Стихи одной из самых знаковых фигур русской поэзии звучат сегодня не менее актуально, чем 90 лет назад:

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забыть не в силах ничего.

Многие воспринимают Блока в первую очередь как поэта «Прекрасной Дамы» и «Незнакомки», погруженного в свои лирические переживания. Да, и это тоже, но все же его творчество развивалось не только и не столько в узком и (скажу правду!) не слишком интересном пространстве любовной лирики. Поэзия Блока насквозь исторична и остросоциальна. Где-то здесь и кроется отгадка на вопрос, почему Блок до сих пор интересен не только горстке литературоведов и томных барышень, но и широкому кругу вполне вменяемых «неспециализированных» читателей.

Блоковская Россия, хоть и сильно покоруженная десятилетиями владычества большевиков, но все-таки в чем-то главном сохранилась.

Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пускай заманит и обманет, –
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Чародеи той эпохи уже давно горят в аду, но коварных искусителей хватает и сейчас. Вообще, что-то есть в концепции вечного возвращения, исторического круговорота. Возможно, это субъективно, но, на мой взгляд, мироощущение многих представителей поколения тех, кому сейчас под сорок, вполне можно сравнить с мировосприятием блоковского поколения.

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла.
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла.)

«В огне и холоде тревог» прошла наша молодость. Прошла под раскат и гул рушащейся великой Империи. Мы пережили второе за двадцатый век падение России. Первое произошло при Блоке, и он гениально отразил это в трагической поэме «Двенадцать». Поэма, за которую многие до сих пор не могут простить Блока за прозвучавшую в ней якобы апологетику большевизма. Да, вихри революции заморозили, заколдовали, закружили в своем полубезумном урагане многих, но Блок не был большевиком, и не случайно после «Двенадцати» он, как поэт, умолк. Братоубийственной бойней Гражданской войны его лира не вдохновлялась. Были, правда, еще пророческие «Скифы»:

...когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

Думаю, сегодняшние французы оценили бы точность блоковских строк...

Один мой приятель, узнав, что я решил написать заметку про Блока, удивился: «Он же кокаинист, алкоголик и белобилетник! Что про него хорошего можно сказать?» Не буду спорить о личностных качествах Блока. Замечу только, что настоящая поэзия никогда не создавалась абсолютно законопослушными гражданами. Пушкин кутил и распутничал, Некрасов играл в карты, Есенин пил и скандалил. Ну и что?! Поэтический гений – слишком опасный дар, часто сжигающий творца изнутри. Но поэту все можно простить за такие строчки:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль:
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

2005

НА ЛЬДИНЕ

*(Заметки о творчестве писателя
Валентина Распутина)*

«ЧТО мы ищем, чего добиваемся, на что рассчитываем?.. Все чаще накрывает нашу льдину, оторванную от надежного берега, волной, все больше крошится наше угловое суденышко и сосульчатыми обломками истаивает в бездонной глубине. С проходящих мимо блистающих довольством и весельем океанских лайнеров кричат нам, чтобы мы поднимались на борт и становились такими же, как они. Мы не соглашаемся».

Так говорил Валентин Распутин на вручении ему Солженицынской премии. Последний сибирский классик. Человек, чье горькое творчество по-прежнему ослепляет современников своими пронзительными апокалипсическими прозрениями. Великий «несоглашатель» с блескуче-фальшивыми ценностями современного мира. «Нравственник» по определению Солженицына.

САМ писатель не любит громких эпитетов в свой адрес. На недавней встрече с красноярской интеллигенцией он тактично, но довольно жестко осадил одну из своих восторженных поклонниц: «Не называйте меня великим или гением. После могилы оцените». Будем надеяться, что до этого печального события еще далеко. И так слишком много потерь за последние годы. Валентин Григорьевич недаром решил объехать памятные места, где покоится прах его товарищей по писательскому цеху. Василий Шукшин, Федор Абрамов, Евгений Носов... Но начать «круг памяти» решил все-таки с астафьевской Овсянки.

КРУГ ПАМЯТИ

«Я не был у Виктора Петровича в девяностые годы и не попрощался с ним. Сейчас я почувствовал потребность побывать на могиле Астафьева. Собрался и поехал. И правильно сделал – здесь я почувствовал облегчение. Такое чувство бывает после исповеди и причастия, когда скидываешь все горькое и тяжелое и выходишь из храма обновленным. И ноги ступают не по земле, а выше...»

Немало было пересудов о сложных отношениях между двумя сибирскими классиками. Политические разломы начала девяностых многих развели по разные стороны баррикад. Но глупо требовать от двух больших художников согласия во всем. Строевым шагом хорошо ходить разве что в армии... И Распутин, и Астафьев в своем творчестве показали высокие образцы любви к России. Любовь эта хоть и разная, но в основе своей все же и неуловимо похожая. Так похожи и не похожи братья от разных отцов. Общий «ген» у них – трепетное отношение к исконному русскому слову.

ПОСЛЕДНЕЕ СОЛНЫШКО

«Я МНОГОМУ учился и научился у Виктора Петровича. У него главная героиня многих произведений – бабушка. У меня тоже. Она оказала на него большое влияние, и он сам всегда говорил: не будь ее, неизвестно, что из него получилось бы. У меня то же самое. Может быть, и стал бы писателем, но уже без того языка, который почерпнул у нее. Сейчас иной раз вспомнишь какое-нибудь бабушкино слово и духом воспрянешь... Думаю, именно язык не дает ощущения самой последней тяжести. Русский язык как солнышко. Я всегда в своей про-

зе стараюсь, чтобы это солнышко было. И именно оно спасает писателя, который рискует затрагивать тяжелые вещи... Когда у читателя будет возможность окунуться в этот язык, он вспомнит многое: и могилы предков, и свои грехи, его потянет и извиниться перед теми, кому он сделал плохо, и он пойдет на исповедь».

Красноярцы любят подчеркивать, что как писатель Распутин начинал на берегах Енисея. Жил сначала на улице Вейнбаума, потом переехал на Предмостную площадь. Общеизвестный факт, что в шестидесятых годах он работал в «Красноярском комсомольце». Однако газетчика из него не получилось. И слава Богу! В одном из интервью он признался: «После деревни работа в газетах потребовала нивелировки языка. И мне приходилось поддаваться на это. Ломать себя. Но очень скоро я опамятовался и понял, что это не мое. И как только я вернулся к родному языку, мне стало гораздо легче...»

По сравнению с другими писателями Валентин Григорьевич пишет очень немного. Он бережет свой дар и никогда не ставит свое творчество на конвейер. Это не сегодняшние «скороспелки», умудряющиеся за год выдавать на-гора по четыре романа. Может, потому так и налито золотистой по-бунински солнечной силой каждое слово в его произведениях, что не стал размениваться писатель на суетную славу и материальные блага, а с особой бережливостью лелеял и возвращал их в творческой лаборатории своей души.

АПОКАЛИПСИС ОТ РАСПУТИНА

Ностальгическая нота многим кажется чуть ли не главной в творчестве Распутина. И вряд ли случайна его подчеркнутая привязанность к таким словам, как «прощание» и «последний». Он не был первооткрывателем

Руси уходящей, но, пожалуй, по изобразительной силе и творческой мощи мало что в современной литературе может сравниться с его повестями и рассказами, посвященными героическим (хотя и кажущимся тщетными) попыткам сохранить и на земле, и в душах русскую вселенную. Распутинская Матера, как и легендарный Китеж, все же уходит под воду. Когда повести Распутина только появились, мэтры соцреализма и апологеты литературоведческой классификации сквозь зубы констатировали: «Все это, конечно, печально, но прогресс требует жертв». Похоже, что не лукавили по своему соцреалистическому обыкновению, а и вправду так думали. Но в середине восьмидесятых годов появился «Пожар», и стало ясно, что говорит-то Распутин не о вчерашнем дне, а о ближайшем будущем. Страшном будущем.

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Валентин Распутин был одним из немногих, кто почувствовал приближение этих минут в летаргической неге брежневского застоя. Его «Пожар» ошеломил тогда многих. Помню, как, будучи первокурсником филологического факультета, впервые прочитал этот «Апокалипсис» от Распутина. Гнетущее давящее чувство не оставляло несколько дней. Думалось, что все-таки писатель слишком сгущает краски. Однако прошло всего несколько лет, и пожар, который до этого бушевал где-то в подполье, вырвался на просторы вся Русь.

Распутин не стал уподобляться творцам, которые, удобно расположившись в башне из слоновой кости, наблюдали (и где-то даже наслаждались) трагедией, разворачивающейся в стране. Он записался добровольцем на эту войну. Наверное, сказались деревенские корни Распутина. Ведь раньше в селе пожар всегда тушили всем миром. Валентин Григорьевич стал одной из знаковых фигур духовной оппозиции, которая в конце восьмиде-

сятых годов объединилась вокруг журналов «Наш современник» и «Молодая гвардия». Россию захлестнул либеральный угар, и все, кто сопротивлялся ему, переживали тяжелые времена. «Ретрограды», «националисты» и даже «фашисты»... Какими только эпитетами не награждали тогда патриотов, которые с ужасом наблюдали, как на всех парах добровольно мчится ослепленная страна в бездонную пропасть. Пытались предупредить. Именно тогда вышло знаменитое «Слово к народу», которое после августовского путча 1991 года противники пытались инкриминировать русским писателям как преступление... Но никто уже не слушал немногих оставшихся зрячих. Как обычно, вестников, принесших плохие вести, побили камнями...

«В девяностые годы я много писал горячей публицистики. Не мог писать про цветочки и ягодки, когда за окном бушевали такие страсти. Вопль души продолжался лет десять. К прозе обратился, когда все состоялось, и ничего изменить уже было нельзя».

ПОСЛЕ ПОЖАРА

Сегодня Распутин с горечью констатирует: «Удар, который мы получили в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, настолько оглушил нас, что мы стали терять и память, и ощущение себя в народе. Мы еще слышим друг друга, поддакиваем, но повлиять на что-то не можем».

Писатель не принимает многое из сегодняшней жизни. Ненавидит современное телевидение (хотя и хвалит недавнюю экранизацию «Идиота»), его раздражает пошлая реклама на улицах Иркутска и Красноярска, он устал от бесконечных шоу, политику и выборы называет

«чесоткой». Валентин Григорьевич считает даже Путина произведением ненавистной массовой культуры, отмечая, правда, что тот все-таки заботится о хлебе насущном для народа. Однако замечает при этом, что хлеб хлебом, но на Руси этого для счастья мало.

В сегодняшнем обществе зрелищ таким, как Распутин, нет места. И он это понимает, но сдаваться не собирается. По его убеждению, глянцевого фасада нынешней России не отменяет России параллельной, «потаенной». Ее писатель находит в православных церквях и старообрядческих скитах.

«Россия – другой мир. Никогда нам не стать европейцами или американцами. Если мы попытаемся отказаться от своей русскости, мы утратим себя, но и замену не найдем. Мы просто превратимся в нечто чужеродное, недоношенное и межумочное... Что делать? Терпеть и все равно продолжать свое дело. Пусть вас останется совсем мало, но и малым числом достигались большие победы. Я верю в приход иных времен».

И именно на эти времена он надеется, именно потаенная Россия дает ему силы для новых творческих всплесков. В последние годы он опубликовал несколько шедевров: рассказы «Изба» и «В непогоду», повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». Это его кирпичики в Ноев ковчег, о котором он сказал в своей знаменитой речи на вручении Солженицынской премии.

«Солнце слепит до головокружения, до миражей, и тогда представляется нам, что наша льдина — это новый ковчег, в котором собрано в этот раз для спасения уже не тварное, а засеянное Творцом незримыми плодами, и что должна же быть где-то гора Арарат, выступаю-

щая над подобным разливом. И мы все высматриваем ее и высматриваем в низких горизонтах. Где-то этот берег должен быть, иначе чего ради нам поручены столь бесценные сокровища».

Пожалуй, можно рискнуть и назвать Распутина русским экзистенциалистом, который продолжает героически сопротивляться все усиливающейся энтропии мира, хотя и ясно, что эта борьба – без особых шансов на победу. Оскал хохочущего прямо в лицо хаоса кого угодно может сломить, но Распутин, как и героиня его последней повести, верит только своей совести и своему народу, только в них черпает силы для последней битвы. Можно, конечно, скрыться в тайге или в катакомбах, но вряд ли это поможет. А потому вслед за героем распутинского рассказа «В непогоду» остается повторить: «Мужество – это когда некуда деваться».

2004/2005

Чернявский Александр Александрович

ГЕРОИ МОЕГО ВРЕМЕНИ

Интервью, статьи, эссе (2000 – 2007 гг.)

Корректор – Людмила Павленко

Подписано в печать 20.05.08 г.
Формат 84х108/32. Бумага офсетная.
Печать ризограф. Усл. печ. л. 10,87.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Поликом»
660017, г. Красноярск, ул. Ленина, 113, офис 416,
тел. (3912) 23-52-73, тел./факс (3912) 29-63-58.
E-mail: poliizdat@krasline.ru